СОДРУЖЕСТВО

1966

СОДРУЖЕСТВО

Из современной поэзии Русского Зарубежья

Вашингтон, Изд. Русского книжного дела в США
Victor Kamkin, Inc.
1966

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый сборник — не антология в обычном понимании этого слова. Его нельзя рассматривать, как « Розовый букет, составленный из лучших цветов русской поэзии » — такое название носила антология, изданная в 1839 г. Этим как бы подчеркивалось, что и сам термин ведет свое начало от двух греческих слов, обозначающих « цветок » (anthos) и « собирать » (legein).

В этом году исполняется как раз тридцать лет со времени выхода первой антологии, в которой были собраны стихотворения русских зарубежных поэтов. Мы имеем в виду сборник « Якорь », выпущенный Г.В. Адамовичем и М. Л. Кантором в 1936 г. За ним в 1948 г. (в книге дата не указана) последовала « Эстафета » — сборник стихов русских зарубежных поэтов под ред. Ирины Яссен, В. Андреева и Ю. Терапиано (Нью-Йорк — Париж) В 1953 г. Издательство имени Чехова в Нью-Йорке выпустило антологию русской зарубежной поэзии « На Западе », составленную Ю. П. Иваском.

В сборник « Литературное Зарубежье », вышедший в Мюнхене (Изд. Центр. Объединения Полит. Эмигрантов из СССР) в 1958 г., вошли избранные произведения не только поэтов, но и прозаиков, однако лишь бывших советских подданных. Антология была составлена из произведений авторов, печатавшихся в пред-

шествовавшее появлению книги десятилетие, т. е. в 1947-57 гг.

В 1959 г. в « Гранях » № 44 появились подобранные Ю. К. Терапиано « Избранные стихотворения зарубежных поэтов, 1920-1960 годы », вышедшие отдельным сборником в следующем же году под названием « Муза Диаспоры ».

В подготовленную нами книгу не вошли стихи, отстоявшиеся годами на страницах индивидуальных сборников поэтов, известные читателю, как наиболее мастерские произведения, иногда неоднократно представляющие своих авторов в изданиях разного рода. Все стихи, собранные в этой книге, присланы составителю самими поэтами в результате приглашения, сделанного от лица издателя нынешним участникам сборника и последовавшей за этим переписки. Иногда же сами поэты привлекали к участию своих собратьев по перу.

Особенностью книги является то, что на ее страницах представлены либо нигде еще не опубликованные, либо напечатанные только в периодических изданиях произведения. Во всяком случае — таковы « правила игры », доведенные до сведения всех участников сборника, на слово которых мы вполне полагаемся.

Не исключена возможность, что кто-либо из участников выпустит свой собственный сборник раньше выхода в свет данного издания и какие-либо стихи, вошедшие в наш сборник, окажутся включенными и в книгу поэта.

Построение сборника на неопубликованном или опубликованном только в периодических изданиях материале является, как мы уже сказали, своеобразной чертой предпринятого нами издания и в то же время это необычайно усложняет задачу составителя.

Чаще легче найти книги, чем установить местопребывание их авторов. Проще спокойно выбрать из уже напечатанных сборников приглянувшиеся строфы, чем строить книгу из вложенных в письма листков, зная при том, что от определенного решения зависит не только пополнение книги, но и развитие взаимоотношений между лицами, осуществляющими издание этой книги, и самими поэтами.

К чести участников нашего сборника следует подчеркнуть, что все они проявили большую чуткость и понимание стоящих перед составителем трудностей и всячески облегчили его задачу.

Необходимо отметить, что наш принцип подбора материала создал затруднения и для поэтов. К сожалению, лица часто издающие свои сборники или же выпустившие книгу своих стихов незадолго до того, как мы начали работу над данным сборником, располагали очень ограниченными стихотворными запасами или даже совершенно исчерпали их. Поэтому, к огорчению составителя, некоторые поэты представлены в этой книге с недостаточной полнотой, другие же просто отсутствуют.

В сборник включены произведения только и поныне здравствующих поэтов *). Среди них люди разного возраста — так старейшему из участников сборника, Д. И. Магуле — восемьдесят шесть лет, самой молодой участнице, Елене Матвеевой — двадцать один год. Это не могло не сказаться на тематике и манере каждого из поэтов, тяготеющих к той или иной школе даже в чисто хронологическом разрезе. Однако, мы не задавались целью создать сборник из произведений, написан-

---

*) Печальная весть о смерти В. Л. Корвин-Пиотровского пришла после того, как сборник был уже сдан в печать.

ных только в господствующей теперь манере. Как пишет Кира Славина в одном из своих произведений :

Все сказано ? Нет, не сказано —
У каждого есть свое.

Предлагая вниманию читателя стихи представителей трех поколений русских людей, живущих в разных странах русского рассеяния, мы с удовлетворением отмечаем, что в нашем сборнике приняли участие поэты, живуще в США, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Англии, Канаде и далекой Австралии. Читая их строки, можно повторить слова Ю. П. Иваска, участника нашего сборника и составителя интересной и ценной антологии « На Западе », уже упоминавшейся выше :

« Эмиграция всегда несчастье . . . Но эмиграция не всегда неудача. Творчество, творческие удачи возможны и на чужбине »

Сведения, сообщенные поэтами о себе в следующем за их стихами разделе, нельзя назвать био-библиографическими справками, поскольку в большинстве случаев в них даже не раскрываются псевдонимы поэтов. Они только как бы создают определенный климат, тем более, что присланные поэтами данные (иногда в первом, иногда в третьем лице) не подвергались каким-либо изменениям — этим сохранялась непосредственность разговора поэта с читателем, который сразу может почувствовать, **что** именно тот или иной автор считает для себя важным, к чему он относится юмористически . . . И все же, несмотря на краткость и неполноту сведений, любому, задержавшемуся взглядом на этих скупых строчках, становится ясным то, о чем

писала Екатерина Таубер в одном из включенных в сборник стихотворений :

Твой чекан, былая Россия,
Нам тобою в награду дан.
Мы — не ветви твои сухие,
Мы — дички для заморских стран.

По возможности мы старались удовлетворить все пожелания участников сборника, в частности оставили без изменений пунктуацию авторов, так же как и не добавляли каких-либо разделительных знаков в стихах поэтов, настаивавших на их полном или частичном отсутствии.

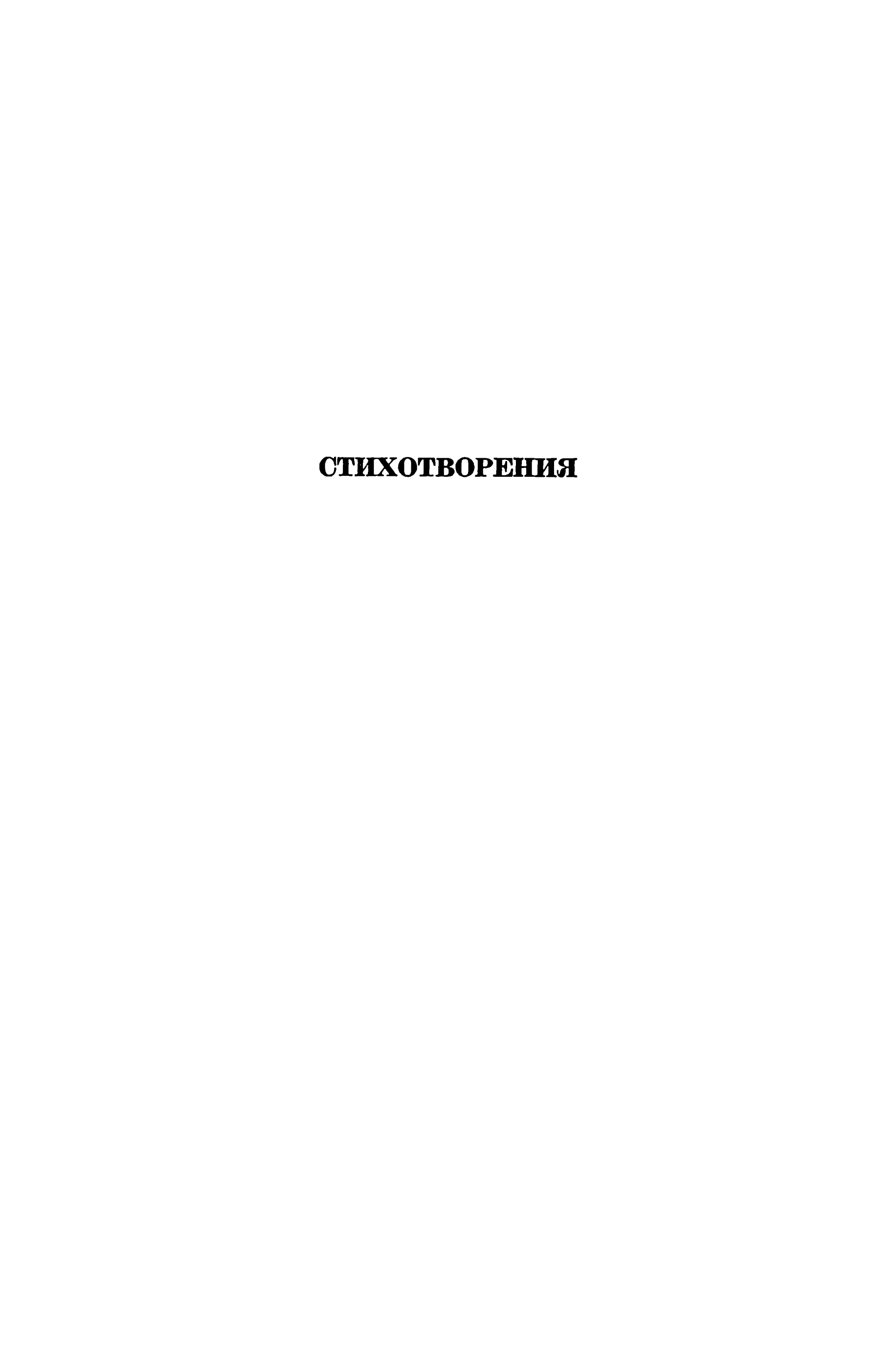
В зависимости от желания авторов, под стихами либо поставлены, либо опущены даты. Иногда тот или иной автор, вообще не ставящий дат под своими стихами, выражал желание, чтобы какое-либо из присланных им стихотворений было датировано.

Нам не удалось установить живую связь со всеми поэтами, участие которых было бы желательно в нашем сборнике, а также познакомиться с творчеством ряда других, чьи стихи могли бы оказаться ценным и интересным вкладом в создаваемую нами книгу. Однако мы считаем, что объединение 75 поэтов разных стран русского рассеяния в результате дружественного общения участников и составителя сборника — явление само по себе необычайно положительное и отрадное.

Издатель и составитель предлагаемой книги приносят свою глубокую благодарность всем лицам, любезно согласившимся участвовать в сборнике, а также всем, оказавшим нам помощь в получении адресов и установлении связи с поэтами, в частности М. Е. Вейнбауму, Р. Б. Гулю, Ю. К. Терапиано и Б. А. Филиппову.

Апрель 1966

Татьяна Фесенко

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

(Франция)

ВСПОМИНАЯ АКМЕИЗМ

После того, как были ясными
И обманулись... дрожь и тьма.
Пора проститься с днями красными,
Друзья расчета и ума.

Прядь вьется тускло-серебристая
(Как детям в школе : жить-бороться)
Прохладный вечер, небо чистое,
В прозрачном небе птица вьется.

Да, оправдались все сомнения.
Мир непонятен, пуст, убог.
Есть опьяняющее пение,
Но петь и верить я не мог...

В СТАРИННЫЙ АЛЬБОМ

Милый, дальний друг, простите,
Если я вам изменил.
Что мне вам сказать ? Поймите,
Я вас искренне любил.

Но года идут неровно,
И уносятся года,
Словно ветер в поле, словно
В поле вешняя вода.

Милый, дальний друг, ну что же,
Ветер стих, сухи поля,
А за весь мой век дороже
Никого не помню я.

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВА
(США)

⁂

Холод, ветер... А у нас в Крыму-то
У кустов — фиалок бледных племя,
И миндаль, как облако раздутый,
Отцветает даже в это время,

Там, над морем. А у нас в Стамбуле
По террасам, над Босфором синим,
На припеке солнечном уснули
Плети распушенные глициний, —

Разленились. А у нас в Белграде,
Хоть ледок еще на лужах прочен,
Но вороны с криком гнезда ладят
И трава пробилась у обочин

Тех тропинок... А у нас в Тироле
Мутный Инн шумит в весеннем блеске,
И в горах, где дышится до боли,
Расцветают вереск и пролески.

И стоит сквозной зеленый конус
Лиственницы нежной на пригорке :
До нее я больше не дотронусь,
Не поглажу. А у нас в Нью-Иорке...

⁂

Гладко обласканный морем
Смугло серебряный корень
Брошен в песок на покой, —
Море заботилось много —
Каждую веточку рога
Влажной ваяло рукой.

Вот он — почти невесомый —
Я положу его дома
Между бумаг на столе :
Пусть он коснется чудесно
Плотью морской и древесной
Песен моих о земле.

На подоконнике синеет
От солнца теплый переплет, —
Укрытый им, веками зреет
Стихов Гомера дикий мед.

И всё древнее и моложе
Они звучат весенним днем,
На ветер солнечный похожи
На подоконнике моем.

Лидия Алексеева

***

Старый дом — и кот на крыльце,
И в садовой тени — качели...
Для того ли мы о конце
И начале спорили, пели, —
Чтобы сесть на теплый порог,
Отодвинуть пустую лейку,
И коту, разгоняя блох,
Почесать осторожно шейку,
И на облако посмотреть,
Что горит над вечерним садом —
И простую песенку спеть
Про клубок, мурлычащий рядом ?...

Лидия Алексеева

⁂

Цветет акация — тепло, обильно ;
Балкон в сору, в медовых лепестках.
А на перилах — блюдце пены мыльной
И, как свирель, соломинка в руках.

И он растет из моего дыханья —
Прозрачный, радужный, и заключен
В нем круглый мир и ветра колыханье,
Мое лицо, акация, балкон.

Вот, проведя по полу светлой тенью,
Он отделился, словно спелый плод,
Еще не веря своему рожденью,
Еще колеблясь, в воздухе плывет.

И вдруг поверил. Начал подниматься,
Смелее — легче — вовсе без труда :
Застыл. Исчез. Он жил секунд пятнадцать.
И нет его. И не ищи следа.

***

Головой прозрачно-серой
Приподнявшись над травой,
Мне навстречу вышел первый
Одуванчик луговой.

Из пушинок цепких сложен
Чисто высохший цветок, —
Так умно́ неосторожен,
Так бесстрашно одинок.

И одна его забота,
Радость верная одна,
Чтоб созрели для полета
Новой жизни семена.

Лидия Алексеева

***

На небе туч лиловый груз,
По саду — дробный шелест градин, —
А хрустко взрезанный арбуз
Как иней розовый прохладен.

Когда же молнии косой
И быстрый трепет громом ахнет —
Не то арбузный сок грозой,
Не то гроза арбузом пахнет !

Лидия Алексеева

МОЛИТВА

Не прошу, — но за все, что дал мне,
Говорю покорно : спасибо !
За песок на прибрежном камне,
Влажно пахнущий блесткой рыбой,
За суровый берег и море,
Синий шорох Твоих сокровищ,
За слезы огневую горечь,
За живое биенье крови, —
Когда ласточкой дух — к к пожару,
В облаков закатное пламя —
И за легкий летящий парус
В ту страну, где смолкает память.

НИКОЛАЙ АЛЛ
(США)

К холодному сердцу нашел ты ключи
и встала от сна я;
Напрасно ты хочешь меня приручить —
я нимфа лесная.
Тебе же в холодной, неясной любви
не будет отрады.
Ты ищешь заветных и ярких глубин
и в сердце дриады.
Подумай — я буду безгласной, немой
от жизненной фальши;
И ты ведь далекий и ты ведь не мой,
а что будет дальше?
Но близок конец, там — в лесах голоса
я слышу, ликуя...
И снова уйду я в глухие леса,
И снова усну я...

***

Там был фонтан. Причудливо на нем
Стояла статуя влюбленных нежно.
Он ей шептал : с тобой нам неизбежно
Любить и умереть вдвоем.

И падала чуть слышно, безмятежно,
Вода фонтана в водоем.

Она ответила : пусть мы умрем,
Любовь не знает смертного предела.
Как хорошо так умереть вдвоем,
Без слов, безропотно и смело.

И, наклонясь, глядела в водоем,
Держась за ветвь, зеленая омела.

И так стоят они, забывшись сном,
И в мертвом камне Дафнис верен Хлое, —
Им хорошо застыть навек вдвоем
В любовном, радостном покое.

А сверху смотрит небо голубое,
Как падает вода фонтана в водоем.

Николай Алл

***

Непреклонно,
Неизменно
В даль уносятся года ;
В этой жизни все мгновенно,
Все уходит постепенно,
Только ты одна нетленна,
Только ты
Со мной всегда.

Без надежды —
Нет желанья,
А желаний — без конца ;
Губ холодных прикасанье,
Радость первого признанья,
Грусть ненужного изгнанья,
Отблеск
Милого лица.

В этом мире
Нет двух счастий, —
Счастье — призрак, счастье — тень.
Пламя страсти мир весь застит,
Жажда тела, жажда власти,
Сердце рвущие на части
Каждый час
И каждый день.

Без любви
В тебя влюбленный
Много дней и много лет,
Я тобою отраженный,
Ухожу в тот мир бездонный,
В сонный мир,
Где света нет . . .

ОЛЬГА АНСТЕЙ

(США)

*
**

Весь в нетерпении въездной уборки
Светло-необжитой и звонкий дом.
Девически белеют окон створки
И двери хлопают веселым сквозняком.

Так ты, душа, едва из-под неволи,
Общипанная, с перьями в крови —
С надеждой в новой селишься юдоли,
Пьешь разреженный воздух нелюбви.

Так прибрано, так звонко-одиноко !
Для новых песен приготовлен дом.
Свободны руки, внятно видит око
И сердце хлопает веселым сквозняком !

Ольга Анстей

ДЕВОЧКА

Шероховатость кожи у локтей.
Испуганный изгиб неловкой длинной шеи.
Грань юности. Еще совсем немного дней —
И ты распустишься, плавнея, хорошея.

О не спеши, дитя, туда — в горнило нег !
С твоею скрытною, твоею бурной кровью
Нейди в натоптанный, надышанный ковчег
Тех благ непрошенных, что здесь зовут любовью !

В застенчивости утренних теней,
Вдали от храмины сговорчивой Киприды,
Урчанья жирных стай священных голубей —
Подольше будь подобьем хризалиды
Всем одиночеством нетронутой обиды,
Всей угловатой свежестью своей.

Ольга Анстей

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

За окном февральский сумрак вырос.
Осторожно, не спеша,
Тихо-тихо запевает клирос.
Люди слушают, едва дыша.

На чужих, холодных, океанских
Тяжело катящихся реках,
На скалистых глыбах великанских,
С лютнями-подругами в руках —

Плакали мы, плакали без слова...
Что слова, когда нам запрещен
Наш зеленый, у Днепра святого
Многохолмный наш Сион ?

За окном февральский сумрак вырос.
Осторожно, не спеша,
Тихо-тихо чуть вздыхает клирос.
Тихо плачет каждая душа.

Как сберечь нам песню ? Бесприютней
Жизнь идет без песни на ущерб.
Негде нам повесить наши лютни —
Нет кругом родных дуплистых верб...

Средь немого хмурого сегодня,
Средь немых негреющих людей —
Как нам песню пронести Господню
По земли чуждей ?

Ольга Анстей

*
**

Когда весь дом причесан и умыт,
Осмысленной напитан тишиною,
И стол рабочий тянет как магнит
Своею сладостною шириною,

Когда лампадки верный огонек
На рушнике у образа поставлен,
И дух светло-насторожен и строг,
И как лампадка, бережно заправлен,

И надо эту тишину вбирать,
И карандаш тянуть к себе рывками,
И теплую раскрытую тетрадь
Листать нетерпеливыми руками —

Тогда возьму я ключ, пойду к дверям,
Подальше спрячу душу человека,
И Божьи все дары опять отдам
За двухнедельную бумажку чека.

НОЧЬЮ

Красный отсвет от лампадки.
Начал фитилек дрожать,
Точно мается в припадке...

И лампадке умирать.

Вьется пóд гору дорога,
Но не страшно темноты :
И фитиль, и я, и ты —
Все в руках Живого Бога.

ЕЛЕНА АНТОНОВА

(США)

Не бойтесь слов — они даны
Чтоб выражать и мысль и чувства ;
Без них не знали б глубины
Мы ни науки, ни искусства.

Не бойтесь слов — они верней
Откроют счастья путь пред вами.
Ведь сердце ждущее больней
Молчаньем ранят, чем словами.

Елена Антонова

⁂

Фонари — зеленые, красные, —
За меня решают : идти ль ;
На меня глядят, безучастные,
Не считая пройденных миль.

Предо мною дорога тянется,
Позади она все длинней.
Кто мне встретится, кто останется,
Чтоб дойти до конца по ней ?

В темноте на дорогу вышла я,
По родной земле шла быстрей,
А с тех пор, как я стала пришлая, —
Не идти мне без фонарей.

Фонари — зеленые, красные, —
Мне от вас уже не уйти ;
Растеряла мечты напрасные
Я на длинном моем пути.

Елена Антонова

⁂

По темным улицам Нью-Йорка
Бродили мы, в руке рука,
И в темноту глядели зорко,
Ища пустого уголка.

Желанье было обоюдным
Прильнуть к губам хотя бы раз...
По улицам, всегда безлюдным,
Толпа сновала в этот час.

И места не было для ласки,
Для мимолетной ласки уст,
Хотя обычно в том участке
Бывает каждый угол пуст.

Он мне сказал, что вдохновенье,
Что свет я солнечного дня
И, расставаясь, он прощенья
Просил за что-то у меня.

Потом сошел он с тротуара
И помахал рукою мне,
А я, пьяней чем от угара,
Прижалась к каменной стене.

Смотрела вслед ему с волненьем
Пока не скрылся силуэт...
Не я, а он мне вдохновеньем
Наполнил много-много лет...

Елена Антонова

***

Надменно смотрит тополь желтый
В похолодевшее окно.
Неправда, не совсем ушел ты,
Ко мне вернешься все равно.

Ты уходил и прежде тоже,
Но возвращался всякий раз ;
Я знаю, я была моложе,
Властнее сердца был приказ.

Но и теперь не меньше силы
У нестареющей любви.
Ты возвратишься, правда, милый,
Вернешься, только позови.

И я звала... Уж тополь черный
Расправил ветви пред весной...
Ты не вернулся, непокорный,
А я устала быть одной.

***

Побежала за ним поспешно,
Но догнать его не могла.
И вдруг стала такой кромешной,
Безнадежной ночная мгла.

Шла обратно я, как хмельная,
За ограду держась рукой,
И казалось мне, что одна я
Не могу совладать с тоской,

Много он говорил ненужных,
Незапомнившихся мне слов . . .
Вновь услышу их в стонах вьюжных,
В зимних песнях седых ветров.

Про обиды, что я забыла,
Мне напомнит опять зима,
И когда-нибудь, в час унылый,
Я наверно сойду с ума.

ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА

(Англия)

*
**

Год моей жизни, быть может последний.
Тот же очерчен безвыходный круг.
Мир от рождения дан нам в наследие,
Но не успеть протянуть к нему рук.

Каменный город и люди глухие.
Умерло эхо — кому отвечать ?
Косная, злая, тупая стихия —
    Смерти печать.

Екатерина Бакунина

⁂

Молчи ! Что свято ? Что заклято ?
Язык во рту острей ножа.
За губ сургучною печатью
Живой клинок таить должна.

Но я не знаю горше опыта,
Чем эта страсть влагать в слова
Вкус жизни початой, недопитой,
Пригубленной едва-едва —

И в их сплетении неистовом
Хоть на единый чудный миг
Сверкнуть сквозь ложь мелькнувшей истиной,
Чей образ странен, смутен, дик.

Когда ж Искариота рвением
Душа на муку предана —
За синей молнии мгновение
Какая страшная цена :

Непонимание презрения,
А не прозрение людей —
И ты, сквозь холод отчуждения
Плывешь в Хароновой ладье.

Екатерина Бакунина

Сердце, кончается танец твой
И я не знаю, зачем цвела.
Скоро за мною останется
Чем дорожила и что берегла.

То, что взяла на прощание
С древней своею отчизною,
То, что скопила в изгнании,
Ставшем по родине тризною.

Цепи серебряной звенья
С круглой подвеской-монетой,
А на монете — виденье,
Профиль чеканным портретом.

Книги на полке, коробочки —
Прошлого вехи и меты —
Яркий флакончик под пробочкой
Льдинно - хрустального цвета.

Бусы мои искрометные,
Те, что любовью подарены,
И — что монашкой залетною :
Рыжие четки в подпалинах.

Свитки, где страсть вся не вымыта ль
Горькой случайностью жребия —
Все остальное покинуто
Вместе с ненужным отребием.

Все, что бывало непонято
Так и осталось не сказанным...
Жизнь равнодушнейший понятой
Ею самою наказанных.

Екатерина Бакунина

⁂

Чем привлекает глушь родная
И не объять и не понять.
Зачем тоскуем мы по краю
Чей облик ныне не узнать !

Не райский сад — пустырь с бурьяном
На взрытой, выжженной земле.
Добром ли залечить те раны
Что окровавлены во зле ?

Любовью ль ? Но ее не надо.
Мы — старые. Мы — не нужны.
Нам никогда не будут рады,
Не вложат мщенья меч в ножны.

Так все равно в какой пустыне
Век, иноземной, доживать.
У нас горчайшая судьбина
Отчизну мачехою звать.

* * *

Спасения не жду. Не будет.
И это слова отвальные.
Мои дорогие люди,
Вас видят глаза прощальные.

И ясно так вспоминаются
Былое и наши встречи —
Живете вы или маетесь,
И вас, как меня, калечат?

Погасли и пламя, и раж — давно.
Лишь шепчется под сурдинкой...
Насельники мир, граждане,
Застыла душа, как льдинка!

Екатерина Бакунина

***

Разорви монисто, бусы из словечек,
Попляши под дудочку, поминай избу,
Выступай на цыпочках, поводи-ка плечиком,
Поиграй кудряшками на вспотевшем лбу.

Всвистом ли татарии, взвизгом ли монголии —
Взвой поразухабистей : душу — до нага !
. . . .

Застудили до-синя, выставили голую
Под глаза-буравчики друга и врага.

Кожа не разъежится, некчему корежиться :
Нежить человечины щиплет как мороз,
Ушки на макушечках — лики или рожицы —
До ушей улыбочки : засмеют до слез.

⁂

На берег вползая, шумело и пенилось море.
Покорная слышалась в шуме немолчном печаль.
Земля принимала, земля отдавала, не споря,
Размокшую щепку, что волны устали качать.

И с каждым приливом в пучину ее уносило,
И с каждым отливом бросало на зыбкий песок.
Так мучила щепку слепая бездумная сила
И жаль было дерева мертвый, набухший кусок.

Не так же ли время швыряет, взметнув, человека
И, жизнь обобрав, не жалеет украденных дней.
Игра происходит все та же от века до века
И в небо глядим, навсегда оставаясь на дне.

Екатерина Бакунина

⁂

Очень съузился мир, потому что топтать
надо землю, в которой схоронят.
Приближается срок, бесполезно роптать :
возвратись в материнское лоно.

— Не хочу умирать ! — На бессмысленный круг
ты кричишь и на все « невозможно ».
Ты, пока не в земле, не у места, мой друг,
точно ножик, не вложенный в ножны.

НОННА БЕЛАВИНА

(США)

***

Счастье ! Ты разве знаешь о нем,
О счастье, рожденном в муках ?
Ты думаешь, можно сказать : «Возьмем !»
Протянув спокойную руку, —

И вот оно здесь ! Точно снежный ком
Скатился, сверкающ и звонок,
И лег у ног пушистым клубком,
Ласково, как котенок.

О, если ты это счастьем зовешь,
Не стоит и жить на свете.
Я знаю другое : то ранит, как нож,
То синей звездою светит.

То горькой судорогой сводит рот,
Ломает пальцы от боли,
То жаворонком в небе поет,
Цветком расцветает в поле,

Бросает радуги яркий мост
Над морем, и все — сиянье.
То вдруг весь мир, взлетевший до звезд,
Сметает до основанья.

Словами о нем нельзя рассказать.
И рвется душа на части.
И дивно, и жутко смотреть в глаза
Такому страшному счастью !

Нонна Белавина

⁂

Возврати мне часть души моей.
Ту, что я в руках твоих забыла.
Без нее мне с каждым днем больней
И ничто мне без нее не мило.

Страшно жить со сломанной душой,
С этой нескончаемою болью.
Разве то, что я зову тоской
Также называется любовью ?

Разве нет названья потрудней ?
Тверже, но прозрачнее кристалла.
Возврати мне часть души моей.
Ту, что на губах твоих осталась.

Нонна Белавина

⁂

О. М.

Пускай стареем. Ну так что же ?
Всему на свете-свой черед.
Давай же дружно подытожим
Прошедших лет шальной полет.

Когда любовь светло рождалась,
Когда сиял венцами храм,
За нами голод и усталость
Плелись повсюду по пятам.

Но мы — бездомные бродяги
Делить умели все равно
Глоток воды из старой фляги
И хлеб нам поданный в окно,

И птиц серебряное пенье,
И все дары чужой земли . . .
И по развалинам и тленью
Мы все же к счастью добрели.

Не говори, что мы устали,
Что старость тихо входит в дверь,
Что вот морщины глубже стали
И седина уже . . . Поверь,

Что это все так мало значит.
И вот на грани бытия
Скажи мне, можно-ль быть богаче,
Чем ты и я ! ?

Нонна Белавина

⁂

Кто вложил меня в лук, как стрелу,
Тетиву натянул до предела
И послал меня в синюю мглу,
Чтоб всю жизнь я стрелою летела,

Быстрой тенью скользя по полям,
Над морской пролетая волною . . .
И любая чужая земля
Лишь на миг становилась родною.

Оставались вдали города
И привычною стала разлука . . .
Я летела, не зная куда,
С тетивы закаленного лука.

Над вишневою дымкой в саду,
Над какой-то чужой колыбелью.
Но скажи мне, куда упаду,
Где я встречусь с неведомой целью ?

Что придумал таинственный друг,
Тот, который в небесной отчизне
В руки взял заколдованный лук
Для моей заколдованной жизни ?

⁂

На шнурок нижу неудачи,
А удач нигде не найти.
Но не жди, Судьба, не заплачу
Я на трудном своем пути.

И хотя ты мало дала мне
Голубого простого дня,
Обломаю ногти о камни,
Но в борьбе не сломишь меня.

И тогда на звезде соседней
Или где-то в тихом раю
Знаю я, что буду последней
Засмеявшейся в нашем бою!..

*
**

Каждый миг несет с собою чудо !
Жду его, по улице идя . . .
Кто тебя послал мне и откуда,
Капелька вчерашнего дождя ?

Где вчера ты спряталась от ветра ?
Как тебя не сдуло на песок ?
Как тебя не выпил до рассвета
Насмерть перепуганный жучок ?

Под каким листком пересидела,
Терпеливо дожидаясь дня ?
Но одна ты за ночь уцелела,
Сохранилась чудом для меня,

Чтоб сегодня, этим утром ярким,
Просияв алмазом средь ветвей,
Быть мне первым ласковым подарком,
Поцелуем на щеке моей.

Нонна Белавина

В АЭРОПЛАНЕ

Душа сейчас, как ласточка легка !
Простит ли мне земля мою измену ?
Но крылья нам целуют облака
Золото-розовою пеной.
. . . .

Я помню тот последний долгий круг
Над городом — я с ним простилась взглядом.
И небо, словно долгожданный друг,
Светло и просто встало рядом.

И высота нас мягко обняла.
И на землю, покинутую нами,
Крестом неровным наша тень легла,
И мы уже над облаками.

О, гордый мир, раскинутый внизу
В закате, словно в зареве пожара,
Как ты далек ! — А здесь уже грозу
Готовит небо нам в подарок.

Мне навсегда запомнится излом
Горячих молний, разрезавших воздух
В то время, как сияли над крылом
Почти игрушечные звезды.

Качалась справа ночь. А за стеной
За левой, бирюзовым, нежным светом
Закат всю ночь боролся с темнотой.
И победил. И стал рассветом.

И вот внизу квадратные поля,
Леса, что сверху кажутся кустами . . .
Я возвращаюсь вновь к тебе, земля !
Но жаль расстаться с небесами.

И лишь глядеть на них издалека,
И за полетом птиц следить с тоскою . . .
Душа сейчас, как ласточка, легка !
Но как остаться ей — такою ?

НИНА БЕРБЕРОВА

(США)

Последний поэт России :
Голова седая в крови.
Дайте рюмку, — прочтет стихи и
О прошлом поговорит.

Как в тринадцатом... Жизнь струилась
Между пальцами слабых рук,
И кабацкая тень носилась
Меж влюбленных в него подруг.

Как в тринадцатом, в последнем,
В незабвенном, вольном году,
Он у Блока сидел в передней,
У Волошина спал в саду.

(« Я виском ударился в жизни,
Что-то острое было в ней,
И на пьяную морду как брызнет,
И не сплю уже сколько ночей ! »)

Кладби́ще, тюрьма, лазарет ли, —
Конец уже виден его.
Сейчас — полумертвый и светлый,
Он ходит себе, ничего !

Знакомится, шаркает ножкой :
— Последний России поэт !
Познакомитесь ближе немножко
Он скажет : России нет.

Вы подайте ему, не стыдитесь,
Посмотрите ему в глаза,
Не чурайтесь и не креститесь,
Всё равно, приснится не раз.

Поцелуйте же те ступени,
Где ходила его нога,
Обнимите его колени, —
Никогда. Никогда. Никогда.

1950

⁂

Ребенок маленький лепечет,
О том, что больше Бога нет,
И люди говорят при встрече :
— Кто выдать мог ему секрет ?

Секрет прополз в воображенье,
Секрет прокрался в сладкий сон,
Оттуда не исчезнет он,
От сна не будет пробужденья.

К чему кощунственный намек ?
Храните лучше тайны ваши !
Ведь от Моления о Чаше
Еще остался черепок.

1956

Нина Берберова

ЛУНА

Луна хотела высказаться ночью
На солнечных часах, но не смогла.
Она старалась долго,
Она и так и сяк пыталась
Дать знать о том, что было на уме,
В большом серебряном мозгу,
Но зря :
Стрела не отклонилась,
Тень не легла.

И долго сад следил, оцепенев,
И с ужасом цветы смотрели
На эту муку.
И больше — миллионы лет —
Луна не пробовала выражаться.

1959

Нина Берберова

Я ОСТАЮСЬ

Я остаюсь с недосказавшими,
С недопевшими, с недоигравшими,
С недописавшими. В тайном обществе,
В тихом сообществе недоуспевших,
Которые жили в листах шелестевших
И шёпотом нынче говорят.
Хоть в юности нас и предупреждали,
Но мы другой судьбы не хотели,
И, в общем, не так уже было скверно ;
И даже бывает — нам верят на слово
Дохохотавшие, доплясавшие.

Мы не удались, как не удалось многое,
Например — вся мировая история
И, как я слышала, сама вселенная.
Но как мы шуршали, носясь пó ветру !
О чем ? Да разве это существенно ?
Багаж давно украли на станции
(Так нам сказали), и книги сожгли,
(Так нас учили), река обмелела,
Вырублен лес и дом сгорел,
И затянулся чертополохом
Могильный холм (так нам писали),
А старый сторож давно не у дел.

Не отрывайте формы от содержания,
И позвольте еще сказать на прощание,
Что мы примирились с нашей судьбой,
А вы продолжайте бодрым маршем
Шагать повзводно, козыряя старшим.

1959

Нина Берберова

⁂

Есть нити, есть сети,
Есть тяжести счастья,
Чугунные узы, —
Но я ухожу, не оставив узлов.
Оковы ношу, как запястья,
И тернии — как тиару,
И все оскорбленья, обиды и боли
На шее цыганки монистом звенят.

Друзьям моим милым
Дано долголетье,
Врагам — только день. И — нет дня !
Меня бы сожгли
Фердинанды, Карлы, Филиппы.
Смотрите : я выросла в парку,
А была я
Обыкновенною ведьмой,
Когда вы знали меня.

Есть сети, есть цепи,
Все есть у колодников счастья,
Прикованных к миру,
Закованных в мир.
Гремят кандалы слаще звуков Моцарта,
Железа горят изумрудами,
Гвоздь в ладони — сапфир.

Есть искры, есть молнии,
Огненный ток наших прихотей,
Костры вожделений, пожары желаний,
И тайный закон.

Но легки мне чугунные узы,
И час расставаний,
И ночи сомнений,
И призрак, тревожащий сон.

1961

Нина Берберова

⁂

Ни о вазе. Ни о розе в вазе :
Запретили. Нельзя !
Постановили единогласно
И я сама голосовала « за ».

А что ж о черепках ? Забыли ?
Разбили вазу,
Цветок сломали,
А черепок ?
О нем-то есть постановленье ?
— Конечно, запретили тоже,
И я сама голосовала « за ».
(Читатель, я тогда моложе . . .)

Как жаль ! А то по черепку восстановить
бы вазу,
А там, глядишь, в горшке знакомом
Репейник бы зацвел опять, —
Наперекор, читатель, и тому
И этому. Наперекор всему,
Наперекор голосованью моему
И тем, кто любит запрещать.

Что делать нам с запретным сим репьем ?
Куда его ? Куда прикажете девать
Посудину ? Опять разбить ? Зарыть ?
Закинуть за три моря ?
(Морей у нас кругом не перечесть).

— Забыть об этом безобразии !
Но кто-то есть, кто ждет осколок :
Он по нему восстановит
Меня, —
Наперекор всему,
Наперекор желанью моему,
Наперекор и вашим, и моим голосованьям.

1961

НИКОЛАЙ БЕРНЕР

(Франция)

Рощ бронзовых задумчивая просинь,
В ней колоннадой вставшие дубы.
Меня зовет не Болдинская осень
В торжественную сень живой судьбы.
В даль позвала тоска совсем иная.
С повязкой на глазах пошел за ней,
Рукою Дон Кихота обнимая
Обрывки ускользающих теней.
А Русская Камена, став бродягой,
Цыганствовать пошла на милость стран —
Кастальский ключ не закипает влагой,
Как осень мира — осень россиян.

Николай Бернер

РАЗДУМЬЕ

Пусть я устал ! Не каганца ли свет
И я в походе Пушкина читаю ? . . .
Вся молодость таких суровых лет
Опять передо мной. В безмолвии мечтаю . . .

Здесь тишина. В тоскующей груди
Рождается глубокое волненье —
Осмыслить я боюсь, что юность позади !

И вот, в подобный час, опять томленье
Все разрастается, но сетовать зачем ?
Когда бы завершить стихотворенье
О дорогом ! Передохнуть затем.

Но голос за плечом : — Очнись, еще года
Здесь пребывать ! Торопит жизнь куда-то.
Надежда впереди, как поздняя звезда,
Ужель ее восход — час моего заката ?

Николай Бернер

ВОСПОМИНАНЬЕ

Когда моряк находит сон и кров,
Забыв о штормах бедственного моря,
Когда ребенок, одолевший горе,
Мужает и становится суров,
Когда любовь из будней — берегов
Вдруг вырывается и на просторе
К ней обращается далекий зов
И с ней сливается в сердечном разговоре —

Тогда в кошницы солнечных стихов
Ты опускаешь руку за подарком
От щедрой юности, а в небе ярком
Встают все образы развеянных годов...
И кажется, ты жизнь принять готов,
Как в девятнадцать лет, когда в полудне жарком
Ее нога ступала и тонула
В глубоком, сине-золотом песке.
Она купалась в солнечной реке,
Купаясь, гибкая, на берегу уснула,
Вся молодость в забвенном далеке.

*
**

Благодарю тебя — слова не могут
И не умеют так благодарить.
Я привыкаю снова верить в Бога
У той прохлады, где я начал жить.
Мир увидал, как давнюю дорогу,
Где ты роняешь солнечную нить . . .
О нежная, да, если бы любить
Как на рассвете жизни ! за тревогу,
За невозможный трепет все на свете
Отдать и громко через все года
Запеть, как не певалось никогда.
И стать на час, как возгласы, как дети,
Как полдень, как нагорная вода.

Николай Бернер

⁂

Мой одинокий диалог
С самим собой, кому он нужен ? !
Одна из крохотных жемчужин
Над тонкой вязью тайных строк !

Порой грущу, что после смерти
Наследье избранных стихов
Кто сбережет ? Увы, поверьте
Здесь нет друзей !
Во власти снов

Забыться бы ! Еще сознанье
Любимых в памяти хранит.
Но здесь их нет. Одно молчанье
Кругом !
Да разве загрустит
Моя душа в час расставанья
С сим захолустьем навсегда ? !

Лишь обозрю тогда года
Судьбы нелегкой и превратной,
Да пред лучом зари закатной
Едва затеплится звезда —
Как тень исчезну навсегда.

ЭЛЛА БОБРОВА

(Канада)

*
**

В последний раз
мы расставались вечером —
отцвел внезапно почему-то май.
Вот год прошел...
Вновь день встает навстречу нам
и первый утренний звенит трамвай;
шел ночью дождь
и смыл он с неба синего
все пятна туч —
я знаю почему:
и улицы, и тротуары вымыл он —
все, милый друг,
к приезду твоему.
С вокзала возвратимся
не в трамвае мы:
поток автомашин нас понесет...
Шофер такси
улыбку, нескрываемо -
лукавую, нам в зеркальце пошлет...
И позади останется вокзал —
ты словно
никогда
не уезжал.

Элла Боброва

⁂

Нет вести.
Годы.
Часто представляю :
устал ты ждать — и больше не один.
Встречает вечером тебя другая,
Спокойней ты, былое вспоминая . . .
Лишь в волосах —
снег одиноких зим.
Как мыслей невеселых подтвержденье,
тебя во сне я встретила
с другой.
Скрестились наши взгляды на мгновенье . . .
Прочтя в моем :
« Не надо объясненья »,
ушел ты . . .
тот же,
но уже не мой.
Проснулась.
О, как это утро серо !
Скорей, почтовый ящик отопру . . .
Гоню сомненья,
снам ведь я не верю . . .
А если подтвердит письмо потерю —
умру.

Элла Боброва

⁂

Вдруг поворот...
                    И в горном окаймленье
Блеснула озера голубизна.
Еще светло, но в чаще с нетерпеньем
Свиданья с вечером ждет
                                        тишина.
Лес сковывает медленно истома,
Все реже говор утомленных птиц ;
Смыкают веки сосны в полудреме,
Темнеют иглы их густых ресниц.
Спешу.
          Ты ждешь...
                    Пусть краток час заката —
В нем радость всех нас обманувших лет.
Вперед !
     Пусть тонут тени без возврата —
Ни туч теперь, мой друг,
                              ни ночи нет.

Элла Боброва

⁂

— Спокойной ночи ! —
Слышу на прощанье.
И ночь пришла.
Но где мне взять покой ?
Лишь дверь меж нами в темноте ночной,
А днем — Китайская стена
молчанья.

Надеюсь.
Жду признания.
Страшусь . . .
И за тобою тайно наблюдая,
То вдруг ревнивых мыслей я стыжусь,
То новым подозреньем загораюсь.
Спокойна ты.
Но вижу я не раз :
Рука с иглой застынет на коленях . . .
Улыбка — отсвет мысли — на мгновенье
Мелькнет
и оживит взгляд темных глаз . . .
Вновь вечер.
Ровное « Спокойной ночи ».
Но знаю :
ночь
покоя
не пророчит.

ИВАН БУРКИН

(США)

В ЭТУ ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Эту зимнюю ночь
Я немедленно начал.
Как всегда,
Мне свидание ветер назначил.
Почему, отчего разошелся я с ветром ?
В эту зимнюю ночь занесло меня светом.
А потом
Как пошло,
Как пошло,
Как пошло . . .
Голубыми глазами меня занесло.
Завертелась судьба моя как колесо,
Дорогое лицо мне струится в лицо.
Я не знаю, куда меня сердце влечет.
Молодая рука в мою руку течет —
С трепетом, с пульсом рука молодая
Как горячий ручей в мою руку впадает,
Образуя теченье,
Что-то вроде реки,
Образуют забвенье четыре руки.

Иван Буркин

УЛЫБКА

Ты улыбаешься так чисто.
В твоей улыбке маски нет.
Она напрасно не случится
И не появится на свет.

Она без тени, без личины,
Она сомненье не внушит,
Она не вспыхнет без причины
И без согласия души.

Но если вспыхнет, как ей узки
Границы нежного лица :
Она расходится по-русски
И развернется до конца.

И вот тогда без принужденья
Все отразится сразу в ней :
И блеск, и легкое паренье
Веселой радости твоей.

Ты улыбаешься так редко.
Вот почему порой молю
Твою улыбку как соседку
Улыбку выручить мою.

Иван Буркин

ПИСЬМО

Я вам строчу. Как интересно
Писать на склоне лучших лет,
Когда дикует вся окрестность
И эхо шлет вам свой привет.

Ах, это эхо, это эхо —
Как шаловливое дитя :
Собакам здешним не до смеха,
А эхо тешится шутя.

Здесь небосклон конфеткой пахнет.
Здесь новостей особых нет.
Идет за плугом здешний пахарь,
Но это — тоже не секрет.

Земля щетинится как львица.
От солнца жмурится родник.
И борозда чуть шевелится,
Подняв бобровый воротник.

Я вам строчу. Скрипят телеги.
Трещат спокойно берега.
Добившись новых привилегий,
Свободы требует река.

Ах, если б знали вы, как нежно
Шумят у лошади бока,
Как канителится « конечно »,
Как беспокоится « пока ».

Иван Буркин

Как пробуждается желанье
(Его прочтешь во всех глазах)
Раскрыть себя до основанья
И рассказать все в двух слезах.

Итак, целую вас заочно
И извинения прошу
За то, что медленно, но точно
Я о любви своей пишу.

Иван Буркин

ТИШИНА

Я живу с тишиной
Как с больною женой ;
С тишиною законной,
В тишине из трех комнат,
С тишиною прозрачной
Совсем как стекло,
С тишиною, что смотрит
Так тихо в окно ;
С тишиной, что не тонет,
В огне не горит.
Не она ли мне тихо
Порой говорит :
Есть другая еще тишина
Как бесконечная величина.

Иван Буркин

МОИ СНЫ

Мои сны — не домоседы.
Мои сны как поезда.
Мои сны идут и едут,
Вылетают из гнезда.

Не поэтому ли снова
Озадачили меня
Закулисные маневры
Подсознательного « я » ?

Мои сны — мои шедевры,
И пора им выйти в свет.
В них о жизни ежедневной
И помину даже нет.

Черновик во сне не нужен.
Снятся сны наоборот.
Даже ужас, тихий ужас
Снится сразу набело.

В моих снах как у Жюль Верна
Все возможно, все дано,
Все научно, достоверно,
Но туманно и темно.

В них все точно как в аптеке.
Фигурируют в них чеки,
Выступают векселя,
Но ничуть не веселят.

Мои сны без продолженья,
Без заглавий, без страниц.

В них одни изображенья —
Без конца и без границ.

Непредвиденные встречи,
Неожиданные плечи.

Драматические сцены,
Пистолеты и мечи.
Разбиваются о стены
Набело мои мечты.

И пока на сны цензуры
Не предвидится и нет,
Без шумихи и без бури
Выпускаю их на свет.

Иван Буркин

МУЗЫКА

Давйте зажжем все улыбки,
Давайте потушим дела.
У музыки девочка-скрипка
В торжественный час родилась.

Какие тут могут быть споры ?
О музыке спорит педант.
Нужны ли фантазии шпоры ?
А может быть лучше педаль ?

Какие у музыки темы ?
У музыки все впереди.
И рушатся годы и стены,
Чтоб в царство ее перейти.

В мелодию входят бемоли
Как члены единой семьи.
И музыка — бурное море,
Войдешь и не видно земли.

Войдешь как в торжественный случай,
В событие века и дня.
О, музыка, жги, но не мучай.
Возьми эту клятву с меня.

Иван Буркин

БАЛЛАДА О МОЕЙ ТЕНИ

И подобно привиденью
По ночам то там, то тут
За своей огромной тенью
Я хожу как лилипут.

Я и тень. Нас только двое.
Тень идет, и я иду.
Тень как будто под конвоем :
Тень идет, а я веду.

Тень шагает без оглядки,
Как ее ты ни зови.
У нее свои повадки,
А привычки все мои.

У нее мои замашки.
И в числе других вещей
По наследству как рубашки
Перешли замашки к ней.

У нее свои манеры.
Этим я не удивлен.
Но вот есть ли чувство меры —
В этом я не убежден.

С этой тенью лишь заботы,
Сколько с ней одних хлопот !
Где нельзя и где verboten —
Там она перешагнет.

Головой ли покачаю
Иль махну на все рукой —
За себя я отвечаю,
Но за тень ответ не мой.

Иван Буркин

Мимо булочных, колбасных
Ходим мы который год.
Кто из нас двух понапрасну
У колбасных ноги бьет ?

Или тень мне надоела,
Или я ей надоел,
Или я хожу без дела,
Или оба мы без дел, —

Разобраться очень трудно
И не ясно по сей день,
Кто в безделье обоюдном
Ближе к делу : я иль тень.

То плетемся вдоль забора,
То толчемся у дверей.
По какому уговору,
Где встречаемся мы с ней ?

Не попутал ли лукавый ?
У кого бы мне спросить,
По какому это праву
Должен я за ней ходить ?

По какому это делу
Иль без дела просто так
Тень штаны мои надела,
Мою шляпу и пиджак.

Неужель у нас до гроба
На двоих одни штаны ?
Неужель в одну мы оба
Безнадежно влюблены.

ИРИНА БУШМАН

(Германия)

К родителям не смогшие дойти,
не брошенные в спальне или в детской,
повернутые вспять, на полпути,
остротой или мудростью житейской,
разбуженные раннею весной —
увядшие до осени червонной,
забытые на полке запасной,
потерянные в толкотне вагонной,
на жизнь не приобретшие пра́ва,
зарытые под пыльными делами —

не сказанные нежные слова
становятся жестокими словами.

*
**

То зримо, то почти неощутимо,
Чугунным росчерком иль ширью площадей,
Сквозь толщу Лондона, сквозь наслоенья Рима
Он возникает в памяти моей.
О город мой !
С тобой полузабытым
В иных столицах встречи — словно сны :
Лишь отблеск шпиля, только тень гранита . . .
Во влажном ветре — вздох твоей весны . . .

О город мой, рожденный стать миражем, —
Жилище Муз и дорогих теней !

И встретясь вновь, друг другу не расскажем
Мы о любви несбывшейся своей.

Ирина Бушман

***

Сердце, сердце, ну что ты,
не бейся так сильно,
послушай, ты странное стало —
Одеваешься ты, словно осени небо бездонное,
Каждый день на ветру этой жизни в иных облаков покрывало,
Все в тени или солнца сиянием вновь озаренное.

Завтра свету ли,
мраку ли
будешь ты петь свою звонкую славу ?
И в какую, скажи, из сторон, наконец, ты поклонишься?

В синем небе так мирно пасутся курчавые белые овцы направо
А налево мятутся косматые серые козлища . . .

*
**

Вечное славящая —
пролетающая мгновенно,

от ребра пожелтевшей клавиши
восставшая дерзновенно,

со струны, натянутой туго,
упавшая мольбой о чуде —

жизнь моя, не ставшая фугой,
ты каких столетий прелюдия ?

Ирина Бушман

ЧЕРНОВИК

Слава ?
За окошком — топот конниц —
тысячи Пегасов.
Звезды черные бессонниц
лишь под утро гаснут,
раннее ?
позднее ?

Неподкованные кони
без узды и седел —
ранняя слава ?

И невидимые звезды
без тепла и света —
поздняя слава ?

Этот шум, совсем беззвучный,
в блеске без сиянья . . .
каждый миг — двойная вечность —
тщетное исканье
слова . . .
Слава ?
Нет !
СЛОВО в славе не нуждалось
в Первый День Творенья.

За окошком нищий хаос
просит воплощенья
в Слово.

Ирина Бушман

*
**

Когда бы весна не судила мимозам
отдать всю их нежность последним морозам
и если б зима не велела морозу
цветы обессмертить кристальным узором,

а верные музам
не звали б позором
бросание взоров
на низкую прозу —
то розам,
и грезам,
и прочим обузам
пришлось бы лишь падать на лапы Азоров.

ОФЕЛИЯ

— Лилия Благовещенья ?
Как холодна купель ! —
Нет, водяная лилия
колышется на реке
— Мне ли не будет прощения,
я ли была соучастницей ? —
безумной невинности символом
и как единая цель.

— Какое знакомое место ! —

Белое платье причастницы
запуталось в тростнике.
— Камни, вы были сердцами
и, отходя ко сну, . . —
Белое платье невесты
— Нет, не поставить ногѝ . . . —
мокрыми кружевами
тянет и тянет ко дну.

Ива всплеснула руками.
Бегут по воде круги . . .

Ирина Бушман

БАЛЛАДА ОБ АННЕ БОЛЕЙН

Сена Темзе прислала дары :
Мягок бархат, шелка пестры.
Пары скользят из зала в зал —
Анны Болейн бал.
Алой лентой вьется заря . . .
Анна Болейн, головка твоя,
От страсти тщеславной горяча,
Дремлет у царского плеча.

Рог на рассвете охоту трубит —
Славная дичь в чащу манит.
Генрих хохочет, весел и пьян :
« Будем играть в волан ! »
Сердце в огне и в хмелю голова :
« Прочь, Катарина, брата вдова,
« Радостен миг, сладостен час,
« И Папа мне — не указ » !

Анна Болейн, берегись, берегись !
С вершины любая дорога — вниз.
На головке твоей — короны цветок,
Но как хрупок шейки стебелек . . .

В залы дворцов врывается чад —
Ведьмы с костров проклятья кричат . . .
Не потому ль дочка — урод,
И сына Бог не дает ?
А тот, что родился в глухой ночи,
Не пьет, не шевелится, не кричит . . .

Ирина Бушман

И гневен король, и не делит король
Анны Болейн боль.
Анны ревность — иглы острие,
Генриха ревность разит как копье.
В темных сводах гнездится страх :
Брата уводят в цепях.
Смерть не страшна — страшен позор !
Тщетно ищет защиты взор...
Где же дядя, добрый старик ?
Белеет судейский парик...

Алой лентой льется струя...
Анна Болейн, головка твоя
Клонится с белого плеча,
Катится в руки палача...

Мчатся мгновенья.
Ползут года.
Ветер английский не спит никогда...
Ветром развеяна, словно пыль
Анны Болейн быль.

ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ

(Франция)

« ПЯТЬ ОЧЕНЬ СТАРЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ »

1

Багряным вечером все глуше и темней
Усталый пламень туч мгновенных,
Ночные небеса — ристалище теней
Остановившихся и пленных.

Вином и кровию потушены лучи
И душу, жаждущую мира
Алтарным сумраком в торжественной ночи
Объемлет тусклая порфира.

2

В седые дни мои, бессилен и согбен,
Погодой ясною вдоль этих белых стен
Я медленно пойду и сяду на припеке,
Ладонью подперев морщинистые щеки,
Невнятно бормоча навязчивый припев,
И быстрый луч блеснет, когда, запечатлев
Нужды и старости привычную науку,
Монета упадет в протянутую руку.

3

Пусть этот нищий день войдет неслышно в сени,
Безмолвным пришлецам гостеприимен дом,
Я сяду рядом с ним на голые ступени
Подумать, может быть, о старом, о былом...

И вечер пусть придет и на глаза положит
Прохладную ладонь, чтобы напомнить мне
Невозвратимый час, который был и прожит
В оцепенении, в дремоте, в тишине.

А ты, осенний вихрь, кружись ломая руки,
Как в ночь далекую, когда ты пел и выл,
Когда мой робкий стих в смятении и в муке
Неверный голос свой с твоим соединил.

4

Чего мне ждать еще, когда приходит сон
    В ночи привычной и желанной ?
Чего хотеть еще ? Без снов все тот же сон,
    Все тот же сумрак бездыханный.

Лишь в самом сердце сна я слышу голос твой,
    И лишь сквозь сон ему внимаю —
Молящий, нежащий, бессильный и живой —
    А что сказать тебе не знаю.

Редеет ночь вокруг, но я тяжел и слеп ;
    Бежит нещедрое похмелье . . .
О дом холодный мой, и день, и труд, и хлеб,
    И это черствое веселье !

Владимир Вейдле

5

Смотри, вот речка и козы твоих глупых старых стихов,
Ветерок прохладный и чистый как звук пастушьих рогов . . .
И в комнате тоже вечер, и там открытое окно
И голос низкий и смутный и тяжелый как вино.

Чего же ты ждешь, чтобы вспомнить ; это как ночная тишина,
Кто пил ее, тот ее знает до последней капли и до дна.

Ты пил и обжог себе губы, и выпил, и стал умней, —
Что ж, в тебе немного лжи и злобы, да немного смерти в ней,

Да еще этот дом казенный, это город широкий и смешной,
Да гром нагруженной телеги, да твои шаги по мостовой.

Вот оно — то, что было, словно море ушло назад
И ты видишь битые бутылки и куски железа на песке.

Владимир Вейдле

БЕРЕГ ИСКИИ

Ни о ком, ни о чем. Синева, синева, синева.
Ветерок умиленный и синее, синее море.
Выплывают слова, в синеву уплывают слова,
Ускользают слова, исчезая в лазурном узоре.

В эту синюю мглу уплывать, улетать, улететь,
В этом синем сияньи серебряной струйкой растаять,
Бормотать, умолкать, улетать, улететь, умереть,
В те слова, в те крыла всей душою бескрылой врастая...

Возвращается ветер на кру́ги свои, а она
В синеокую даль неподвижной стрелою несется,
В глубину, в вышину, до бездонного синего дна . . .
Ни к кому, никуда, ни к тебе, ни в себя не вернется.

1964

Владимир Вейдле

К * * *

Напрасно тень свою ты в зеркале искала ;
Она была тобой, ты больше не она.
С нездешней легкостью легла на одеяло
Жемчужных рук твоих сквозная белизна.

Жемчужных рук. Твоих . . . Ты плачешь, Каллинира ?
Каллианасса плачь ! Нам утешенья нет.
К блаженным берегам исчезнувшего мира
Нам возвращенья нет. И нам прощенья нет.

Но там, над временем, в кольце возобновлений,
Над зеленью лугов и синевой морей,
В нетленной юности, где тень навстречу тени
Летит, как некогда моя вослед твоей,

Сквозь все отравы, все колючие обиды
Летела мучаясь, любуясь и любя, —
Там, на гребне волны, где пляшут Нереиды,
Нет ни одной, поверь, жемчужнее тебя.

1965

⁂

Зачем, рассудок беспокоя,
Гадать, что́ ближе, свет иль тьма,
Когда от запаха левкоя
Мне так легко сойти с ума?

Для несказанного ответа
Предвечной Мудростью рожден,
Темнее тьмы, светлее света
И тишины беззвучней он.

Скорее сладостен, чем сладок,
Свежее свежести самой,
Он, по ту сторону загадок,
Во мне сливается со мной.

Блаженное благоуханье
Сполна единый раз вдохну
И задохнусь в моем вдыханье,
В его дыханье утону,

Как будто машут, веют, тают,
Там, где душа моя была,
Как будто в небо прорастают
Ее незримые крыла.

1965

ТАМАРА ВЕЛИЧКОВСКАЯ

(Франция)

⁂

Поет вода родника,
Сбегает, спеша, с горы
И зябнет в воде рука
Во время летней жары.

Я тоже всегда пою
При виде горных вершин,
Когда под эту струю
Иду подставить кувшин.

Пока не течет вода
В замшелый савойский сруб,
Я вижу в воде всегда
Улыбку счастливых губ.

Как будто Дух родника,
Что в этой воде живет,
Имеет вид двойника
И вместе со мной поет...

ЗАКАТ

Вечерами вниз, на водопой,
Сходят овцы по крутому скату.
Над овечьей серою толпой
Золотое таинство заката...
Каждый вечер солнце на покой
Провожает облачная свита.
В это время небо над рекой
Радужными лентами обвито.
Рдеют ленты огненной каймой,
Многоцветным золотом пылают...
Стадо блеет и спешит домой,
Две овчарки, забегая, лают.
Не поднимет пастушок лица,
Не посмотрит на закат в долинах,
И уносит за овцой овца
Отблеск неба на покорных спинах...

Тамара Величковская

***

Сегодня деревья встревожены,
Высокие флоксы повалены,
И листик летит будто кожаный,
Коричневый с желтой подпалиной,
А формой похож на миндалину...

Такая на свете сумятица,
За птицами облако гонится,
Каштаны спадают и катятся,
Ромашка как пьяная клонится
И ветка от ветки сторонится...

Без боли листва осыпается,
А кто ее знает — без боли ли?
А та, что на дереве мается,

За что ее долго неволили,
За что полететь не позволили?...

ЕЛИ

Как дружно ели бросились на приступ !
Но ослабел их доблестный порыв . . .
Они внизу. А здесь — гранитный выступ,
И дальше — снег . . . И голубой обрыв . . .

Могучим елям подниматься тяжко,
Им не достигнуть этой высоты . . .
А белая, смиренная ромашка
Цветет у самой снеговой черты.

Тамара Величковская

СТИХИ О ВАНВЕ

Здесь когда-то мельницы мололи
Золотое крупное зерно.
Лес шумел. И расстилалось поле.
И река текла давно . . . давно.
Это время не было спокойным,
Не было спокойно никогда.
Много раз опустошали войны
Крепости, селенья, города . . .
Старый Ванв ! Ты был когда-то молод,
Но в твои закрытые дома
Заходили и чума и голод
И гостили — голод и чума.
Но в года страданий и разрухи
Дни текли быстрее и полней.
Пели девы, плакали старухи,
Юноши садились на коней,
Пировали пышные вельможи . . .
Время шло. И пронеслись века.
Вырос Ванв — на старый непохожий
И похожий все-таки слегка.
Стихло все. И войны и напевы.
Город полон новыми людьми.
Ванв хранит святая Женевьева,
Женевьева и святой Реми.

*
**

Настигнет всех призыв Господний
В неведомый и страшный час.
И может быть его сегодня
Услышит кто-нибудь из нас.

И, ужаснувшись, скажет — Боже !
О дай мне хоть единый миг !
Я до конца еще не прожил
И смысла жизни не постиг.

Моя душа привыкла к телу,
Куда ей от него идти ?
И ничего я не доделал,
Что было начато в пути . . .

О, неужели слишком поздно ?
О, если бы единый день ! . . .
Но ляжет медленно и грозно
Глухая гробовая тень.

Покроет все — слова и славу,
И боль, и память, и цветы.
. . . .
Но отчего так величавы
И ясны мертвые черты ?

Тамара Величковская

* * *

Расходится завеса тишины
И музыка, свободная как чудо,
Является неведомо откуда
Дорогой наростающей волны.
Идут минуты... Может быть года...
Но каждый звук — сияющий предтеча,
И в каждом звуке — ожиданье встречи,
Которой не бывает никогда...
Последний звук теряется во мгле,
Приходит безнадежное молчанье.
О музыка ! Ты сдержишь обещанье,
Но не на этой, — на другой земле.

Тамара Величковская

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

... Только расстоянье стало уже
Между вечной музыкой и мной.
Георгий Иванов.

Южный день, морское побережье,
Солнечное острое блистанье...
Все другое, — но страданья те же
И все та же боль воспоминанья.
Было... Было... Душу просверлило
Это слово. « Было » и « навеки ».
Жили-были, верили, любили,
А теперь на Вавилонских реках...
А теперь — докучные соседи,
Гневно скомканный листок бумажный,
Разговор о картах и обеде,
О болезнях, о таком неважном...
Потому что важно только это,
То, что в муке прорастает словом,
Что мелькает с быстротою света
Над цветеньем кактуса лиловым
Музыкой... Но грудь почти не дышит.
Музыка — немыслимое чудо,
Та, которой на земле не слышат,
Но, едва услышав — не забудут.
Слово к слову, в строгом сочетанье,
Ощупью, со страхом, осторожно...
Как постичь внезапное блистанье
Музыки, с которой невозможно,
Без которой невозможно тоже,
Задыхаясь ночью на постели...

Тамара Величковская

Ночью в парке голубые ели
На суровых иноков похожи...
Мрак. Провал. И вдруг — прорыв в сиянье
К музыке с бессмертными словами...

Вот уж и не стало расстоянья
Между вечной музыкой и Вами.

АНАТОЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

(Франция)

Смотрю и обхожу кругом —
Покинутый, навеки, дом.
Сквозь пол осина проросла,
Куски оконного стекла
На стены зайчиков пускают,
И на развалинах сарая
Уже растет бурьян густой —
Цветок раскрылся голубой.
С каким воинственным напором
За полусломанным забором,
Сияя древней красотой
Являться начал мир иной.
О как, в отсутствии людей,
Все стало чище и светлей ?

Пускай печальный этот век
Науку предпочел искусству
И выдумал, что человек —
Граница, за которой пусто.

Но ты проверь : всмотрись в их быт,
В их беспорядочные тени,
И ты поймешь — не может быть
Чтоб выше не было ступени.

⁂

Так перед недругами жгут
Свое же, полковое знамя.
Несбывшееся — берегут,
Не помня дыма — помнят пламя.

Не чувствовать за явью явь —
Мучительное состоянье.
Блажен, кто веру потеряв
Отрекся от ее влиянья.

Анатолий Величковский

Вот, как из букв слагаются слова.
Вот, как из букв слагаются законы.
Идут часы, кружится голова,
Слетаются, к своим птенцам, вороны.
Встает за рощей красная луна,
Плывет все выше, выше и бледнеет.
И уменьшается слегка она,
А тени ярче, сумерки светлее.
И в этой серебристой синеве
Быстрее сердце начинает биться.
То вверх, то вниз бесшумно по листве
Расплавленное серебро струится.
В степи, чуть слышен, — дальний звон подков,
Поскрипывают мягкие рессоры.
Убийцы едут, испокон веков,
По лунным снам и лунным косогорам.
Они убьют, конечно не меня,
Убьют других, но я еще не знаю . . .
И перед грудью лунного коня
Широкие ворота открываю.

Анатолий Величковский

*
* *

Все путается . . . Главное, желанья —
Когда они исполнятся, — выходят
Совсем некстати, в виде наказанья
И дней почти пустая цепь проходит.

Жизнь постепенно близится к концу.
И если взять ее движенье в целом,
Она подобна, может быть, кольцу,
В котором замкнутость — замена цели.

Анатолий Величковский

⁂

Устроено на свете так давно,
Что может каждый чем-то утешаться.
Для утешенья всякому дано
Желать чего-то, ждать и не дождаться.

Боятся смерти только старики :
Они привыкли жить на этом свете,
Питаться, сплетничать, носить очки
И прятаться от смерти за газетой.

Мне жаль, что я не умер в двадцать лет,
Еще привычки скверной не имея,
Еще не зная, что прекрасный свет —
Жестокая и страшная затея.

Анатолий Величковский

Выехала машина,
На машине венок.
Пожилой мужчина
Приподнял котелок.

Такое же вечное небо
И земля, и морское дно.
Был я или не был —
Не все ли равно.

М. ВИЗИ
(США)

***

Если ты уедешь на луну,
что же, я тебя не упрекну :
дальние прекрасны берега,
и земля не так уж дорога.

Голубые камни на луне —
ты таких не знаешь и во сне,
и серебряный, холодный свет —
на земле такого света нет ;

и быть может даже там живут
девушки, невиданные тут,
у которых души, как хрусталь,
чьи глаза не трогает печаль . . .

Но едва ли там цветет сирень
в тихий, ласковый весенний день,
и едва ли пахнут так поля,
как твоя — привычная — земля,

и в лесу, уж если есть такой
где-нибудь над высохшей рекой,
ты найдешь ли тропку на луне,
чтобы привела тебя ко мне ?

М. Визи

ВЕСНА

К городскому, голому скверу,
где собрались, возле скамей,
потерявшие в радость веру
и не помнящие семей,

где угрюмо сгорбясь сидели
не имеющие домов,
те, что, верно давно не ели,
не слыхали ласковых слов, —

к обездоленной, нищей братье,
незамеченная, одна,
подошла в сиреневом платье,
босиком ступая, весна,

и на фоне камня и сажи
с улыбнувшейся высоты
золотые всплыли миражи,
голубые раскрылись цветы.

М. Визи

ЭТЮД

С океана
надвигался туман, заволакивал небо, белесый,
лишь по дальнему краю блестел горизонта карниз.
Серебрились у взморья песчаные узкие косы,
и навстречу прибою насупленный горбился мыс.

Пеликаны,
поднимая крыло, точно острые топсели шхуны,
пролетали в кильватер, четыре, беззвучно, легко,
и почти задевая курчавые гребни бурунов,
как кочующий парус, умчались за мыс, далеко.

А у камня,
на песке, где волна вырезает узоры по краю,
где богатства глубин оставляет небрежно вода,
розовея во мгле и бессильно лучи простирая,
потерявшая блеск, умирала морская звезда.

М. Визи

Белая апрельская луна,
и остановившись в этом миге
кружевом курчавилась волна,
точно на пейзаже Хирошигэ.

Там, где горизонта полоса,
лунный луч своей рапирой тонкой
осторожно тронул паруса
уходящей на ночь в море джонки.

Мы следили, стоя там, одни,
как в воде у самаго причала
инфузорий вспыхнули огни ;
слушали, как тишина молчала.

И за то, что мы стояли там,
нам присуждено хранить навеки
в памяти, как нерушимый храм,
эту ночь в порту Симоносэки.

⁂

Горела звезда кристаллом
в небесных ночных просторах
и на шаре земном на малом
отражалась в земных озерах.

Бесконечно, милю за милей,
и несчитаных лет пространства
голубые лучи скользили
чтоб украсить земли убранство,

— чтобы лет через тысяч двести
в темном парке одни с тобою
мы могли любоваться вместе
вот такой звездой голубою.

НОКТЮРН

Кричи, не кричи —
За горами погасли лучи,
купола облаков потускнели
над верхушкой чернеющей ели,
потемнела на озере зыбь,
у коряги заплакала выпь,
облетевшие отзвуки песен
опустились в болотную плесень,
и никто не услышит твой голос в ночи,
кричи, не кричи...

М. Визи

⁂

На заборе сидели и каркали черные вороны
падал хлопьями снег
и одни только птицы чернели.
Запорошенный белым, согнувшийся, шел человек
по какой-то дороге, в какую-то дальнюю сторону
до какой-то невидимой цели.

Падал снег на панели пушистым белеющим ворохом,
заполнял колеи,
заметая следы человечьи.
Торопились прохожие в теплые норы свои.
Тот один не спешил и в толпе среди скрипа и шороха
никуда не глядел, не ища ни уюта, ни встречи.

А потом повернул от вечерней белеющей улицы
за последней чертой
где последние птицы вспорхнули
и пропал неизвестно куда, и слился с темнотой,
отойдя от домов, что друг к другу придвинувшись, хмурятся
— в пустоту, в темноту ли . . .

Дорога была бела,
белее белело поле,
молчали колокола,
никто не услышал боли
ушедшего от тепла.

М. Визи

Только в глухом углу,
где кто-то еще не забыл,
какой-то голос завыл,
где-то отчаянно плакали —

по другу ли ? По теплу ?
Но кто это был —
      ребенок ?
            больной ли ?
                  собака ли ?

М. Визи

ПАМЯТИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Ни изменником не был, ни вором,
ни убийцей не был в ночи,
но не знаем, в году котором,
за каким колючим забором,
неповинного доконали,
под какой сугроб закопали,
сапогом пихнув, палачи.

Так расстался с тюремной вонью
на снегах кровавых Сибири
приморожен грязной ладонью
к золотой, невидимой лире,
в снег последнюю песню бросив,
раб Господен, поэт Иосиф.

Ни мятель не ревела пьяно,
не клонились кедры от горя,
не извергли огня вулканы,
не вставала цунами с моря . . .

Только в небе сером, далеком,
плакал ангел горестноокий
потому что редко на суше,
от конца ее до начала,
так жестоко пылают души,
как его душа отпылала.

Упокой, Господи, душу усопшего
раба Твоего Иосифа.

МАРИЯ ВОЛКОВА

(Германия)

МАСТЕРСТВО

Не кружева,
Не камни драгоценные,
Не редкие тепличные цветы —
Слова, слова
Совсем обыкновенные,
Но сильные геройством простоты !

Давно наш глаз
Прельщает не блестящее,
Давно наш слух не громкому открыт —
Пусть без прикрас
Живое настоящее
Одним касаньем чувству говорит.

Скромней размах,
Уменье изощреннее :
Столетий тень глядит из-за угла.
И на устах
Порою хруст иронии,
Чтоб жалость незамеченной прошла.

Так много ран . . .
О них — тепло, но сдержанно :
Свой стон, свой крик у каждого рубца.
Не все — обман,
Не все еще повержено,
И главному не может быть конца.

Мария Волкова

ИЛЛЮЗИЯ

Ты колышешь меня на волнах,
Ободряюще солнцем прогретых,
Чертишь в полночь на белых стенах
Обольстительные силуэты
И, развеявши в прах
Все запреты,
Чрез пространства кидаешь мне мост
До звезд !

К полыханью чужого огня
Ты подводишь меня легкой тенью
И показываешь, дразня,
Незабывшихся снов воплощенья,
Чтоб томили меня
Наважденья,
И рождались в чаду колдовства
Слова . . .

НА ГРАНИ

Свиваются тени,
Предвестники снов и дремот.
Оползшие камни
От времени тронула плесень.
Каких озарений
Душа еще просит и ждет,
Как будто нельзя мне
Прожить как другие — без песен ?

Нахмурились кручи.
Все небо в свинцовой броне.
В зигзагах ущелий
Стоустое эхо грохочет.
Ни слов, ни созвучий . . .
Клубящийся хаос на дне.
Иду еле-еле
Навстречу спадающей ночи.

Над сумраком реет
Незримая тайна высот.
Жизнь где-то ютится,
Смиренно приникнув к подножью.
Душа цепенеет,
И все-таки верит и ждет,
Что отблеск зарницы
Скользнет в ней минутною дрожью !

НЕСБЫВШЕЕСЯ

Нет, не вымостят площадь в аду
Отраженьями наших намерений !
Почему-то чем дальше иду,
Тем я в этом увереннней.

Их скорее расстелят потом
Руки добрые бестелесные
Неоконченным пестрым ковром
Перед дверью небесною.

И познав до конца благодать
Вечной жизни с ее просторами,
Будет кто-нибудь все же вздыхать
Над земными узорами . . .

Мария Волкова

⁂

Рассеется звук
Имен, и фамилий и отчеств...
Не надо потуг,
Бодрящих и смелых пророчеств.

Прошла череда
Простительных раньше гаданий.
Мудра и тверда
Рука, проводящая грани !

Вот-вот упадут
Не накрепко вбитые вехи
Часов и минут,
Суливших труды и успехи.

В строку из строки
За тернием тянутся розы.
Но как жестоки
Посмертные апофеозы !

Спокойным умом
Охватим же будущность нашу :
За нами потом
Следы много раз перепашут.

Земля утрясла
Развалины царственных зодчеств...
Побольше тепла —
Поменьше отважных пророчеств !

НЕЖНОСТЬ

Всегда найдет, хотя совсем не ищет,
Ответит вмиг, вопроса не задав,
Зальет теплом случайное жилище,
Смягчит чужой стеснительный устав.

Не даст поднять и нетяжелой ноши,
Тайком цветы положит на порог,
Напомнит вдруг о чем-нибудь хорошем,
Без лишних слов, как будто между строк.

Вне лет, стихий, пространств и изменений
Ведущая мелодия — одна,
И с каждым днем звучат проникновенней
И без того глубокие тона.

Тихонько в дверь стучится неизбежность.
Трава в росе и ночь уже близка.
О чем грустить, когда все та же нежность
Другой руки касается слегка.

Мария Волкова

ПРАБАБКА

Когда мне смутно и когда мне тесно
И кажется, что жизнь уж прожита,
Приходит тень прабабки безызвестной
И шепчет мне : « Все это — суета ! »

Прервав поток своих наклонных строчек,
Я перед ней спешу с почтеньем встать.
Простой наряд. На голове платочек.
Из-под платка — серебряная прядь.

Ее лицо, как будто, мне знакомо :
Не стану ль я такою, как она ?
Журчат слова : « Все маешься без дома ?
О, Господи, какие времена !

Да что роптать ? Ты ропот лучше спрячь-ка !
Благой совет тебе я ныне дам :
Терпи — и все ! На то ты и казачка !
А что к чему, про то не ведать нам . . .

Судьба моя была твоей суровей,
Долга печаль, а радость коротка . . .
Мы, Марьюшка, с тобой единой крови —
Моя в тебе течет через века.

И я рвалась на волю да на солнце,
Но не давал податься супостат.
Мне до конца пришлось глядеть в оконце
На крепостной зубчатый палисад . . .

То за детей дрожала, то за мужа —
Злой басурман нас вечно донимал...
Так и жила... А я тебя не хуже !
Неси свой крест, велик он или мал !

Ты разумей : тебе я не чужая,
Вот и пришла наставить и помочь ».
Прабабка мне кивает, исчезая :
« Ну, мне пора. Прощай-ка, мила дочь ! »

НИКОЛАЙ ВОРОБЬЕВ

(США)

***

Приходи . . . Подведу к окошку,
Полюбуемся мы вдвоем —
Я боярышник за дорожкой
Посадил под самым окном.
От него так и веет Доном,
Ну, как будто рукой подать !
Ты присядь. Послушаем, что нам
Может нá ухо он нашептать.
Пусть нашепчет он, коль сумеет,
О далеких станицах сказ . . .
Пусть в саду его кисть алеет,
Как когда-то алел лампас.

А налево — сережки березы . . .
Это — северной дань стране.
Как и там, видишь, сохнут слезы
На ее белосером стволе.

Там, поодаль — шлемом багряным
Эвкалипт над землей поник.
Поит запахом он терпко-пьяным,
Как в пустыне водой родник.
Бродит ветер в листве беспокойный,
И поет эвкалипт в тоске.
Это песня об Африке знойной,
О ее зыбучем песке.

Он, боярышник, кактус разлапый —
Все, что здесь ты можешь найти —
Это — видишь — мои этапы
На далеком моем пути.
Их собрал я сюда нарочно...
Густо тень их вокруг легла,
В землю корни их впились прочно,
Глубоко в душу песнь их вошла.

Буду слушать ее, как обедню,
С головою, склоненной вниз...
Может, это — этап последний ?
Может, больше не надо виз ?

Монтерей, 1962

Николай Воробьев

ЗАВТРА К МЕССЕ

(Из старых калифорнийских мотивов)

Спи, шалунья моя чернобровая,
Пусть святые тебя хранят !
Там тебе приготовила снова я
Твой любимый черный наряд.
Но не вздумай мантилью яркую
Ты надеть, или нити бус . . .
А не то даже самую жаркую
Не услышит молитву Исус.
Завтра утром — обедня ранняя.
Падре строг : опоздать — ни-ни !
Я тут возле тебя с вязанием
Посижу вот, а ты — усни.
Да, еще позабыла : к мессе
Не ходи через Кастро сады,
И в притворе ему, повесе,
Не давай ты святой воды.
Через город степенно иди ты,
Не вприпрыжку . . . Бежать не след.
Не забудь : ты уже сеньорита,
Ведь тебе не двенадцать лет.
И еще есть одна причина,
Чтоб твоя не спешила нога —
За тобой будет следовать чинно
В отдаленье индеец-слуга.
Он в костеле под ножки донны
Коврик бархатный развернет,
А цыновку — себе, и поклоны
Отбивать усердно начнет.

Николай Воробьев

Пусть твои будут мысли кротки
И опущен стыдливо взор.
Пусть спасают молитва и четки
От бряцанья безбожных шпор.
И сама-то, признаться, бедовая
Я была . . . Да Господь уберег . . .
Спи, шалунья моя чернобровая,
Пусть тебя убаюкает Бог.

Монтерей, 1960

Николай Воробьев

СВАДЬБА

(Из старых калифорнийских мотивов)
Памяти Вальтера Колтона

Неужели ты не знал, амиго,
Отчего мы веселы сегодня,
Почему народ течет рекою
В храм Господен в праздничном уборе ?

Женится сегодня Мариа́но,
Весельчак, повеса и бездельник.
Лучшую из дев калифорнийских
Он берёт себе сегодня в жены.

Кто не знает в городе Джозефы,
Чья улыбка краше бугенвильи,
Ярче роз, растущих у алькальде,
Чище вод в заливе Монтерея ?

Старины храня седей обычай,
Накупил невесте Мариано
Шесть кастильских кружевных мантилий,
Из батиста нежного рубашку.

Лепестками розы пересыпал,
В синий бархат бережно закутал
И послал возлюбленной с индейцем,
Запечатав нежным поцелуем.

Перед дверью низкого адобе
Бьет копытом нервно конь буланый —
Лучший конь из косяка степного
На ранчо́ Феличе Собера́нес.

Николай Воробьев

Дал Марьяно полтора дублона
За седло с серебряной насечкой,
За чепрак работы монастырской,
За узду с затейливым узором.

По бокам венчальные подвески,
Серебром и золотом расшиты,
По краям позвякивают бляхи —
Пусть за милю су́женого слышит !

А подъедет — выведут невесту
И как перышко в седло поднимут.
Но не Мариано это руки —
Ей не с ним сидеть судил обычай.

Лишь метнет из-под бровей суровых
Мариано милой взор стыдливый ,
Полный стан почтительной рукою
Посаженой матери обнимет

И коня, поигрывая шпорой,
Пустит вскачь по улице широкой,
А за ним галопом посаженый
К алтарю домчит его Джозефу.

Но в обратный путь у Мариано
Не отнимут драгоценной ноши,
И быстрее северного ветра
Он примчит любимую к порогу.

Загремят веселые мушкеты,
Трель рассыплет звонкая гитара,
А друзья с его сапог высоких
Стащат с хохотом серебряные шпоры.

Но откупится он за бутылку рома :
В дом войдут они, и на коленях,
С головой, почтительно склоненной,
Примут стариков благословенье.

Будут плакать родственники тихо,
Проливать предписанные слезы,
А Рамон, не мешкая, возьмется
Лить вино, себя не забывая.

Два-три дня продолжится веселье,
Пир для всех, и званых и незваных...
Вот как праздновать умеют в Монтерее
Этот день веселые гидальго !

Хоть и был повеса и бездельник —
Станет добрым мужем Мариано...
Неужели ты не знал, амиго,
Почему мы веселы сегодня ?..

Монтерей, 1962

Николай Воробьев

КАК БЫЛА СОЗДАНА СЬЕРРА НЕВАДА

То, что рассказал Акади́н,
вождь племени Вукчомни, которому,
по его словам, уже более ста лет.

Раньше было Небо. В Небе — клекот
Поволителя небес — Орла.
Там на дереве всесильный Тро́куд
Два могучих расправлял крыла.

Ветви длинные по не́бу ви́лись,
Шелестела весело листва,
А под нею на Земле резвились
Разные людские существа.

Но иное было их обличье
На восходе тех далеких дней :
Были лишь Звериные да Птичьи,
Человечьих не было людей.

Краснокожих не было в долине
(И долин-то не было нигде),
И, конечно, даже и в помине
Белых не водилось на Земле.

Тро́кул сотворил людей без счета :
Пеликана, Утку, Журавля,
Суслика, Лису, Змею, Койота —
Так живыми полнилась Земля.

Со́здал Черепаху, Пуму, Во́лка,
В рыжий цвет покрашен Оцелот...
Все годились. Не было лишь толка
В существе одном. То был Койот.

Любопытен и сварлив не в меру,
Много приносил он людям зла,
И нередко носом грязно-серым
Не в свои он путался дела.

Перессорил, языком поганым
Злые сплетни попусту меля,
Утку с простодушным Пеликаном,
Суслика стравил и Журавля.

Даже Тро́куда ругал, не труся,
Не страшась за дерзкие слова
И сумел науськать злого Гуся
На ленивого большого Льва.

И сказал Орел с кривой улыбкой :
« Много мне доставили забот
Эти дрязги. И какой ошибкой
Было то, что выдуман Койот ! »

Погрузился мудрый Тро́куд в думу,
Думал, думал и нашел ответ.
И, как старшего, послал он Пуму
Всех созвать немедля на совет.

Все пришли. Но где ж Койот ? Со страху
Он почел за благо улизнуть.
Да с денек прождали Черепаху —
Трудно ей давался дальний путь.

— « Слушайте, Звериные и Птичьи
Люди ! » — Тро́куд на́чал свою речь.
« Кое-чье постыдное двуличье
Порешили в корне Мы пресечь.

Есть границы Нашему терпенью,
И оно иссякло наконец !
Посему по Нашему веленью
Пусть Нам новый строится дворец.

На равнине, где Нам тесно стало,
Наша не останется нога.
Каждый пусть земли возьмет помалу
В когти, в лапы, в клюв и на рога.

Пусть несет на юг и строит гору.
Имя « Да́мит » я горе даю.
Там я буду жить теперь, и нору
В ней себе не выроет Кайу ! » *)

Так и было. Всяк по горсти кинул,
И до неба выросла гора,
А тогда на самую вершину
Снег упал белее серебра.

И лишь только побелела крыша,
Взвился в небо мудрый Тро́куд вдруг —
« Это все. Не надо строить выше.
Остальное высыпьте вокруг ».

* Кайу — индейское название койота.

Посмотри-ка, высится громада
Цепью длинной в предвечерней мгле...
Вот как Сьерра родилась Невада —
Самый первый Да́мит на Земле.

А вот те пологие холмы,
Что зовете вы « Кабаньим ложем » —
Так о них и сказ особый сложен.
Пауко́квич — так зовем их мы.

Это та земля, что мудрый Тро́куд
Людям высыпать велел вокруг...
А теперь прислушайся : ты клекот
Можешь ли расслышать, белый друг ?

ЛЕОНИД ГАНСКИЙ

(Франция)

Стихи 1965 года.

*
**

Я об одном ты о другом
Но мы друг друга понимаем.
На Зимней площади наш дом
В Санкт-Петербургском мае.

Но мы живем меж крепких стен
Без окон — ничего не видно.
Как в сводке — все без перемен
Чтоб не было другим завидно.

О разном разные слова
Которые так далеки от смысла —
Что кружится лишь голова
Как будто небо на плечах повисло.
На площади Согласия наш дом
Под небом сумрачным Парижа
И тянет вверх воздухом
И тянет безошибочно все ниже.

Поезд пробивал дорогу
Меж высоких и нелепых скал.
Обивали мы всю жизнь пороги
Замков где давался бал.

Вдалеке качались сосны, ели,
Горные потоки заливали путь.
Поспешая все ж мы не поспели
И как флаг от ветра надувалась грудь.

И как дряхлый утлый челн качало
Поезд средь отлогих гор. —
Где конец и где всему начало
Безрассудный, старый разговор.

Так доживают, так домирают
Остаток недружелюбных лет
И в обратном порядке годы считают
Которым счета нет.

Солнце попрежнему мир освещает
Но лучей его не досмотрев
Равнодушно уходят и всем прощают
Неверность, вероломство и гнев.

***

Рука парализована
А сердце набекрень.
Все дни перетасованы
Но день похож на день.

Живи такими днями
И каждому будь рад.
В индивидуальной яме
Укладывая в ряд.

И никому не скажешь
Что чувствуешь — когда
Идя с такой поклажей
Уходишь навсегда.

С душой такой усталой
И мир тебе не мил
Где счастья не бывало
А было — след простыл.

Живи храбрясь молчаньем.
Живи пока не лень
Пока ты не в отчаянье —
Лишь сердце набекрень.

⁂

Не я любил а та рука
Которая тебя ласкала
Душа которая искала.
Теперь лишь понял я
Смотря на все издалека.

Мне кажется — прошли века
Но если жизнь начать сначала
От первого к земле причала
До неожиданного счастьем дня
Опять владыкой будет —
Моя рука.

ЮРИЙ ГЕРЦОГ
(США)

ОКТАВЫ

(Из « Лироэпической симфонии »)

Бросали лот, и плыли, и пришли
В далекий город, пестрый и крикливый,
На берегу просторного залива —
Алмаз бесценный солнечной земли.
Как ждали мы, когда блеснет вдали,
Мерцая в ночь звездою путеводной,
Бессонный страж среди пустыни водной,
Маяк базальтовый весь в пенистой пыли !

С прибрежных рифов тот светил маяк,
Манил к себе, суля обильный ужин
С веселой песней праздничных гуляк,
И пьяный сон в кругу ночных жемчужин,
В беспутный рай скитальцев и бродяг,
Где ты никто и никому не нужен,
Где одинокий, хмурый пилигрим
Беспечной братье вольный побратим.

И вот корабль причален, якорь спущен.
Спешу по сходням на сырой песок.
Туман прилипчивый всю бухту заволок
Кофейною бесформенною гущей.
Потемками бреду, а сумрак пуще !

Юрий Герцог

Я ощупью крадусь вдоль влажных стен...
Из порта жалобный донесся вой сирен
И все умолкло в жути стерегущей.

Весь город точно саваном обшит
И сонный дух бредет по переулкам...
Как в струнном гуде отдается гулком
Асфальтным эхом мой неровный шаг,
А сердце заворожено тревогой :
В безмолвии той мертвенной тиши
Ни огонька вокруг. И ни души
Не встретишь, как в пустыне, той дорогой.

Стучуся тщетно в двери, створки ставен,
Нигде ответа... Город нем и пуст.
Отчайный вопль готов сорваться с уст,
Как будто шар земной людьми оставлен.
И в страхе я спешу обратно в гавань,
Напрасный путь в бессилии кляня,
Моя звезда оставила меня...
Так будь же проклят ты, молочный саван !

О радость блесткая ! То к утру сходит ночь.
Но где же порт и пристань, где же судно ?
Картиною безрадостной и скудной
Раскрылася печальных рифов цепь
И вдаль уходит розовой грядою
В узорах предрассветного тумана.
Исчез и город, как фатоморгана,
И мертвых скал навис угрюмый склеп.

И на песчаной отмели один
Кричу, зову... Напрасно! Только эхом
Отдастся слабый голос от стремнин
Да море гладит берег ровным всплеском.
И вот до мхами меченных вершин
Карабкаюсь почти нечеловеком
И там, где сталактиты пасть ощерят,
Я буду дни назад считать в пещере...

Но памяти теперь иной я верю:
То черепа крошу огромный, бородатый,
То норы рою лапой волосатой,
То из воды спешу на берег вылезть,
Чтоб погрузиться вновь в глубины эр;
То плескаюсь медузой по волнам,
В амебе разделяюсь пополам;
И растворяюся в белковой слизи...

Юрий Герцог

⁂

Снова в пути... Далеко позади
Тащится прошлое медленным волоком.
Встречный ветер, разбереди
Мои непокорные волосы!

Сердцу приказ: не солги!
Чту эту вещую заповедь.

День ускоряет шаги
В каленое жерло запада.

Крутятся спицы колес,
Чавкают влагой резины.

Тени плывут под откос.
(Если за ними, — то сгину?)

Кончилась жизни глава,
Память листает страницы.
Увы! Все те же слова,
Те же вокруг небылицы...

Что это — сон?
Грезы украдкой?
Символов вечных загадка?
— Нет, то со всех сторон
Думы слетают, как мухи.

(Что значит звон
В левом ухе?)

Юрий Герцог

В сладкой дорожной истоме
Клонит к прозрачной дреме,
Хоть мысли, ясны и четки,
Такт отбивают в чечетке...

Ветер, ветер ! Разбереди
Мои непокорные волосы !

Юрий Герцог

ЛЕСТНИЦА

Мир неясный, мир прозрачный,
Мир обманчивых высот,
Где с землею тайной брачной
Сочетался небосвод.

Где с холодных зодиаков
Сходит лестница в огне,
Но не та, что древний Иаков
В сокровенном видел сне.

Чьим-то огненным крещеньем
Опалимые, по ней
Бродят призрачным виденьем
Сонмы ангельских теней.

И идут в слепом бессильи,
Лик руками заслонив,
Переломанные крылья
За спиной перекрестив.

Долог путь и круты сходни,
Сумрак бездны жжет глаза.
Близко, близко к преисподней
Роковая бирюза.

Но молю, чтоб ясный гений
Опереньем кромок крыл
Твой восход на те ступени,
Прикоснувшись, охранил.

Юрий Герцог

Миг и миг слиянны вкупе,
Всякий шаг — быстрей, чем свет.
И на каждом переступе
Отпечатан в вечность след.

И дрожат шаги, как бубны,
Как органный перебор,
Переливный, среброгудный,
Уводящий ввысь аккорд.

Пусть же пламенные буквы
Не спалят любви твоей,
Верный гений, бодрый друг твой,
Проведет сквозь сонм теней.

Вознесет напев чудесный
Легче ветра, чуть дыша . . .
Улыбнись ему невестой,
Словно девушка, — душа !

ГЛЕБ ГЛИНКА

(США)

В НЕДРАХ СЕМЕЙСТВА

Остались мы с женой одни
В своей большой квартире.
Мелькают месяцы, как дни,
Одни мы в целом мире.

У нас был сын и вот ушел —
Беспомощный мальчишка.
Кровать осталась, стул и стол,
На стуле пиджачишко.

Оперся на него рукой
Усталой и дрожащей,
А как хотелось бы иной
Опоры настоящей.

Глеб Глинка

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Морозное яркое утро
Забрать бы ружье и уйти.
И просто, уверенно, мудро
Шагать по земному пути.

На снежной бумаге по краю
Не строчки, а заячий след.
Я заново мир открываю
Охотник, бродяга, поэт.

Мечте среди снега отрадно,
Как белке, как юному псу
И дышится остро и жадно
В холодном стеклянном лесу.

А мысль русаком из оврага
Мелькнет меж сугробов и — нет.
И только исчертит бумагу
Неровно наброшенный след.

И тут удивишься до боли
И жалость и счастье до слез.
Такой замечательный в поле
Воистину русский мороз.

Глеб Глинка

НАПУТСТВИЕ

Войны тревожная заря
Как зверь встает из бездны.
Нам говорят : « Не спорьте зря,
Протесты безполезны.

Идите лучше воевать.
Не трусьте и поверьте
Ведь так и так не миновать
Неотвратимой смерти. »

Ну что ж поверим, не впервой.
Пусть правнуки и внуки
Трудиться станут день деньской
Для атомной науки,

Чтобы умолкла их душа,
Как сломанная лира,
Чтобы мозг ядерный решал,
За них проблемы мира.

Глеб Глинка

ПОДЗЕМНЫЙ СОБОР

В пещерных недрах мчится
Собвей, у-бан, метро
Летит, но не как птица,
А гулко, как ведро

Гремит в пустом колодце,
Стремглав летит на дно.
Рискует расколоться
Незрячее окно.

В гробу железном странно
Колышется народ,
Покорно, бездыханно,
Безмолвствует и ждет.

Во вторник или в среду,
Такого-то числа,
Как все, я тоже еду
В подземном царстве зла.

Различные по коже,
Одеже, форме рук,
Но друг на друга все же
Похожи все вокруг.

У всякого делишки,
Заботы и семья.
Людишки, как людишки,
Такие же, как я.

Глеб Глинка

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Уж на что хитра лисица,
Человек еще хитрей,
Но ему не сладко спится
После всех его затей.

Надоели побрякушки :
Пушек гром, кимвалов медь.
Нуклеарные игрушки
Захотелось нам иметь.

Крокодилам, попугаям
Не понять нас. Бровь дугой !
Мы ведь только попугаем
Для острастки раз, другой . . .

Но теперь у всех, как бремя,
Та же сила, тот же страх.
И ползет зловеще время
На бессмысленных часах.

Ни любовное свиданье,
Ни работа, ни коньяк
В этом жутком ожиданьи
Не помогут нам никак.

И для всех, по меньшей мере,
Жить бы легче в стороне.
Может лучше на Венере,
Или, скажем, на луне.

Кружится, как в легком вальсе,
Сонм бесчисленных планет.
Есть ли, все же, жизнь на Марсе ?
Очевидно тоже нет . . .

Глеб Глинка

У САМОВАРА

Надежд сомнителен приют.
« Надежды юношей питают,
Отраду старцам подают »,
Но все же постепенно тают.

И, наконец, на склоне дней
Вдруг понимает человече
Тщету надежд, тщету идей . . .
« Иных уж нет, а те далече ».

В очках и при карандаше,
Пред выкипевшим самоваром,
Он размышляет о душе,
О временах прошедших даром :

Подобно самовару дух,
Быть может, также выкипает ? . .
Ну что же, не ругайтесь вслух,
Ведь в жизни всякое бывает.

Глеб Глинка

ТЕНЬ

Многое было, бывало.
Сердце, должно быть устало
От безысходности всех
Чаяний, бед и утех.

День — из готовых понятий,
Ночь без открытых объятий.
Люди, как тени вокруг,
Тень, как единственный друг.

С тенью гуляю по парку.
Тени становится жарко.
В жгучие летние дни
Тень отдыхает в тени.

Но на морозе и стуже
Ей разумется хуже.
Ненависть дышет вокруг.
Тень — как застенчивый друг.

Кто разберет и узнает :
Тень ли меня отражает,
Ночью иль в солнечный день,
Я отражаю ли тень ?

С тенью мы слишком похожи.
И, как по тени, прохожий
Может по мне, на пути,
Не замечая пройти . . .

Я — это тень от былого
Дикого, нежного, злого,
Тень на стене не моя,
Тень — это подлинный я.

АЛЛА ГОЛОВИНА

(Бельгия)

И. Б. Соколовой

Был страшен мир последней немотой
Перед грозой. Клубилось, трепетало
И — исчезало снова за чертой,
Где молнии уже вильнуло жало.
Где серый дом, стоящий в тупике,
Впервые озаренный, словно сдвинут,
Где все карнизы ласточки покинут,
Где вырос флаг на явленном древке...
И покатилось — грохоту навстречу
По крышам и по улицам вразбег,
По пригородам падал первый снег
С фруктовых гор, не охлаждая сечу.

Но вот смотри, за первой прядью прядь
Дождя, нежнее семени льняного,
Из форточки, ты можешь перебрать
И всплескивать, и отпускать — отлого...

Внизу мутится улица ? Канал ?
Редеют тучи, на глазах скудея...
За этот миг наш кактус расцветал
Быстрей, чем под ладонью чародея.

⁂

Сегодня виденье возможного дня,
Как смерть, как рожденье коснулось меня.
В привычных словах, в начертании числ —
Настойчивый зов, узнаваемый смысл.
Созвездья, соцветья, союзы, семья
Круги замыкают возле меня.
И будущим ширится пустота,
Сквозит и — срывается темнота.
И радость, почти что, приникла ко мне :
Сияющий иней на мутном окне...
Не спорь, не дрожи, не гори, покорись.
Здесь ад словно парус в закате повис,
Здесь рай — отступает. Осенняя высь,
Как призрак вещает : не обернись.
Придет этот час — равновесие сфер.
И мир за оградою — больше не сер.
И я — не черна. И ты — больше не бел.
Пишу черновик. Заполняю пробел.

⁂

Не умирай, не верь, не жди,
Что будет райская награда.
Покроют руки на груди
Цветами из чужого сада.
От выцветающих оград,
Где спят напуганные адом,
Ты не увидишь этот сад,
Не пролетишь над этим садом.
Взойдет непышная трава
Над желто-розоватой глиной
И будешь помнить ты едва
Озерный шорох лебединый,
Цветы на письменном столе,
Грозу, встающую над скатом
И руку на плече крылатом,
Крылатом только на земле.

Как мех невылизанный лисий
Алеет и желтеет мох.
Тоскует Эхо по Нарциссе
И голос слабый, словно вздох,
Летит к ручью, где упоенный,
Склоненный к ледяным струям,
Он смотрит, как теряют клены
Узорный шелест по краям.
Как обнажаются платаны,
Сопротивляются дубы,
А он живет. И нежен странный
Тысячелетний зов судьбы...
Ни тень, ни шорох, ни волна
Отображенье не тревожит,
И одиночество не гложет
Черты пленительного сна.
И даже прежний голос твой,
Что разбудили дровосеки,
Здесь обрывается навеки
И долу падает с листвой.

Алла Головина

Бродит дрема
Возле дома . .
(Из песни)

Братец Дрёмушка, сестрица Алёнушка
Сели в лесу около пёнышка.

Стоит копытце — полно водицы.
— Алёнушка, я хочу напиться. —

— Не пей, ты станешь белым оленем,
Меня забудешь утром осенним . . . —

Алеет брусника, густа черника.
Судьба таинственна и двулика.

— Не пей. Подожди. Есть дворец за лесом
И водометы под навесом.

Там слуги в жупанах, как павлины,
И кубки из золоченой глины.

Крученый панич по стенам взбегает
И каждый меня с тобою узнает.

Не пей мой любимый, мой мухоморчик . . . —
Но мимо да мимо ее приговорчик.

И белый олень, сухостой ломая,
Бежит не видя, не понимая.

. . . .

Асфальт от жары растопился липко.
Поет в ресторане нежная скрипка.

— О, где ты, о где ты, мой братец древний ?
Я все исходила земли, деревни.

И мой каблучок на асфальте черном
Оставил следы — не задернешь дёрном.

Глаза у меня, как тогда, оленьи
Да ты-то полон скуки и лени.

Меня не помнишь, меня не ищешь.
Зачем тогда ты по свету рыщешь ?

Живешь ведь где-то, глядишь куда-то
И мне дороже Дрёмушки-брата.

Я жду тебя, как дочь дровосека,
В хаосе самого злого века

АНТОНИНА ГОРСКАЯ

(Франция)

В ТУМАНЕ

Туман. И чудится порой, что вся земля
Туманом скрыта. И понять нельзя
Где берегов граница, где вода,
И мост исчезнул, будто, навсегда.

И в сердце наважденье, как туман,
Не вижу правда где и где обман.
И не постичь в туманной пустоте
Что низко снизилось и что на высоте.

Антонина Горская

СНЕГ

Снег падает, падает, падает —
Повсюду белым-бело,
Видение белое радует —
Повсюду светлым-светло.

Морозом оковано озеро,
И снегом выбелен луг,
И шумы земли заморозило,
И тихо, тихо вокруг.

И скрыто метелью стремительной
Скрещенье темных путей,
И выявлен мир удивительный
В покое белых полей.

НАБАТ

Ты не пришел на звон набата,
Что призывал в глухой ночи.
Знать думал — с краю наша хата,
Иль крепко спалось на печи.

А поутру, лишь солнце встало,
Пустырь увидел пред собой —
Все, что вчера благоухало,
Покрыто пеплом и золой.

Антонина Горская

РАССВЕТ

Темнеет холодное море.
Бескрайность в суровом просторе.
Прибоя лишь тихие песни —
О, если бы, если бы, если...

А ветер на берег летящий,
Встречают полночные совы.
Из леса все чаще и чаще
Глухие протяжные зовы.

Вдруг солнце, рассвета лучами,
К волне голубой прикоснулось,
Волна пред утесом взметнулась
И замерла меж камнями.

И темень дремучая скрылась .
Ночная тоска замолчала.
И новое утро открылось.
И лодка ушла от причала.

Антонина Горская

СУДЬБА

Мой слух к страданьям обращен,
А я не слышу плача друга...
Хочу раскрыть судьбы закон,
Да он завязан слишком туго.

Добро и зло я стерегу,
Их в разные вмещаю клетки,
Но, перепутав клеток метки.
Ключи бросаю и бегу.

Моя судьба невесела,
А жизнь мне все-таки мила —
Так дети любят карусели,
Свое кружение без цели.

МИХАИЛ ДАРАГАНОВ

(Бельгия)

ПРУД ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Невыносимая жара,
Невыносима.
Нависла туча как гора,
Свинцово-синяя.

И берег свесился у вод
Разлапив сучья.
Их отраженья гнет и мнет
Расплыв паучий.

Оттенена до черноты
Отава сизая.
И ветром дыбисто-крутым
Перепронизана.

Он оборвался из-за крыш,
Из-за укрытий,
Кромсает явор и камыш
Со всею прытью.

И в перекат через кусты,
В-нагиб до слома,
К березе кинулся, пристыл,
Налег весомо.

Михаил Дараганов

Кувшинок листья посвежев
Подняли лопот.
Их капли первые уже
клюют и топят.

Но миг — и все обнесено.
(Взыграли плесы !)
И ливень ломит косиной,
Густым забросом.

НА МЕЖЕ

Там и опалило, во мгновенье ока.
Там он и остался на меже глубокой.

И когда прошло все, глухо угасая,
Набрела на парня девушка босая.

Позабытый Богом и людьми забытый,
Он лежал холодный с головой пробитой.

Комом кровь застыла — ворон чует пищу —
И глядели в небо синие глазища,

Синие, большие... Собрала все силы,
На колени стала и глаза закрыла.

Поднялись упрямо мертвые ресницы —
Не устал он видно, юноше не спится...

А какой красивый ! За таких бранятся.
И глядеть печально, и не оторваться...

Снова наклонилась в желтую сурепку
И глаза косынкой завязала крепко.

От весны, от солнца, от земного мира,
От того, что будет, и того, что было.

Михаил Дараганов

***

Всех до единой выкинул
Из памяти без жалости.
Потеря не великая,
Одна лишь удержалась ты...

Те дни в десятилетиях
Не устоялись мутью.
Не худо их отметить,
Не горе помянуть их.

Я приближал и суживал
Провал былого нашего.
И неживую суженой
Именовал. Вынашивал

До яркости подробности,
Которым не иссякнуть,
И прелести той робости,
Что были не у всякой.

И до сих пор не с парою
Тянул я разговор.
Пускай утрата старая,
Но с нею до сих пор

Не свыкнется, не стерпится
Душа — черным-черна...
И всем живым соперницей
Ты быть обречена.

ПОГОНЯ

Бежал, задыхаясь бежал,
Вытянув силы в костях,
Кровавый живот зажав,
Разбитой ногой хрустя.
И взглядом через плечо,
Погони меряя бег,
Бежал еще и еще,
Топча и кровавя снег.
А топот погони рос,
На зов сорвавшихся глаз.
И кто-то руку занес,
Кто-то в последний раз . . .
    Как зверя перевернули.
    Был мертв, обескровлен и сер,
    Держа, до последней пули
    Расстрелянный револьвер.
Зачем злорадные крики ?
И деланный смех к чему ?
О, как зловеще и дико,
Когда кричат в тишину.

СТАРЫЙ ШАХТЕР

Леониду Гареву

Ноги в сабо — с постели,
Хламиду на горб накинув.
Ребрастый кадык под челюсть
Прыгает арлекином.

Столетьем другим заморожен
Взор без единой росинки.
Полощется мускул под вялой кожей
Сухой начинкой.

Рассеченной брови свих
Глядит отупело-пусто.
Бивал родившую пятерых
В кистях до хруста.

Рыдать бы, плакать неистово ! —
Как тесаный идол горд,
Лицо занося пятнистое,
Как рокфор.

АНАТОЛИЙ ДАРОВ

(США)

СТИХИ О НЬЮ-ИОРКЕ

Здесь все, как в России —
Снега и рассветы,
Гудзон предо мною —
Как Волга на час.
Здесь все, как . . . А если
Чего-то и нету,
Так это неважно,
Добавим от нас.

Вот мост Вашингтона :
Сквозной полумесяц
Схватили стальные
Быки за рога
И держат, усами
Канатными свесясь,
И ветер сечет их
И хлещет пурга . . .

На том берегу —
Никакого Нью-Йорка.
Там Русские горки
Стоят на пригорке.
Волнистая линия
Белая эта
Волнует и талое
Сердце поэта.

Анатолий Даров

Глотаю снежинки —
И сладки, и горьки —
Они мне покоя
Теперь не дадут !
Иду. Вспоминаю
Такие же горки,
Но — Американскими
Там их зовут . . .

⁂

Я в Нью-Йорк влюблен
(Особенно в летнем уборе)
Куда ни пойдешь — Гудзон,
Куда ни поедешь — море,

Куда ни глянешь — вода,
Куда ни кинешь — камень,
И целые города
С припаянными мостами —

Шагают куда-то вдаль,
В море и прямо в небо,
Где алюминий и сталь
Стали насущней хлеба...

А вечером — здесь и там,
Где надо, и где не надо —
Что это — рай реклам,
Или рекламы ада ?

Анатолий Даров

***

Серый, маленький котенок,
Друг моих ночей бессонных...
Я не сплю — и ты не спишь,
И перо шуршит, как мышь...

Не оно ль тревожит уши
Заостренные твои ?
Наши серенькие души
Породнились в эти дни,

В эти дни, и в эти ночи,
Что томят меня тоской,
А перо скрипит и строчит
Неразборчивой строкой.

Мягко прыгаешь кругом, —
Ты крадешься тише, тише,
Все равно ты не услышишь,
Как, порой, скребутся мыши
Больно на сердце моем...

Анатолий Даров

Зеленоватое стекло разбитой чарки.
Глаза породисто-воспитанной овчарки.
Луна за проволокой — с пятачок —
И автомата немигающий зрачок...

Кто видел это все,
Тот может ли иначе,
Без ненависти вспомнить
И тоски —
Миллион людей, дрожащих по собачьи,
И тысячу собак,
Ученых по-людски...

И вот теперь, в далекой стороне,
И в стороне от горя и обиды,
Я часто улыбаюсь разным псам для виду,
А сам на них завыл бы при луне.

Плетется тихо скомканная жизнь.
Растет бурьян в московском огороде.
Собаководы не перевелись,
Хотя, быть может, и не очень в моде.

А здесь в Булонском реденьком раю
Я глажу верб опущенные плечи.
Как будто кто-то жизнь их покалечил,
Как искалечил некогда мою.

По вечерам смежаю даль и близь.
Закрыт мой горизонт, от изморози пегий.
Зачем же мне когда-то удались
Отчаянные все мои побеги ?...

ГОРОДУ ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

Я не вижу конца разлуки
И страшнее могильных плит
Малый город — Великие Луки
До сих пор предо мной стоит.

Я не в этом городе вырос,
Но в бою у его берез
Первый раз для меня открылась,
Встала родина во весь рост.

Показались совсем иными
Обгоревших избушек срубы,
И курились нездешним дымом
Уцелевшие чудом трубы.

И теперь по ночам не спится,
Оттого, что зовут назад
Умирающей фельдшерицы
Отлетающие глаза,

И горит ярче всех созвездий
В бесприютном моем пути
Поцелованный пулей крестик
На пробитой ее груди...

Пусть не вижу конца разлуки,
Но попрежнему я твой друг,
Русский город Великие Луки,
Малый город великих мук.

Анатолий Даров

Валентине Никитиной

В платьице нарядном
Села с мамой рядом.
Желтые косички
И глаза лисички.

Что глядишь так востро
С искоркой зеленой ?
Я и сам ребенок,
Только больше ростом.

Только много видел
И душа устала.
Больше ненавидел,
А любил так мало.

Анатолий Даров

АФИНЫ

Торчат осколки древних капищ
И по коринфским желобкам
За веком век, за каплей капля
История стекает к нам.

Все эти плиты исподошвив,
Как не упасть пред ними ниц ?
И самый дряхлый или дошлый
Роняет драхмы здесь турист.

Афинское столпотворенье !
Киоски, лавки, торгаши —
Практическое преломленье
Антично-эллинской души.

А в прошлом нас немало били
И разрушали Парфенон,
Чадрою шелковистой пыли
Задергивался небосклон.

Казалось, все летело к черту
И уж ничто не защитит,
Когда блистательная Порта
Попрала греческий гранит . . .

. . . . . .

Как пахнет высохшим укропом !
Ни капли за лето дождя.
И во главе Афин Акрополь
Все дожидается вождя.

На город пала тень косая —
Как свечи желтые, подряд
Колонны тихо угасают,
Но никогда не догорят.

Здесь ничему не быть замены.
Лишь православный верит мир,
Что краше всех камней священных
Святой Георгий — монастырь.

Построен на горе высокой
Без ионических затей,
К Афинам стал он белым боком
Беззубой башенки своей.

ВЛАДИМИР ДУКЕЛЬСКИЙ
(США)

Не вруг календари : без сна,
без отдыха — зима, весна,
за летом по пятам и осень...
Как этот ритуал несносен
и как убийственно убог
бессменных истин католог !
Земле округлой быть пристало,
луне сиять и солнцу печь,
звездам мерцать нежней кристалла,
и ливням лить, и рекам течь
из года в год. Устав от азбук,
от слишком явных аксиом,
затеял я : хоть раз, хоть раз бы
качнуть вселенную верх дном,
чтоб рухнул этот круглый дом,
чтоб звезды в море утонули,
чтоб солнце подожгло луну,
чтоб поднялась метель в июле,
чтоб вновь услышать тишину —
и странный выдуманный мир мой
окажется волшебной ширмой ;
она убережет меня
от лжи ночной, от правды дня.

Июль 1965

⁂

Пренелепые сны под утро, —
(Увертюра оперы « Завтра »)
все какая-то Кама Сутра
или, может быть, Кама Шастра.
Я — голодный индус в тюрбане
из забытых давно теософий ;
у жены глаза, как у лани,
кожа цвета турецкого кофе.
Но жена меня не узнает ;
не узнав, улыбнется грустно.
Места нет в фешенебельном рае
для безденежного индуса.
В Бенаресе или в Бомбее
мне бы мать покойную встретить.
Ах, проснуться бы поскорее !
Я один и в тьме и на свете.

Июль 1965

*
**

Подушки — теплые телята
в прохладе койки ; дождь поет.
Величественный вентилятор
всю ночь бормочет напролет.

Мне море кажется медведем
зеленобурым с сединой.
Не все ль равно, куда мы едем
и возвратимся ли домой ?

О, запах рыбы и фиалки,
далеких путешествий зуд !
Ушли года, ушли гадалки ;
под парусом, на катафалке
меня на небо отвезут.

Сент. 1965

Владимир Дукельский

*
**

« Il pleut, c'est merveilleux... »
Francis Carco.

На тротуарах лужи рыжи
И чавкает, слюнявя, слякоть.
Как музыкален дождь в Париже !
С ним в терцию приятно плакать.

Моя непроходима площадь
И непролазен переулок :
Нырну в кафе. Все будет проще
Там запах табака и булок
И очень юркие гарсоны
Снуют с подносами. Однако,
Клиенты поголовно сонны,
Неразговорчива собака.
В газете мокрой о футболе
Читает дряблый старикашка.
Солонка перед ним без соли,
Без кофе выпитая чашка.

Но я в почете у кассирши ;
Подсяду к ней, смеясь, поближе,
Косясь на коньяки и кирши,
Презрев чеснок, прочту ей вирши
О том, как дождь идет в Париже.

Янв. 1966

Владимир Дукельский

НАДПИСИ И ЭПИГРАММЫ
(Вольный пересказ)

1. На потерю щита

(Архилох, 690 до Р. Х.)

Врагу полюбился мой щит,
Защитник спасенной отчизны ;
На бранном он поле лежит
И кровью ничьей не забрызган.
Пусть враг не кичится ! Я жив
Попрежнему, молод, ретив ;
Быть может, куплю я у ворога
Свой щит — и, при этом, недорого.

Из Люциллия

2. Сон скряги

Приснился Флинту сон : банкетом скряга тешился
От щедрости своей, во сне же он повесился.

3. Скряга и мышь

« Разбойник маленький, зачем ты здесь торчишь ? »
Вскричал голодный скряга, наступив на мышь.
«Приятель, — мышь шепнула, — тщетный страх рассей:
Я лишь живу с тобой — **столуюсь** у друзей ».

4. Из Катулла

Твердит любимая, что « будь твой друг Юпитером,
Я, мол, жена твоя — и мне нельзя любить его ».
Лепечет пусть она ; я, все же, не дурак

И рассуждаю так :

Что жены говорят мужчинам простодушным,
Пристало написать на ручейке иль на струе воздушной.

5. Из Паулуса Силентиариуса
(530 после Р. Х.)

Мне морщины милей твои, Лидия, лиц нежнокожих !
Крепко тебя обнимать — сколь других милее объятий.
Осень твоя сколь слаще и сколь драгоценней
Лета богинь молодых и нимф беззаботных,
Лета, что греет не так, как твоя благодатная осень

6. Из Марциала
(Около 40 после Р. Х.)

Ужин у гробницы

Наполни чашу плещущим вином.
Мне любо прохлаждаться летним снегом,
Чело свое кропя цветочной негой.
Над ним я розы завяжу узлом,
И, созерцая пышность сей эмблемы,
От восхищенья все пребудут немы.
Научены богами жить и петь,
Богов самих научим умереть.

7. Из Калифа Радхи Биллах

(Арабский поэт, умер в 951 г.)

О Лейла ! Когда я смотрю на тебя,
Щека моя быстро бледнеет.
Твоя же, как бархатный персик, щека

Румянцем, о Лейла, алеет.
Сказать ли, о Лейла, о тайне твоей ?
Не в том ли любови начало,
Что этого сердца багровый ручей
Лица твоего покрывало ?

8. Красавице, отвергшей дар дыни и мольбы воздыхателя

(Неизвестный арабский поэт)

Когда я принес тебе дюжину дынь, ты вскричала :
« Неужто не знаешь, что дыни должны быть в морщинах,
Тяжелые, спелые, желтые ? » — Я извинился
И робко себя предложил — морщинист, немолод,
Тяжел на подъем, при этом страдаю желтухой.
« Все качества, жемчуг души моей », молвил правдиво.
« Вон с глаз моих, — ты завопила, — обрюзгший старик ! »

НИКОЛАЙ ЕВСЕЕВ

(Франция)

Е. К. Девлет-Килдеевой

Не сплю и сплю, и вижу
Во сне, как наяву,
Что я не под Парижем,
А на бахче живу.

И что не май цветущий,
Но август золотой —
Мой месяц самый лучший
На полосе степной.

Лежат горой арбузы
В соломе золотой.
И вдруг приходит Муза
Поговорить со мной.

Она пришла босая,
С пучком травы в руках,
Простая и родная,
С улыбкой на губах.

Николай Евсеев

Наш разговор недолог,
В моих руках трава,
Над нами неба полог,
И слышатся слова,

Мои слова глухие,
Как счастлив жребий мой,
Что музою Россия
Была во сне со мной.

Я даже не знаю, что скоро напишет
Почти в полусне безотчетно рука.
А ветер в окне занавеску колышет
И Муза приходит воздушна, легка.

Целую ей нежно прекрасные руки.
О, Муза, я так благодарен судьбе,
Что наши недолгими стали разлуки,
Что сердце, как роза, раскрыто тебе.

Николай Евсеев

⁂

С. А. Е.

Мой ангел серокий,
Хранитель мой земной,
Поклон тебе глубокий
Седою головой.

За жизнь мою и счастье
Десятков трудных лет.
Любовь — мое причастье,
На многое ответ.

Не знаю, что над нами,
И бесполезно знать.
С закрытыми глазами
Приемлю благодать.

Прочтешь ты эти строки
И улыбнешься мне.
Мой ангел сероокий,
Ты вспомнишь о весне,

Той, что была зимою.
Морозный снег хрустел.
Я рядом шел с тобою —
Мне снег о счастье пел.

И это пенье снится,
Ему внимаю я,
И радость длится, длится,
Как будто молод я.

О если б жизнь сначала
Начать и повторить !
Одной мне жизни мало
Чтобы тебя любить.

⁂

Писал, быть может, слишком много
О счастье средь лугов, полей.
Писал простым поющим слогом
В сиянье уходящих дней.

Я крепко верил, и не верил,
И сомневался, и искал
Двуногому подобно зверю
Среди молчащих темных скал.

Лишь знаю, что глаза закрою
И вдруг уйду в небытие...
О если бы душой земною
Найти мне царствие Твое !

ИВАН ЕЛАГИН

(США)

⁂

Неслышно входит городское лето
В отведенное для деревьев гетто,

Где пробегает по дорожке пес
И где деревьев несколько вразброс,

Тревожно размещая светотени,
Стоят как декорации на сцене.

А чуть поодаль — каменный потоп :
Плывет за небоскребом небоскреб,

И снова небоскреб за небоскребом
Вздымается гигантом темнолобым.

А я стою под ветром и листвой,
Я от листвы и ветра сам не свой,

И этот сад почти как остров странен :
Мне кажется, что я — островитянин

И что когда-то, может быть в раю,
Я видел эту бедную скамью,

И эту невысокую ограду,
И видел пса, бегущего по саду,

И предо мной встает со дна морей
Сад затонувшей юности моей.

⁂

Странно и нежданно
Стал я богачем :
Я набил карманы
Солнечным лучем.

Я теперь богат,
Мне теперь почет :
Я кладу закат
На текущий счет.

А как дуб листвой
Надо мною тряс,
Он мне отдал свой
Золотой запас.

Крепче всех валют,
Звонче всех монет
Те лучи, что льют
Предвечерний свет.

Больше всех богатств
Тот закат в огне,
Что сейчас погас
У меня в окне.

Иван Елагин

Что с деревом делать осенним,
С оранжевым сотрясеньем,
Плеском и колыханьем,
С блеском его чингисханьим,

С этим живым монистом,
С деревом тысячелистым ?

С деревом тысячелистым,
Резким, броским и тряским,
Истым импрессионистом
По хлестким мазкам и краскам !

С деревом, что смеется,
С деревом-знаменосцем !
Глянь на его богатства, —
Некому с ним тягаться !

Осень в него вложила
Золотоносные жилы,
Солнца вкатила столько,
Что светится как настойка !

С неба закаты взяты
И влиты в него закаты,
Гнется под ветром крупным,
Бьется цыганским бубном, —

Не дерево, а кутила, —
Осень озолотила !

Иван Елагин

Что с деревом делать осенним,
С круженьем его, с крушеньем ?
С его золотой падучей ?

Топчем. Сгребаем в кучи.
И меж домов громоздких
Сжигаем на перекрестках.

Иван Елагин

Я не знаю где бы выпросить
Краску, чтобы ветер выкрасить.
Прекратить нелепость дикую,
Что он ходит невидимкою.

Я люблю определенности,
Красности или зелености,
Фиолетовости, синести,
А вот ветра мне не вынести,

Потому что ветер фикция,
Хоть и есть у ветра дикция.
Вот и мыслью ошарашен я,
Чтобы ветер дул раскрашено,

Дул павлинисто, фазанисто,
Дул гогенисто, сезанисто,
Чтоб по всей его волнистости
Шли сиреневые мглистости,

Чтоб скользили по наклонности
Голубые просветленности,
Чтоб он гнал в рывках неистовых
Цветовую бурю выставок.

Пусть по ветру фордыбачатся
Все абстрактные чудачества,
Многоцветные, несметные,
Несусветно-беспредметные,

Пусть в его порывах множатся
Сумасшедшие художества,
Пусть разгуливает клоуном
Идиотски размалеванным,

Пусть размахивает красками,
Как платками самаркандскими.
Весь вмещенный в очертания,
В свето-цвето-сочетания,
Пусть проходит ветер красочный,
Кочевой, блестящий, сказочный.

⁂

Н. и Р. Магидовым

Стопудовые и древние
Камни высятся в лесу,
И деревья за деревьями
Держат ветки на весу.

И не знаешь, то ли озеро
Там блестит наискосок,
То ли вечность заморозила
Неба синего кусок.

И деревья, в выси аховой
Разметавшие верхи,
С каждой ветки солнце стряхивают
На каменья и на мхи.

Я хотел бы жить тут лодырем,
Ни о чем не думать впредь,
А во все глаза до одури
С удивлением смотреть.

⁂

Я решаю вопрос большой —
Что мне делать с моей душой ?
Вот стою я под фонарем,
Говорю ей — вдвоем умрем,

Только жизнь со мной промытарь,
И потухнешь ты как фонарь.
А выходит, что все вранье,
Что обманываю ее,

Что дела ее нехороши,
Что бессмертье есть у души.
И хотя она здесь, со мной,
Для нее я — двор проходной,

Сквозь который душа пройдет
От ворот до других ворот.
Мне-то что, я пойду на снос,
Вот с душою как быть — вопрос,

Как помочь разорвать ей круг
Этих вечных блаженств и мук.
Что же будет с моей душой,
Вечность все-таки срок большой.

Иван Елагин

НИАГАРА

Лакированным отрядом
Мчат они по автострадам.
Пролетают, как в угаре,
К Ниагаре, к Ниагаре !

Бравый парень за рулем
Восседает королем.
Он король — молодожен !
Он как пушка заряжен !
И сидит у парня справа
Расфуфыренная пава.

Ниагара, Ниагара,
Над речным резервуаром,
Упираясь в берега,
Блещет вольтова дуга.
Ослепительно, бурливо
Со скалистого обрыва,
Точно с ткацкого станка,
Льются белые шелка . . .

Ниагара, грохот твой
У меня над головой,
Надо мной твой звездный ливень
Непрерывен, неизбывен.
Над веками, над людьми
Ты шумела и шуми,
Ниагара, так и стой
Подвенечною фатой !
Пусть шипит твоя волна
Добела расщеплена.

Иван Елагин

Ниагара, Ниагара,
Обдаешь ты белым паром,
Ты вздымаешь горы брызг,
Над тобою чаек визг,
И малютка-пароходик
Под стеной твоей проходит,
Под летящею стеной,
Леденящей, навесной.

Ниагара, Ниагара,
Никому ты не налгала,
Твой пленительный обвал
Грохотать не уставал.

Отчего ж такая кара,
Ниагара, Ниагара ?
Над тобою непрестанно
Вырастают рестораны,
Твой могучий водоем
Отдан хищникам внаем,
И пристал как банный лист,
Облепил тебя турист,

Он толпится у перил,
Он очки в тебя вперил,
Он садится в вертолет,
Сверху он в тебя плюет,
Там, где воды мчатся вскачь
Столько выстроено дач !
Там где вечность шумно льет
Он свои коктейли пьет,
Дышит пьяным перегаром,
Ниагара, Ниагара !

Помнишь ты, как ирокез
По твоим порогам лез ?
Сжаты водами в тиски,
Мчались в бочках смельчаки,
В твой поток кидаясь ярый,
Ниагара, Ниагара !
Пред толпою хорохорясь,
Над тобой канатоходец
Балансировал с шестом
И чернел вверху крестом.

А совсем внизу у спада,
Где вода толпиться рада,
Прямо в каменные щели
Гидростанции засели.
Рев бушующих турбин
Слился с грохотом глубин.
Ниагара, сотрясай
Гидростанций корпуса !

Ниагара, оправдай
Все на свете провода !
Чтобы славу разносила
О тебе электросила,
Что ты трудишься на благо,
Что у нас ты работяга,
Что ты мощь земного шара,
Ниагара, Ниагара !

ВЛАДИМИР ЗЛОБИН

(Франция)

ДУША И ТЕЛО

Душа моя, не бойся, не стыдись
Любви земной, любви обыкновенной,
Не порывайся в ледяную высь,
Но в теле пребывай несовершенном.

Ведь без тебя ему, о как прожить !
Хоть не всегда оно с тобой согласно.
А без него, как будешь ты любить
Здесь, на земле, — не по земному страстно.

Тебя хранит от легкости оно,
А ты его спасаешь от паденья.
Но меж собой враждуя, вы — одно.
Одно в покое и одно в смятеньи.

СЧАСТЬЕ

Просил о силе, не о власти,
И не об истине — о счастье.
Просил и было мне дано.

Как будто узкое окно
Раскрылось в сад нездешне-здешний,
Трепещущий, морозно-вешний,
Невиданный, но вместе с тем,
Такой знакомый, — ну, совсем,
Как тот, где полон воли дикой,
Один, на берегу Великой
Я рос . . .
И так же, как тогда,
Сияла нам в окне звезда,
И счастье, наплывая тенью,
Жасмином пахло и сиренью.

Владимир Злобин

ЧТО ЭТО ?

Тюрьма, сума, любовь неверная —
Все ничего, все — не беда !
Но этот холод, тьма пещерная,
Со стен текущая вода,

Ненарушимое молчание
И теснота и тяжесть скал —
Что это — месть иль испытание ?
За что ? и кто его послал ?

Иль это — ад, существование
Которого я отрицал ?

Владимир Злобин

⁂

Есть что-то странное в моих мечтах,
В моих стихах, в моем оцепененье,
В протянутых бессмысленно руках,
В растущем, с каждым днем, недоуменье.

Чтоб ни случилось, все — наоборот,
Не то, не так, — сливается, двоится.
О неужели этот мир не тот,
В который мне положено родиться ?

Но отчего ж я так его люблю,
Так всепрощающе его жалею,
Его дыханье каждое ловлю
И о спасении мечту лелею ?

ДВЕРЬ

О если б знать ! Но знать не надо.
Не любопытствуй. Не дано.
Вот — сад, а за оградой сада,
Что б ни случилось — все равно.

И кто б там ни был — дети, звери,
Какой ни чудился бы рай —
Не приближайся к узкой двери,
Ключа к замку не подбирай.

И даже будь она открыта,
Остерегайся, не спеши :
Пустырь, козлиное копыто,
И духота. И ни души . . .

Владимир Злобин

РАЙ

Как себе ты представляешь рай,
Праведных блаженные селенья ?

Так по-детски, просто : это — край,
Где целуются, едят варенье,
Где никто уроков не зубрит,
Не боится ничего, не плачет
И у всех всегда довольный вид . . .

Ну, а мне он грезится иначе :
Мельница. Заснувшая река.
Ровный свет — ни яркий, ни холодный.
Лодка так стремительно-легка,
Я скольжу, как тень, по глади водной.
Кто-то ждет меня в пустом саду,
Где сирень, костер и лай собачий,
Как тогда, в семнадцатом году
В белой мгле, под Нарвою, на даче.

ПРОГУЛКА

Не знаю, как с другими, но со мной
Творится что-то странное весной.

Вот например : апрельский день веселый
И будто я иду домой из школы.

В руках портфель, он полон школьных книг
И вдруг навстречу — в зеркале — старик.

Я вежливо дорогу уступаю
И незаметно в зеркало вступаю

Старик же (кстати, с этим стариком
Я, кажется, когда-то был знаком)

Спешит, спешит к своим каким-то целям,
Скрываясь за углом с моим портфелем.

ПЕРСТЕНЬ

Когда бесславные потомки
Найдут на дне моей котомки
Средь всякой мелочи пустой
Волшебный перстень золотой, —

Тогда начнется все сначала.
И сила та, что мной играла,
Но не сумела овладеть
Заставит их плясать и петь.

И будут вздрагивать их плечи
И повторяться вновь и вновь
Мои двусмысленные речи
Про невозможную любовь.

ЮРИЙ ИВАСК

(США)

БОЛДИНО

Друзья дорогие, милые,
Не добрый ли это знак ?
Не красный, ярко-малиновый
Уже полощется стяг.

Мы все говорим без умолку
И без толку, вперебой,
Слова заглушает колокол —
Воздвигнутый, вечевой.

Глупею, и все мне нравится, —
Другой не знаю страны !
Свобода, братство, неравенство
Уже провозглашены.

Идут одетые в белое,
А выше — голубизна.
Где правая и где левая
Не знаю я — сторона.

Юрий Иваск

Стихи бормочу от радости,
Бессмысленные стихи :
Рябина-Радуга-Радонеж,
Прощаются все грехи.

Ее узнаю я, родину,
Утраченную вчера.
Сегодня же съездим в Болдино,
Прощеному жить пора.

1960.

Юрий Иваск

МИХАЙЛОВСКОЕ

Я знаю, что знаю, доказательств не требуйте,
В конце неизвестно каком, вдалеке,
Вы заговорите и блаженно забредите
На том, на родном, на моем языке
(Совсем не октябрьском, но осеннем и болдинском),
На русско-моцартовском, — тем, что в раю
Земном, ненадежном, неподложном, единственном
Еще говорят, но не я говорю.
Свиваясь, дымится белоснежное облако,
Метель завывает звучней и резвей,
Но я различаю : отдаленнейший колокол
Уже созывает замерзших друзей.
Кончается поле, бесконечное, ровное,
К крыльцу подъезжает последний возок,
Она засияет, зажурчит Родионовна
Встречая гостей . . .

1960

Юрий Иваск

МАНДЕЛЬШТАМ

Жестокий век, но снова постучится
Летунья-ласточка в твое окно.
Добро и зло пусть искажают лица,
Еще струится красное вино.

Пестра Венеция и смугл Акрополь
И, доживая век, волы жуют.
Не назову некрополем Петрополь,
Где ласточку нетерпеливо ждут.

Его Сибирь еще не раз приснится,
Цепная, забайкальская, его.
Медовой, матовой рекой струится
Пчелино-солнечное волшебство.

1963

Юрий Иваск

РОДОСЛОВНАЯ

Мы кровяные шарики-бирюльки
Перемешали в длинной родословной.
Уже дитя, положенное в люльку,
Заплакало под обветшалой кровлей.

Ломали руки милые черницы
В бреду старообрядческих лесов.
Туда — за журавлиной вереницей —
Подняться бы, откликнуться на зов.

Был граф еврейско-португальской крови,
Какие-то бродяги, бурлаки.
Ты — соболиные сдвигая брови,
Не вспомнишь их у северной реки.

Я вижу лебеденка-соколенка :
Ты своего спасителя расти !
Твоя улыбка и твоя иконка,
Снежком запорошенные пути.

1964

Юрий Иваск

АССИЗИ

Настеж окна и душу,
Ранний утренний блеск,
Улыбается, дышит
Пробужденный Франциск.

Знаю — уже простились
Семьдесят семь грехов,
Выбежал, причастился,
Арфы колоколов.

Умбрией обернулся,
Мглою лилейной — мир,
Розовый развернулся
Новый ассизский Рим.

Мантией расстилаюсь,
Брошенной перед ним,
Под ноги попадаясь,
Я распеваю гимн.

1964

РАВЕННА

В своем розарии на плоской крыше
Всегда готова милая старушка
Бельишко кой-какое постирать.

Я к ней зашел с рубашками подмышкой,
Любуясь розами, озонной сушкой
На этой вышке метров семь на пять.

Я видел диво цареградской веры —
Осенне-мозаичные покровы,
Мерцающий, магический кристалл.

Я видел чудеса в раю пещеры —
Светящейся, янтарной и медовой,
Я вечное блаженство испытал.

И опустелую я видел славу
Давно надтреснутого саркофага,
И празелень — « всё суета сует ».

Старушку я в розарии оставил :
Уже свое ты совершила благо,
Белье озонное впитало свет.

1963

Юрий Иваск

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ В МЕКСИКЕ *)

Колокола раскачиваются быстрей
Трехсот шестидесяти и пяти церквей.

Налился кровью Попокатепетль-алмаз,
Все в плоть запахиваются в последний раз.

Дрожа и падая — на четвереньках мы
Ползем (опаздываем !) из кромешной тьмы.

Уже спускается на пирамиду Он,
Гремя раскалывается церковный звон.

Верховный Судия неумолим и нем,
Заканчивается в Чолуле Вифлеем.

Но та же перцовая, шелестя едва,
Уже колеблется над головой листва.

И льются слезы, и не вижу ничего,
Я со стыда сгораю, но люблю Его.

Уже распахивается широко рай,
Уже подхватывает яркокрылый рой.

. . . .

---

* В древнем городе Чолула будто бы столько церквей, сколько дней в году. Селение Тонанцинтла находится в районе Чолулы. Там церковь в стиле туземного « рококо ». В церкви — статуи Станислава Костки и Луиджи Гонзага, святых юношей-иезуитов, покровителей католической молодежи.

Юрий Иваск

Танцую в Тонанцинтле, и не в первый раз,
И Костка, и Гонзага — тысяча проказ...

Поет и веселится — вьется рококо,
Блаженные мурашки, крылышку легко.

А в куполе воркуя — бьется белый Дух,
Осанна, аллилуя, — падай, падай, пух.

1965

Юрий Иваск

ТАСКО

И гроб опущен уж в могилу . . .
. . . .
А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей.
Тютчев.

Остановились автокары,
Ослы, тележки, пешеходы
Торжественные лица
Фотографа, шофера, прачки
И даже уличных мальчишек.
Блеснувшие зарницы
В раскрытых широко глазах.

Плечами подпираем
Колышется дощатый ящик
У почерневшего портала
Барочной розоватой церкви,
Украшенной курчавой лепкой :
Тиары, херувимы, нимбы,
Орнаментальный виноград.

Явился сморщенный священник —
Откашлялся и зазвучали
Все плавные, все носовые
Его бормочущей латыни.
Не разберу скороговорки,
А все же драгоценный мрамор —
Раздробленный, в осколках, Рим.

Юрий Иваск

Пусть
        пасть
                разинула могила

Внизу, на кладбище, у пальмы —
Еще победу торжествует
    Лазоревое небо
И древний ужас угасает.
Движение возобновилось :
За автокарами — ослы.

1964

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

(США)

МАВРИТАНСКАЯ ИСПАНИЯ

В горячий глаз арабского коня
Несло песком, и африканский ветер
Клубился гривой темного огня
И возвещал Коран о Магомете.
И бушевал бурнус. И за спиной
Еще гудел пожар Александрии,
По деревням шатался бурый зной
И хитрым маврам замки покорились.
Еще трубит военная игра,
Военный клич еще взывает резко,
А по лицу восточного ковра
Уже бегут, играя, арабески.
Уже склонясь над шахматной доской
Халиф мечтает о Шахерезаде,
И ночь приходит с душною тоской,
С цветком в зубах и искоркой во взгляде.
И, глянув на хребты далеких гор,
На синие вершины в позолоте,
Свои фигуры чертит Пифагор
И по-арабски пишет Аристотель.

Олег Ильинский

Подернут мутью темный глаз коня,
Поблек разбег крутой арабской вязи,
Библиотеку свитков схороня
Уснул песком засыпанный оазис.
И только мавританская струна
Еще гудит мелодией забытой,
Да носит в теле смуглая страна
Старинный след арабского копыта.

1964

Олег Ильинский

РОЗА

Н. А. И.

Соседство розы с серебром :
В кофейнике двоятся листья
И облака. А дальний гром
Нахмурил брови, как завистник.
И если громовой удар
На стекла ринется ознобом,
И яблок золотой загар
Поблекнет в пасмурной столовой,
И зазвенит в шкафу хрусталь,
И мы оглянемся в тревоге,
А дождь в саду пойдет свистать
В сырых кустах, ломая ноги

— Дом встанет прочно, как ковчег,
И круглый стол, и эта скатерть
При каждом громовом раскате
Ответят в ласковом ключе.
В семейном блеске серебра
И в бархатном покое розы
Треск гальванической угрозы
Померкнет, схлынув со двора.
Все окна настежь. Над столом
Скользят смеющиеся тени,
А роза рдеющим челом
Глядит в серебряный кофейник.

1964

ДЕРЕВЬЯ

Там, где лестницы рвутся на волю,
Забывая калитку закрыть,
Где дупло, как окно слуховое,
Ловит ухом веселую прыть
Шустрых птиц, озабоченных стройкой
Без бетона и без чертежа,
Где от тополя пахнет настойкой
И ольха прозябает дрожа ;
Где входя сквозь проломы забора,
Застревая в пролете окна,
Черной тушью по синему город
Властно пишет свои письмена,
Где душистой и остренькой стрелкой
Раскрывается почка, дыша

— Там скользит серебристою белкой,
Растекаясь по древу, душа.

1964

Олег Ильинский

ИЗ ОКОН

Крахмал белоснежных салфеток
И синий огонь на ноже ;
А в стеклах — огромное лето
На жарком лесном рубеже.
Я глетчер тяну из стакана,
У губ водопады висят ;
На горный массив наступая
К столу подползают леса.
И бабочка мечется сонно,
И, с крыльев сбивая пыльцу,
Вплывает в стекло пансиона
Едва не вплотную к лицу.
И глядя в окно через город
В последнем отвесном луче
Я вижу лиловую гору
С грозой на отлогом плече.

1963

Олег Ильинский

ДОРОГИ

Она цветы держала на коленях,
Рука была в коротком рукаве ;
Паслись велосипеды, как олени
Под старым деревом на солнечной траве.
По горному шоссе, в бегущих листьях кроясь,
По хвойной просеке, по золотой тропе
Катил велосипед в студенческую повесть,
В двойную молодость катил велосипед.
Веселая девчонка, непоседа,
Я вдруг задумаюсь и оглянусь
На шорох твоего велосипеда,
И локтя золотистого коснусь.

1963

СТАЛАКТИТЫ

Орган живой воды, слепые сталактиты,
Сквозная музыка слезящихся пород —
Насыщенная влага тяготит их,
Со свода падает и нарастает в грот.
Круг мертвых городов, замолкших водопадов,
С уступа на уступ плывет под потолок.
Застывшую архитектуру ада
Подернул темный гриб и слизью обволок.
В подземном озере на дне блестят монеты —
Холодная вода на память их возьмет !
И медленно текут скупые пятна света
По каменным губам оплывших квазимод.

1963

Олег Ильинский

ОСТРОВ

Там бухта, как ломоть арбуза,
Там волны на камне кипят,
Там в светлое тело медузы
Вошел океанский закат.
Там дно выступает рябое,
Там колья сквозь сети торчат,
Там бревна выносит прибоем,
И их пожирает очаг.
Там дым поднимается синий,
И вечер теплее вдвойне
С янтарным закатом в камине
И с красным закатом в вине.
Построен приют китобоя
На остове рыбы-пилы ;
А брюхо воды голубое
Распорото зубом скалы.

1964

Олег Ильинский

ДАНЬ КЛАССИЦИЗМУ

Дневные спутники моих ночей бессонных —
Мир темный Тютчева и юный мир Бергсона,
Дриады легкие вдоль речек и опушек
Меня к себе манят, чтоб тайны их подслушать.
Но я разумней стал, на сутки стал трезвее —
Скептическим пером все тайны я развею.
Примерный ученик, я вновь сажусь за парту,
Чтоб заново учить стальной язык Декарта.
На волю случая пущу стихи в разведку,
Как пули в дряхлый дуб они вопьются метко
В круженье призраков, в туманы над болотом,
В пятнистые круги от лунной позолоты.
Все движется в кругах, все слито мертвой сваркой :
Ронсар аукнется — откликнется Декартом,
Проснется Ориген, разбудет Эригену,
А кольца на коре пометят перемену.
Монады Лейбница пойдут гулять по кругу
И будут издали слегка кивать друг другу.
Я бросил камень в пруд и пруд пошел кругами,
В нем месяц замигал пугливыми рогами.
Извольте мне простить наивности буколик :
Сегодня классик я, как был Гюго католик.
Сегодня я столкнул Декарта с Феокритом,
Ронсару показал, что мы пожалуй квиты,
И в прорезях листвы заметив брызги влаги,
Я нимфу искупал, не пожалев бумаги.

Но шутки в сторону — я их уже оставил —
Причешем космосы железным гребнем правил,
Долой неясности — они источник пыли,
На геометрии отточим кончик стиля.
Потом забудем все и пустим наудачу :
Любезный критик мой, ведь я тебя дурачу.
Ты к Шеллингу привык, а я к тебе с Эвклидом,
Не морщи умный лоб, не место здесь обидам.
Ты спросишь, для чего наплел я слов пустых —
Хотелось подразнить александрийский стих.

1965

ВЛАДИМИР ИЛЬЯШЕНКО
(США)

ЗА ПРЕДЕЛАМИ

Переполнена чаша, склонились весы :
Жить осталось не годы, быть может — часы

И нащупан ногой самый жуткий порог,
За которым ничто или что ? Или — Бог ?

В двадцать пять, в пятьдесят или в семьдесят лет
На зловещий вопрос недоступен ответ,

Но бессмертному чувству возможно найти
В безысходном к исходу живые пути

И любви неизбывной надежным ключом
К неизвестному дверь мы с тобой отомкнем,

И в огромном саду, иль на темном пруду,
Где я прежней тебя никогда не найду,

Наши тени сольются в нездешнюю плоть,
Чтобы Время с Пространством навек побороть.

1965

МИРТАЛА КАРДИНАЛОВСКАЯ
(США)

⁂

Ты ищешь ? —
Я тоже
ищу.
Подержим
друг другу
свечу.
Его
ты искал
на юге,
А я —
в приполярной
вьюге,
У севера
синих
льдин
Ответ
искала
один.

Не важно,
какая
страна —
Ведь правда
для нас —
одна ;

Миртала Кардиналовская

Мы ищем
 одно
 и то же :
Все правды
 о жизни
 похожи.

В каких-нибудь
 дальних
 странах,
На солнечных
 меридианах,
Мы встретимся —
 ты
 и я,
и правда —
 твоя
 и моя.

*
**

Как жаль, что слишком редко
нам в жизни суждено
взглянуть на мир без сетки,
в открытое окно.

Пройдет туман, и что же ?
увидишь ты на миг,
что люди все похожи,
нет « ты » и « я » — есть « мы » ;

И плещется большое,
рожденное огнем,
людей живое море,
а ты — лишь капля в нем.

***

Подойду взглянуть вблизи,
как проснулось жалюзи :
дню в лицо зевнув широко,
в полусне вздохнув глубоко,
вдруг разжало свои ребра ;
и тотчас же, словно зебра,
стал тенистый потолок.
Тут в укромный уголок
забралась подальше тень,
чтоб ее не тронул день,
чтобы луч его косой
не изрезал полосой.
А когда в окно опять
день уйдет, чтоб ночь поспать,
выйдет тень из уголка —
вновь хозяйка потолка.

⁂

Сыну Юрику.

Что же я ему подарю
к дню рождения, к ноябрю ?

Разве я подарить смогу
тени синие на снегу ?

Или волны на море зыбком ?
Или месяца в небе улыбку ?

Разве я могу подарить
первый луч весенней зари ?

Или ветра прикосновенье ?
Или ранний иней осенний ?

Я в тот день ему просто скажу,
что стихи для него сложу,

В тех стихах и снег и зарю
лишь ему одному подарю.

Миртала Кардиналовская

***

Вас три :
который
хуже ?
Какой
из трех
ненужен ?
Завтра,
вчера,
сегодня ? —
Не праздники,
просто
будни.

Вчера —
на память
оставлю ;
Сегодня —
немного
подправлю,
Вчерашнюю
сдуну
пыль,
Чтоб день
поновее
был.

Миртала Кардиналовская

А завтра —
конечно,
нужно !

Вчера
и сегодня
дружно
Свой опыт
ему
подарят,
Чтоб был,
как праздник,
в ударе.

Выходит —
нету
дней,
Которые б
можно
мне
Без жалости,
за
окошко :
День всякий
нужен
немножко !

ВЛАДИМИР КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ

(США)

***

Когда окно в саду тревожном
Взойдет, как дальняя звезда,
И сад в порыве невозможном
Все ветви выплеснет, — когда,

Как сердце ночи, лист огромный
Прильнет к туманному стеклу,
И осень в грусти вероломной
Пилой ударит по стволу, —

И задыхаясь, птица стонет
И умирает на лету,
А буря беспощадно гонит
Ее в такую высоту,

Где нет падений иль снижений,
Где падать некуда, — и вот,
Смотри, — от долгих поражений
Лишь этот остается взлет.

*
**

Ночь поздняя черным черна,
По стеклам в ночь ручьи стекают,
Деревья в проруби окна
Как руки длинные мелькают.

В саду потоп. Бурлит вода,
Цветы всплывают вверх корнями,
Дрожащий ветер иногда
В дом пробирается тенями.

Входите запросто, мой друг, —
Как встарь со мною помолчите,
О криво стоптанный каблук
Потухшей трубкой постучите.

Послушных слов не находя,
Взъерошьте волосы густые,
И шум дождя, и шум дождя
Заменит нам слова пустые.

Давайте слушать дальний гром
И плеск и лепет, и журчанье, —
Так распадается наш дом,
И долго плачет на прощанье.

*
**

Не знаю, ласточки иль ноты
На телеграфных проводах, —
Вот-вот смычком их тронет кто-то
Еще затерянный в садах.

Быть может ветер, тень быть может,
Быть может осторожный сон,
Но в час вечерний выйдет он
И вздох на музыку положит.

Ты будешь слушать, — потому
Что все теперь неповторимо,
Что ночь сама уже незримо,
Листы разметила ему.

⁂

Письмо, которое не скоро
Еще напишется, — строка
В тонах минора иль мажора
Зовущая издалека,
Иль просто ветра суматоха,
Гул набегающей грозы, —
Предчувствие большого вздоха,
Предчувствие большой слезы —
Конверт обычного формата
Без марок и без штемпелей,
Письмо откуда-то, куда-то,
Для всех Изольд и Лорелей,
Для всех Офелий иль видений
Терзающих тебя во сне, —
Жестокий перечень падений
В несуществующей стране.

*
**

Ты болен, болен. Этот сон
Неясный, ни о чем, и все же
О чем-то, что всего дороже, —
Не сон, но призраки имен,
Колеблемые ветром лица,
Предчувствие настороже,
Пустая мертвая страница,
Но оживленная уже
Пера одним прикосновеньем
В туманных поисках штриха,
Возможным трепетом стиха,
Возможным бури дуновеньем,
Возможной сердца глубиной,
Души движеньем осторожным, —
Одним признаньем невозможным, —
О, Боже мой, — одной, одной,
Одной слезой, что не упала,
Но промелькнула в стороне,
И высохла, и камнем стала,
Сметающим тебя во сне.

Владимир Корвин-Пиотровский

А. Н. Кожиной

Под топот беспокойных ног
Выходят скрипки на арену, —
Прелюдия или пролог,
Подготовлящий измену.

— Оле, оле ! — Поджарый бык,
Как контрабас, копытом роет,
Пузырчатая пена кроет
Его изжеванный язык.

И точно соблюдая меру,
Усердно пляшет дирижер, —
Кармен глядит, глядит в упор
На золотистого торреро.

Здесь смерть уже на волосок, —
Как эти флейты загрустили,
Как эти плечи отпустили
Ознобом тронутый платок !

— Оле, оле, — Не все ль равно, —
Два сердца связаны до боли,
Им в каждой музыке дано
Встречать друг друга против воли . . .

А сад мучительно поет,
Деревья обратились в звуки, —
— Я ранен, милая, — и вот —
Все скрипки подымают руки.

Налево, направо — шагай без разбора,
Столетья считай находу, —
Сирень наступает на башни Самбора,
Ночь музыкой бродит в саду.

Ты призраком бредишь, ты именем болен,
Парчей откидных рукавов,
Серебряной шпорой иль тем, что не волен
Бежать от любви и стихов.

Как дробь барабана на гулком паркете
В камнях самоцветных каблук, —
Мазурка до хрипа, до смерти, и эти
Признанья летающих рук —

Не надо, не надо, — я знаю заране —
Измена в аллее пустой, —
Струя иль змея в говорливом фонтане
Блестит чешуей золотой.

Ночь музыкой душит, — и флейты и трубы,
В две скрипки поют соловьи,
Дай сердце, Марина, дай жаркие губы,
Дай легкие руки твои.

Сад гибелью дышет, — не даром мне снится
Под бархатной маской змея, —
Марина, Марина, Марина, царица,
Марина, царица моя —

Владимир Корвин-Пиотровский

⁂

Над Росью, над моей рекой,
Где розовые скалы в воду
Как в зеркало, — еще такой —
С разгона головой в свободу, —

Веслом натруженным гребя,
В дырявой лодке плоскодонной,
В одну тебя, в одну тебя
В одну тебя еще влюбленный,

Переплывая синеву,
Лазурь опущенного взгляда,
В Александрийскую листву,
В ветвистую прохладу сада.

По старай Гетманской в зарю,
К таинственной звезде Полярной,
К мечтательному фонарю,
К наклонной каланче пожарной,

К годам, где старая печаль
Персидской поросла сиренью, —
На миг, на миг один причаль
Взволнованной счастливой тенью —

Над Белой Церковью луна, —
И льется легкая истома
На труп зарезанного сна,
На мусор нежилого дома

На милые твои черты, —
И вновь, в движеньи поворотном,
Луна спокойно с высоты
В прозрачном воздухе дремотном —

Владимир Корвин-Пиотровский

Для последнего парада,
Накреня высокий борт,
Резвый крейсер из Кронштадта
Входит в незнакомый порт.

И с чужой землей прощаясь,
К дальним странствиям готов,
Легкий гроб плывет, качаясь,
Меж опущенных голов.

Правы были иль неправы,
Флаг приспущен над кормой,
С малой горстью русской славы
Крейсер повернул домой.

Брызжет радостная пена,
Высота и глубина,
Лишь прощальная сирена
В синем воздухе слышна.

Час желанного возврата
(Сколько звезд и сколько стран !),
В узком горле Каттегата
Северный залег туман.

И до Финского залива
Сквозь балтийский дождь и тьму
Бьет волна неторопливо
В молчаливую корму.

И встают, проходят мимо
В беглой вспышке маяка
Берега и пятна дыма,
Острова и облака.

АЛЕКСАНДР КОРОНА
(США)

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

1

На правом углу — аптека,
На левом углу — пивная,
На площади старая церковь,
Горбатая и хромая.

У двери церковной — нищий,
Воплотивший немую скуку,
Худой и одноглазый,
Стоит, протянувши руку.

В церковь ходит немного
Народу : старухи слепые,
Старики, опираясь на палки,
Слезливые и глухие.

В этой церкви когда-то
Младенцами их крестили,
В хромой и горбатой церкви
Когда-то их поженили.

И тогда, у двери церковной,
Воплощая немую скуку,
Такой же убогий нищий,
Стоял, протянувши руку.

2

В доме тихо, торжественно, скучно,
Даже кошка зевает от скуки.
На диване тряпичная кукла
Спит, раскинув тряпичные руки.
Из швейцарских часов кукушка
Каждый час, раскрывая окошко,
Вылетает и быстро кукует,
Ошибаясь в счете немножко :
Вместо трех — откукует два раза,
В пять часов прокукует лишь раз.
Ведь хозяйка, глухая, не слышит,
Не считает, который час.

Александр Корона

⁂

Город разрушен, города нет.
Строили город тысячу лет.
Тысяча лет — в одно мгновенье
Предана гибели, — испепеленью.
Как труп разложившийся, город лежит,
Упавши на землю, на твердый гранит.
И в мертвенном, хладном, глубоком молчанье
Его распростерты недвижные длани.
Кто гибели страшной город обрек ?
Кто разрушенью назначил срок ?
Все в миг снесено, и города нет,
А городу было тысяча лет.

ПЕРСИЯ

Там в полдень знойный виноград
На лозах тонких, в листьях, зреет
И на камнях горячих змеи
С открытыми глазами спят.
И зреет медленно гранат,
Сладчайшим наливаясь соком,
Под солнцем золотым Востока,
В магическом, блаженном сне,
В полудня знойной тишине.

В полудня зной звенят цикады
И зреет медленно гранат.
Сквозь кружева резной ограды
Влетает знойный ветер в сад.
В горячий полдень розы дремлют
В благоуханной тишине,
Журчанью вод прозрачных внемлют,
Качаясь в легком полусне.
Сад кажется волшебным садом,
Завороженным летним днем.
Быть может здесь Шехерезада
Впервые встретилась с царем.

⁂

Зрей, виноград,
в кистях тяжелых,
На лозах,
в листьях вырезных
Для пиршеств
радостных, веселых
Для винных чаш,
чаш круговых.
Пьянящей влаги
сок игривый,
Впитав блеск
солнца золотой,
Весельем опьяни
счастливых,
Несчастных —
утоли тоской.

Александр Корона

АДАМ И ЕВА

Жизнь шла монотонно
В райских садах,
Вчера и сегодня
Все в тех же тонах.
И утро то же
И вечера,
Все те же, все те же,
Что были вчера...
В раю было скучно.
Скучал Адам,
Скучал от безделья
По целым дням.
Скучала Ева
Еще сильней.
Под древом познанья
Дремал сонный змей.
Лежал неподвижно,
Как пес цепной,
И тоже скучал он
Весь день-деньской...
А дальше все знают
Сказанье о том,
Что с ними случилось
В раю потом.
Ветхая древность,
Ветхий завет.
К райским вратам
Утерян был след.

Александр Корона

И если порой
На земле скучно нам,
В нас просыпается
Древний Адам :
И утро, и полдень,
И вечера —
Все те же, все те же,
Что были вчера . . .

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА

(США)

МАТЬ

I

От медных зерен урожая,
От пьяных винным соком ос
Она идет, слегка чужая,
Средь шитых молдаванских роз.

С ней ореол степей пустынных
И пыль тропинок меловых,
И за усадьбой отблеск дынных
Степных сияний заревых.

Она со мной, сквозной и зыбкой,
Как отраженная луна,
Давно исчезнувшей улыбкой
Мне отоснившегося сна.

II

Кто описал мне волны хлеба
И бессарабские поля,
Глухую станцию и небо,
С которым встретилась земля ?

Кто мне сказал про эти слезы
И краски скифские зари
За той стеной, где прячут лозы
Тяжелых ягод янтари,

Про этот взор, степной и зоркий,
Где белый камень у вербы,
Где зеленью арбузной корки
Грузили девушки арбы ?

МУЗА

О, где они — лимонные леса,
Воздушных арф серебряные стоны,
Цвет олеандра в душных волосах
Моей Миньоны ?

На перекрестках огненных дорог
Изнемогают пыльные агавы.
Куда ведут следы невинных ног
И лепет славы ?

« Постелью нам ласкающие мхи
И папоротник пышнолистный будут . . . »
О, девочка ! Тебе одной стихи
Моих прелюдий.

Скитались мы по выжженным путям,
У всех дверей протягивая бубен,
И ты училась, сладостно грустя,
Меня голубить . . .

*
**

Приснилось мне — мы были на луне
Среди камней кольцеобразно-белых,
И плавал свет по замершей волне,
И плавал свет по гребням омертвелым.

Казалось мне — здесь жили рыбаки
И умерли, и вот теперь — могилы...
Но вдруг прикосновение руки
И голос твой, неповторимо милый.

« О, посмотри на этот ржавый скреп,
Потом подумай, как они любили,
И мы теперь пришли на этот склеп,
Где некогда меня похоронили.

Но ты тогда не диким волчецом,
А зеленью остроконечной лавра
Венчала горделивое лицо
Под золотое пение литавров ».

Галина Кузнецова

*
**

Осенили детство
Дикие травы,
Над валами встали
Лаврские главы.

Сирень да акатник
Глушат скамейки,
Что глядишь, монашек
В черной скуфейке ?

Гонят лес плотами
Из Заднепровья
И тополя пахнут
Первой любовью . . .

⁂

Сердце спит на полудетском ложе,
Сердце спит и счастливо во сне,
Но уже двоится тише, строже,
Чей-то образ рядом на стене.

О, проснись ! Не ведаешь, не слышишь,
Слишком долгий взор в тебя проник.
Вот живешь, вот радуешься, дышишь,
А в тебе растет, как месяц, лик,

Неотступно ждет и тихо знает, —
Были предвещания судьбе, —
Скоро странным светом просияет
Некогда бесцветное в тебе.

Она одна в наивной нише,
Среди разметанных камней,
И ветер улицы колышет
Цепь четок на руке у Ней.

Вокруг Нее светло и голо,
На небе липы спят окрест.
С нагого страшного престола
Истерзанный склонился крест . . .

Она слыхала вой сирены,
Снарядов вой, разрывы бомб,
Вокруг Нее упали стены,
Ее поруган тихий Дом.

У ног Ее неугасимо
Пылает рощица свечей.
Она все также просит Сына
Равно за жертв и палачей . . .

Галина Кузнецова

ОСЕНЬ

I

Что в дне осеннем, ослепительном,
Так окрыляет и волнует ?
В касаньи воздуха медлительном
Почти упругость поцелуя.

Какая музыка беспечности
В усмешке мраморного Пана,
Какой веселый вызов вечности
В блестящей кожице каштана . . .

II

Ветер листья швыряет горстью,
Потемнела, съежилась высь,
Стало солнце случайным гостем,
Стала звонче конская рысь . . .

Стали ночи, как темный омут.
В пелене тоскливого сна
Быль подобна древнему грому,
Расщепившему жизнь до дна.

Галина Кузнецова

ЭНЦИАНЫ

Пустынно-пепельный, надменно-гордый вал,
В полосках тающего снега,
Последний склон зеленый осенял,
Где раскрывались их побеги.

Они рожденье грозной высоты,
Сухого солнца, страшной силы света —
Сапфирами горящие цветы
Альпийского заоблачного лета.

ГИЗЕЛЛА ЛАХМАН

(США)

***

Я слышу, как растет трава
Во время сна под снегом талым,
Как нерожденные слова
Спят под туманным покрывалом.

Вот шелохнулся первый слог
И, как дитя своей ручонкой,
Сквозь дрему потянуться мог
За погремушкой — рифмой звонкой.

Он будет крепнуть и расти,
И станет настоящим словом.
Игрушку бросит на пути
Для слов живых в звучаньи новом.

Поймаю ли в стихах моих,
На дудочке простой играя,
Меж разных шелестов других
Волшебный звук, нездешний стих,
Полузабытый отзвук рая ?

Гизелла Лахман

ТЕРЦИНЫ

Минувших лет классический размер
Мне нравится — хочу писать терцины.
Пусть сердится новатор изувер.

Мне грезятся далекие вершины,
Где говорят о вечности снега,
И дно морей — глубокие пучины,

Где спят еще напевы — жемчуга.
Низать из них я буду ожерелья,
Я — слов живых задумчивый слуга.

Все претворить ! В созвучьях вижу цель я,
И, может быть, беспечные часы
Блаженного и мнимого безделья

Зачтутся мне и лягут на весы.

Гизелла Лахман

⁂

В толпе, среди людского гула,
У древнегреческих колонн
Я на него едва взглянула,
Кивком ответив на поклон.

Но мы втроем — я это помню —
К заливу медленно пошли
Осматривать каменоломню :
Обломки мрамора в пыли.

Мне мужем, кажется, был третий . . .
Все расскажу я — до конца.
Я видела в закатном свете
Руины белого дворца

И слышала : « О, вспомни, вспомни,
Кем ты была ! Он жив, наш час !
Там — вместо глыб каменоломни —
Ступени мраморных террас.
Уйдем туда — в туман столетий,
Под своды нашего дворца . . . »

Не знаю, где остался третий,
Не помню я его лица.

Гизелла Лахман

⁂

Корабль отчалил на рассвете...
Где ветер рвал рыбачьи сети,
Качая брошенный челнок,
Я села на сырой песок.
Я верила, как верят дети,
Что силой веры я могу
На одиноком берегу
Найти в песках тысячелетий
Песчинку времени — Вчера.

А небо плакало с утра...

ИРАИДА ЛЕГКАЯ
(США)

ЛЕТО

I

Ветер крылья в реке обмакнул
Брызнул каплями прямо на солнце
Человечью погладил спину
Что прошла
недовольной и сонной
А потом
он по крышам гулял
И с бельем отчаянно дрался
В нем запутался
с крыши упал
Испугался
но не сломался

II

Насмотрелась в окно
по горло
Наглоталась летнего вечера
В парке
на зеленой горке
Дети
как птицы
мечутся

Бледнеет белье на веревке
Белью приятно и страшно
Нынче лето
робко и неловко
Целовало плечи рубашек

*
**

Электрической лампой
Взорвана мгла
Под кровать отступила
Под комод легла

Успокоилась тенью
По своим местам
Но это смиренье
Не спроста

Электрической лампе
Не долог срок
Щелкает выключатель
Как курок

И царствует ночь
Темным-темна
До четырех утра

***

С ветром заодно
Веселая
рыжая
Рву полотно
Снежное лыжами
Ветер вослед
Снег навстречу
Тридцать лет
Белят и лечат

Белят и лечат
Тридцать лет
Снег навстречу
Ветер вослед
Снежное лыжами
Рву полотно
Веселая
рыжая
С ветром заодно

***

Через море бед
Через горе вод
Выход
один
развод
И хожу
безбраслетная
И хожу
безколечная
Такая свободная
Такая ничья
Иногда
печальная
Иногда
безпечная
Сама своя

⁂

Этот город фонтанов
И веселой воды
Завтра встану рано
Поднимусь как дым
Потянусь над парком
Покачаюсь на ветках
Завтра будет жарко
Уже не весна
                    а лето
Уже не весна
                    а все же
Ловлю глазами и кожей
Всех на тебя похожих

И нет на тебя похожих

*
* *

Признаюсь
не люблю я разума
Ни чистого и ни грязного
Нравится мне
разное
Неуместное
несуразное
Если болезнь так заразная
Если место
нелестное
Невоспетое
непролазное

⁂

Я брожу среди твоих улыбок
(есть и у шипов цветы)
Страшно оступиться по ошибке
Вдруг упасть
                и вдруг не схватишь ты
Ветер удивления и страха
Треплет волосами непокрытыми
Холодно от ветра
                Ахают
Дамы над стихами и открытками
Песнями и сплетнями
                Заранее
Превращая жизнь в воспоминания

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОЛХВОВ

Картина Сассеты

Насущней воды и хлеба
Приятней чем дом и дела
Дорога волхвов древняя
Раскаленная до бела

По небу треснуто-синему
Птицы
(шесть или пять)
Такая простая линия
Что глаз не оторвать

А чистым сердцем и детям
На желтой скале справа
Иглы звездного света
Золотая колючая слава

Д. МАГУЛА
(США)

ГОЛГОФА
(Квартина)

Был день. Измученное тело
Еще томилось на Кресте,
И небо страшное темнело
На омраченной высоте.

Тонул в небесной высоте
Молящий взор... Слабело тело
И перед смертью на Кресте
Сознанье гасло и темнело.

Струилась кровь. В глазах темнело.
Душа стремилась к высоте,
Но умирающее тело
Еще дышало на Кресте.

Распятый умер на Кресте.
Тряслась земля... Кругом темнело.
Лишь голубь реял в высоте,
И в сумраке белело тело.

Д. Магула

ПАСТУХ

По горным пастбищам иду,
Овец послушных оберегая,
И вижу синих гор гряду...
А там, за нею, видна другая.
Вчера в горах промчался шторм;
Сухие травы омыла влага,
И стадо щиплет скудный корм
В скалистых щелях на дне оврага.
Отару посохом гоню,
Чтоб овцы на ночь могли укрыться:
Они, спеша, бегут к плетню,
И только дробно стучат копытца...
Тесней овца к овце легла
И, греясь, рада теплу ночлега;
А ночь уже звезду зажгла,
И в небе реют пушинки снега.
Ночую здесь... Я к рубежу
Людских селений, где я был молод,
Лишь поневоле подхожу,
Когда мне нечем унять свой голод;
Да каждый год, когда зимой
Приходит время суровой стуже,
Я увожу овец домой,
Где мир мой снова темней и уже.
А здесь, сметая с трав росу,
На склонах горных, крутых и строгих
Я счастлив сердцем, что пасу
Своих питомиц четвероногих,

Д. Магула

И радуюсь, что я не там,
Где яд сомнений был мной изведан,
Где знал любовь я, верил снам
И где был пытке когда-то предан...
Проходит все. Утихла боль,
И к прошлой жизни я безучастен:
Некоронованный король,
Над целым царством сейчас я властен!
И королем я здесь умру,
Укрытый старым своим тулупом,
А овцы рано поутру
В тревоге будут стоять над трупом...

Д. Магула

⁂

El alma ... puede besar con la mirada.
G. Becquer.

Чтоб наш порыв понятен стал другим,
Как много слов мы тратим попустому :
Пусть речь подобна звону золотому, —
Но ею мы сердец не соблазним !

От сердца к сердцу путь заказан слову...
Лишь взор владеет силой тайных чар :
Душа сама себя приносит в дар
Другой душе, и та ответит зову.

Холодными словами не колдуй :
Их не согреть бессильными слезами...
Душа всего не скажет вам словами,
Но может взглядом дать свой поцелуй !

Д. Магула

ИСТИНА

В Са́исе древнем, в Египте, был храм, посвященный Изиде,
Древней царице богинь, мудрой богине Земли.
В храме стояло ее изваянье из черного камня . . .
Только из смертных никто видеть Изиды не мог :
В сумраке тихого храма молились ей люди, но вечно
Плотной завесой была скрыта богиня от глаз.
Смертные видеть не смели, кому воссылали молитвы :
Складками ткани была Истина скрыта сама.
Надпись над складками падавшей сверху до низу завесы
Тайну богини храня, в кратких гласила словах :
« Я — это то же, что некогда было, что есть и пребудет;
Смертный завесы моей не поднимал никогда ! »

. . . .

В Са́исе древнем от храма Изиды с тех пор не осталось
Камня на камне давно : все колоннады и храм —
Все превратило в обломки бесстрастное вечное время,
Нет изваянья, истлел полог, скрывавший его . . .
Умерли люди, о благах богиню молившие, умер
Древний таинственный культ, смолкли молитвы жрецов.
Новые боги сменили отживших и умерли сами . . .
Дым от кадильниц летел вместе с мольбами к ним :
Те же, что прежде, молитвы шептали им новые люди —
Каждый о горе своем, каждый о счастье своем . . .
Но ни один из богов не приподнял и края завесы,
Тайны покрова не снял с Истины, скрытой от глаз :

Д. Магула

Люди, как прежде, не знают, что было за плотным покровом...
Память о тайне былой свято преданье хранит :
« Я — это то же, что некогда было, что есть и пребудет ;
Смертный завесы моей не поднимал никогда ! »

ВИКТОР МАМЧЕНКО

(Франция)

СМЕРТЬ ТОПОЛЕЙ

Больные тополи Парижа
На тротуаре — как в бреду,
В угаре, листьями колыша,
Они на родину бредут.

И потрясает дымный грохот
Их тополиную тоску,
В которой слышен речки рокот,
Несущей солнце по песку.

Квартальный ветер неумелый,
Пройдя предутренней волной,
Тревожно пух роняет белый
Над звонкокаменной землей.

Над крышами поток весенний
Прохладой розовой летит,
Как чудный сон стихотворений,
Еще не павший на гранит.

Виктор Мамченко

ЗИМНИЕ ЯМБЫ

Весь день тот был как счастье в тихом слоге :
Зеленый свет простерся далеко,
Сжимала руку жарко и легко
Весна моя, веселая в дороге,
Чтоб всё неистовым казалось мне,
Как власть любви в невероятном сне.

И тихо бились в паутинке света
Глаза ее, бесстрашные в себе,
И не казалось мне — в такой судьбе, —
Что все пройдет, как полыханье лета,
Как осени угрюмые дожди,
Чтоб вдруг зимой проснуться от « Не жди ! »

Был праведный от часа и до часа
Тот день свободы — вечности часов.
Мерцала стрелка золотых весов
В руках любви, как солнечная масса.
Ах, жаждой полная весна моя,
Куда же ты . . . Так жаждой напоя !

Стоит зима у моего порога,
А ночь тиха, а ночь совсем не спит,
Как тот замученный бессонницей пиит,
Что смотрит в ночь, и не находит слога
Для трудной вечности любви своей
Средь Елисейских розовых полей.

ЛЮБОВЬ

Сколько радости было от снега,
Он всю ночь будто шелком шуршал ;
За окном моим тропкою бега
Узкий след, как от серны, лежал.

Был любим ею я до рассвета,
Время мчалось дорогой земной,
И дышала она, будто Лета,
Легкокрылой бедою и мной.

Как же так — вдруг бежит, убежала,
Тяжкой дверью прикрыла себя,
А рассвет, без конца и начала,
Леденеет, беглянкой слепя.

Виктор Мамченко

LA COTE D'AZUR

Рыбак ушел в нехожую погоду —
Чтоб море было без луны и звезд, —
Приморскому покорен небосводу,
И ничего, что ветер бьется вхлест —
Мистралем бьется, парусом играет,
И чайка в море — будто умирает.

Его жена, на каменистом пляже,
Как будто не плетет, а вяжет
Худую сеть, разодранную бурей.
Сейчас ее дитя, играя, ляжет
И на сетях спокойно вдруг уснет.
Стрижей косых неистовый полет
Сшибается под крышею понурой.

Поет рыбачка песенку простую,
Следя за парусом, белеющим волной.
Но вот и ночь. И вновь тугую тую
Терзает ветер за ее спиной.
На западе — пожарище заката, —
Природы чудной ветренная плата.

К тугой груди прижав дитя, рыбачка
Идет к соседке — душу отвести :
Какая ночью в море рыбьем качка,
Как трудно прорвы в неводе сплести,
Как рыбу надо во-время продать,
И с мужем в море жить и умирать . . .

Виктор Мамченко

Над хо́лмами приморскими светло
Звезда вечерняя пропала в туче.
Сгребает ветер страшною метлой
Кипенье волн, взлетающих все круче,
И темная рыбачка смотрит в море
И, как влюбленная, не верит в горе.

Пришел рыбак под утро. Парус влажный
Он крепко с мачтой шкотами связал.
С уловом он — как если б счастье взял.
Умчался вдаль куда-то ветер страшный.
Он в дом вошел, и сонную улыбку
Жены схватил как золотую рыбку.

Виктор Мамченко

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАЛЬЧИК

« Под небом Парижа —
случайные встречи »
играл на гармошке
тот юнга в порту.
И темные очи,
и детские плечи
казались под солнцем
в любовном поту.
Вокруг нас теснились
и шхуны, и лайбы,
и полдень Туниса
дремотно дышал,
и якорь огромный
тяжелые лапы
раскинул на пирсе
и шхуну держал.
Пустынно и море,
и порт был безлюдный,
мальчишка играл
и смотрел на меня,
и час был высокий,
безоблачно трудный,
и солнце мерцало,
всем миром звеня.
Там Индия где-то,
а там — Заполярье . . .
Куда же идти нам
в тугих парусах ?
А юнга вдруг вспомнил
о плачущей Марье,
припал вновь к гармошке,
под солнцем в слезах !

ВЛАДИМИР МАРКОВ
(США)

ПОЭМА ПРО АД И РАЙ *)

За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.
Лермонтов.

Часы холодной смерти
Когда-нибудь пробьют,
Придут за мною черти
И в ад поволокут.

И я вознегодую :
Ненужная возня !
Охотно сам пойду я —
Зачем тащить меня ?

Так, миновав дебаты,
С чертями я на ты ;
Хорошие ребята,
Мохнатые хвосты.

Идем походкой бравой
В нездешние места,
И вижу вдруг — направо
Большие ворота.

---

*) Слегка измененная и сокращенная автором первая часть Поэмы без названия, напечатанной в « Опытах » № 4, 1955.

Владимир Марков

Там крины — чудо просто !
Струится смирна ввысь,
Порхают алконосты
И надпись — Парадиз.

Мелькнет в уме идея,
И я скажу чертям,
Что очень должен де я
Пройти к тем воротам.

« Их к раям тянет вечно, —
Усышу от чертей, —
Мы этих человечьих
В толк не возьмем затей.

Ад сплетня зашипела —
А там знакомый люд :
И млеют от Шопена,
И деньги в банк кладут.

Никто там и не знает
О муках за грехи,
Там даже сочиняют
Хорошие стихи.

А вечность всеблагая —
К чему тебе она ? »
Но за ограду рая
Душа устремлена.

Пожмут они плечами :
« Ты знаешь, bien rira... »
И вот я пред очами
Апостола Петра.

Как фреска из придела :
Хитон, ключ, борода.
« Кто ты,
где был,
что делал,
Зачем пришел сюда ? »

— Ответить тут не просто,
Ведь даже Абеляр . . .
Но перебьет апостол :
« Ты, стало быть, школяр ? »

— Я мир листал, как книгу,
И в книге мир искал.
Но по какому мигу
И до сих пор тоска ?

. . . Вот город, он задушен,
Классичен, проклят, нем,
Там осажденных души
И духи из поэм.

Там и сейчас вельможно, —
Все в набережном сне.
Туда б сейчас, коль можно,
Но . . . север вреден мне . . .

. . . А после, пешкой чьей-то,
Топтал тевтонский грунт,
Но фридрихову флейту
Не застил фрицев фрунт . . .

. . . У памяти в обвалах
Ломбардия жива,

Владимир Марков

Где — красных губ овалы
И неба синева...
Твердил : не брошу, дескать...

Вдруг (Жизнь, моя сестра !) —
В приветливую детскость
Заокеанских стран...

Что это было — тяга ?
Приказ каких-то сил ?
« Ты, стало быть, бродяга ? »
Апостол вопросил.

— Бродяга поневоле,
С навязанной клюкой ;
Готов расстаться с « волей »,
Чтоб обрести « покой ».

Но знаю, что в покое
Опять грызет мечта ;
Опять все не такое,
И все опять не так.

Ни взмаху, ни разлета,
Ни свежей рифмы нет.
Спро́сит апостол Петр :
« Ты, стало быть, поэт ? »

— Мой род неизбываем,
Хотя в удел едва ль
Мне Болдино и Веймар,
Дуино и Версаль.

Я знаю их заветы,
И тут сомнений нет :
Когда они поэты,
Я, значит, не поэт.

Но я читал газеты,
В которых нет да нет
Печатают куплеты
Про то или про это.
Когда они поэты, —
Опять я — не поэт.

Но верю я, что слово —
В Наньчане и в Ельце —
Важней всего другого,
« В начале » и в Конце.

Звучанье и значенье
Сплетутся вновь в одно,
Иное назначенье
Откроется в родном.

Стихом нальется проза,
Признав иной уклад,
И на минутных розах
Вскипят колокола.

« Не стану слушать бредь я, —
Прервет старик ворча, —
Ты это, то иль третье,
Точнее отвечай ».

— Кто я, судите сами,
Приму вердикт суда.
Я пятнышко в осанне ;
Пришел же я сюда . . .

Я мог бы обстоятельно,
Но объяснять ленив.
То — образ собирательный :
И женщина и миф.

Владимир Марков

Поэтам — Муза. Им
Она — мечта живая.
Я ж именем своим
Подругу называю.

Прервет : « За эти двери
Не всяк стучащий вхож,
С чего же ты уверен,
Что тут ее найдешь ? »

Вскричу : — Раз тут святые,
Она конечно тут !
Ведь на земле такие
Подолгу не живут.

« Нет времени на притчи.
Входи, увидишь сам,
Какие Беатриче
Восходят к небесам.

А насмотревшись вдосталь,
Проверь мечты твои »,
И предо мной апостол
Врата приотворил.

Владимир Марков

Из « Однострочков »

На выставке Моне :

Стога, Руанские соборы и лилии и тополя...

Слушая « Руслана » :

О душенька, о флейта, о Людмила.

Березы. Ветер. Думая о смерти :

Тот блеск пугающий, тот шорох неземной...

⁂

Печаль слетает с ласковых стволов.

Молитвы :

Спаси ее, прости меня.

⁂

О Боже, я разбит, составь меня опять.

Владимир Марков

Лосанжелосский верлибр.

Ein Fichtenbaum steht einsam...

Равнодушные сосна и пальма
Растут рядом,
Опровергая весь романтизм.

ЕЛЕНА МАТВЕЕВА

(США)

Нам еще пути осталось много.
Поезд прет, упрям и неуклюж.
Сталь холодных синеватых луж
Растеклась по заспанным дорогам.

Посмотри : от неба до земли,
От сухой травы до тучек тощих
Тонкие безлиственные рощи
Паутину нежную сплели.

Ночь пришла. Закрасила черно
Все деревья на пространствах плоских,
Превратила в зеркало окно
И зажгла огни на перекрестках.

Не читается, не курится,
Все дела из пальцев валятся.
Где-то ты бредешь по улице, —
Так о чем же мне печалиться ?

Вечер медленно спускается.
Нагибается к земле.
Где-то лампа зажигается
На твоем столе.

Молча встала ночь-провидица,
До седьмого неба ростом.
Знаю, снов тебе не видится,
Ну, а мне — не спится просто.

Силуэты черных крыш,
Бледно-розовый рассвет.
Где-то ты спокойно спишь,
А в моем окошке свет
— Пусть Господь тебя хранит —
Все горит.

Елена Матвеева

ПЕРЕЕЗД

Дома нету. Скорлупа,
Кокон бывшего жилья.
Вот и комната моя
Неприветливо-тупа.

Брошен дом, тосклив и гол,
Брошен в нем мой старый стол,
Как ненужные дрова ;
Я сижу едва жива —
Беззащитность голых стен
И собачья голова
У моих колен.

Я поглажу чуткий нос
И за ухом почешу,
Дать мне лапу попрошу :
— Ты поедешь с нами, пес.

Ты не будешь тосковать,
Ты, обнюхав все углы
И натертые полы,
Преспокойно ляжешь спать.

Только мне не даст уснуть
Опустевших комнат жуть,
Беззащитность голых стен,
От которых я ушла,
Одиночество стола —
Стол не ведает измен :

Он грустит своей немой
Деревянною душой.

* * *

Дни мои идут без счета,
Без календаря.
Прозябаю безотчетно,
Существую зря.

Освещаю ночь огарком —
До утра не лечь.
Время меряю загаром
Потемневших плеч.

Волны пенятся от злости
И скулит тоска.
Измеряю время горстью
Тусклого песка.

ОЛЬГА МОЖАЙСКАЯ

(Франция)

ПАРИЖ В ДНИ ВОЙНЫ

Н. А. Оцупу

Неотопленных комнат стужа.
В умывальнике — лед.
Водянистая репа — ужин
Который год !

Дни бредут вереницей пыльной, —
Все плотнее ряды, —
И под ношею непосильной
Клеймо беды.

Только ночью, когда притушен
Электрический свет,
Разгорается непослушный
Огонь планет.

Вновь живым они шлют пòдмогу
В Город-Светоч слепой.
Лишь враги не чуют тревоги
Сквозь сон тупой.

А в соборе Пречистой Девы
Пламенеет стекло.
На горе святой Женевьевы
Как днем светло.

1942.

Ольга Можайская

СМЕРТЬ

Она не даст тебе уснуть,
Своими муками отметит,
И выступит в нежданном свете
Законченный тобою путь.

Так молнией озарены,
Поля мгновенно зеленеют...

Она придет когда-нибудь,
И загорятся перед нею,
В единый сноп заключены,
Все пламеннее, все полнее
Твои разрозненные сны.

1948

Ольга Можайская

Алле Головиной

Я родилась в чужой стране,
На берегу чужого моря.
Несуществующими мне
Казались радости и горе.
В те годы ранние мои —
Ни встреч, ни слез, ни расставаний,
Ни краткой дружбы, ни семьи,
Ни ласково-ворчливой няни.
Отец и мать — всегда в пути.
Я — за оградою случайной,
И тайну я должна блюсти,
Храня недетское молчанье
У моря, на краю земли . . .

Где, подымая якоря,
Отчаливают корабли,
Вступая в новые моря.
Под ровный плеск, неторопливый,
Весна не смеет расцвести
Фиалкой темной над заливом.

Знакомый траурный цветок . . .

Но музыка береговая
И близких звезд сплошной поток
Тревожным блеском заливает.
Уже предчувствовать дано
Мне о судьбе неотвратимой.
И сердце помнит, что оно
Высоким трепетом полно,
Волной возвратною любимо.

1950

Ольга Можайская

***

Мы разучились молиться и плакать.
Больше ничьим мы не верим словам.

— В осень дождливую бурая слякоть
Верить не хочет весенним лучам.

Сердце не помнит. Оно изменило
И омертвело в бессилье своем.

— В небе безжалостно хмурая Сила
Сеет и сеет бесплодным дождем.
Все безнадежнее, все неизбежней . . .

. . . Что если смерть не — сугроб ледяной ?
Если она тот любимый подснежник,
Нежный, что снился минувшей весной ?

Самый отважный, он — вестник победы,
Самый прозрачный в сверкании струй . .

Если ты вступишь в тот Лес Заповедный, —
Выйдет навстречу и скажет : « Ликуй ! »

1959

Ольга Можайская

⁂

Скажи, когда бы не во сне
Тебе пришлось опять
В своей или чужой стране,
Любить и умирать, —

Брести исхоженным путем,
Где каждый поворот
Тебе мучительно знаком,
И, зная наперед,

Что жизнь готовится завлечь
В свой безъысходный круг
Судьбою предрешенных встреч,
Немыслимых разлук, —

— Там прошлое отражено,
Там оборвался путь . . . —

Глазами зоркими на дно
Посмеешь ли взглянуть ?

— Не размышляя о цене,
Готова я платить
За право чувствовать вдвойне
И эту жизнь любить.

И чем грознее, тем нежней,
Прозрачней глубина.

Но если погрузишься, — в ней
Ты не отыщешь дна.

1960

ПУШКИН

. . . А если б не было дуэли ?
А если бы в другой стране ?

Но стоит ли, на самом деле,
Разгадывать тебе и мне
Который раз все то, что люди
Твердили и твердят о нем ?
О магии стиха, о чуде,
Что в памяти мы бережем.

*
**

Les sons et les parfums tournent dans l'air du soir,
Valse melancholique et langoureux vertige.
Ch. Beaudelaire.

Нет, не стареют никогда поэты !
В них мудрость вся и молодость земли.
И там — на берегах туманной Леты —
Их корни — или крылья — проросли.
Но каждый здесь — таинственный глашатай —
Проникновенно сердцу говорит
О том, что разрушением объятый,
Порабощенный мир не истребит
Ни музыки, ни снов, ни ароматов.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

На приснившейся тебе планете,
На земле извечно молодой,
Есть сады, где радуются дети, —
Жизнь еще не ставшая враждой.

Словно музыка другого сада,
Та, что мы поэзией зовем.
Может быть, поэту и не надо
О блаженстве тосковать ином ?

Эти звуки ты занес откуда
В ледяную безнадежность дня ?
Из Эллады ли явилось чудо
Иль в Иране родина твоя ?

НИКОЛАЙ МОРШЕН

(США)

*
**

Закат вчерашний не поблек,
Не стаял прошлогодний снег,
Не смолк далекий соловей
В волшебной памяти моей.

Что ей пятнадцать лет назад ?
Что тридцать лет ? Что сорок лет ?
Вдруг вспомнятся — то снег и град,
То смех и грех, то свет и цвет.

О, памяти земной река,
Ты здесь светла и широка,
Но как найду я путь во тьму,
Туда, к истоку твоему,

Где хлещет темная струя
Из пропасти добытия ?

Николай Моршен

У ИСТОКОВ ГОРНОГО РУЧЬЯ

Я отдаю себе отчет
В том, что́ сюда меня влечет :
Здесь душу лечит, не калечит,
Здесь время, замедляя счет,
Смолой камедистой течет,
Созвездья ночью искры мечут,
Со мной играя в чет и нечет —
Я знаю всё наперечет.

Уже с золотоглазой мглою
Слились изломы дальних гор,
И под насупленной скалою
Покрылся розовой золою
Набушевавшийся костер.

Что это — воздух иль восторг
Рождает головокруженье ?
Кто это из земли исторг —
Ты слышишь ? — бормотанье, пенье,
Сердцебиенье, вдохновенье,
Незримых крыльев перешорх ?

Поэт подпочвенный — ручей,
Рождаясь исподволь, незрячий,
Ощупывает суть вещей,
Течет под камень нележачий
И, окрылен своей удачей,
Выходит на простор ночей,
Где, новой одержим задачей,
Поет, бренчит, вприпрыжку скачет
И всех поит, а сам — ничей.

(Под птичий щекот на дворе
Ручей бежит иначе — немо,
Весь в янтаре и в серебре,
А дятлы клювом по коре
Телеграфируют заре
Им в недрах найденные темы).

⁂

Среди туманностей цепных,
Галактик здешних и иных,
Спиральных и дискообразных,
Комет, как скука, ледяных,
Пространств, прилежных или праздных,
Среди орбит, среди лучей,
Среди отсутствия вещей,
Среди космической глуши,
Среди кладбищенской тиши,
Среди молчанья мирового,
Ни с кем страданий не деля,
Летит, кружит, поет Земля,
Окутанная дымкой Слова.

И мнится мне, что ей одной
На долю выпал звонкий жребий :
Быть первой клеточкой живой,
Стать Вифлеемскою звездой
В еще бездушном, косном небе.

Николай Моршен

У СЛОВАРЕЙ

За пыльным томом — пыльный том,
А в них слова стоят гуртом.
Стоят в покое незавидном,
Стоят в бесплодии пустом,
Псевдопорядке алфавитном.

Стадами согнаны сюда
Из всех краев, за все года
Стоят, не горячась, не прячась,
Но не рождает никогда
Количество в них новых качеств.

А мне б не тысячи голов —
Табун хотя бы в сотню слов
Иль просто тройку у крыльца . . .
Да нет ! Как в песне говорится :
Чернее смоли жеребца,
Белее снега кобылицу !

Я их пущу на счастье в ночь
Пером по ожившей бумаге.
На белом черное — точь-в-точь
Скрещение — не шпаг ! — двух магий.

. . . В степи лишь ветер, как пожар,
Земли от топота дрожанье
Да полыханию Стожар
Навстречу рвущееся ржанье . . .

Николай Моршен

Ударят трижды в берег воды,
И трижды крикнут петухи,
Что нужно ждать к зиме приплода,

Что звери, люди и стихи —
Все братья, все одной породы,
Не прихоть — но закон природы,
Ее успехи, не грехи.

Николай Моршен

Клубились ночи у реки,
Вулканы извергали пламя,
Светились папоротники
Палеозойскими огнями,

Когда, с разрезом скифским глаз,
Из тьмы болота выполз ящер —
Ступил на землю в первый раз
Мой пресмыкающийся пращур.

Нет, он предугадать не мог
Разлив грядущих поколений,
Неиссякающий поток
Взаимосвязанных явлений,
Меня в цепочке появлений,
Мой мир, где рядом Планк и Блок !

Но я ? Что я за существо ?
Куда иду я и откуда ?
Как мне предугадать того,
Чьим скромным пращуром я буду,
Весь мир его, подобный чуду,
Дела и помыслы его ?

Он явится. Пройдут века . . .
Да что века — мильонолетья !
И вспомнит нас издалека
Таинственный потомок третий.

И вот случится волшебство :
Сольются в точку расстоянья,
И в рай сознания его
Мы прорастем своим сознаньем.

Николай Моршен

Проявятся из серой мглы,
Вещественны и непреложны,
Все, как бы ни были малы
И как бы ни были ничтожны.

И в этой радостной гурьбе,
К начал началу нисходящей,
Найдется место и тебе,
Мой пресмыкающийся пращур !

Николай Моршен

***

Все то, что мы боготворим,
Покуда за бортом.
О нем всерьез поговорим
Когда-нибудь потом.

Когда веселая заря
Вдруг выявит сквозь дым
Все то, что мы, Бого-творя,
Из праха создадим.

Не так, как Ротшильд или Крез
Свой первый миллион,
Не из ребра, не из чудес,
Но как Пигмалион.

Не так, как смотрят сверху вниз,
А так, как снизу рвутся ввысь,
Когда больших поэтов стих
Перерастает их самих.

Когда в веках гудит строка,
Как вихрь, как пламя, как река,
О том, что в ней, в одной из строк,
Бессмертья, может быть, залог.

Николай Моршен

НОЧЬ НА ВЗМОРЬЕ

Развивается цепь соразмерных причин,
Увлеченных единою целью.
Блещет небо всей мощью надзвездных пучин,
Ворожа над морской колыбелью.

Отразилась луна на приливной волне,
Порожденной ее притяженьем,
Хоть не знает вода ничего о луне,
Ни луна о своем отраженье.

И волна за волной, и звезда за звездой
Набухают в просторах вселенной,
И в латунные дюны швыряет прибой
Залпы грохота соли и пены.

Этой звездносоленою смесью дыша
И колебля пытливое пламя,
Вдаль уходит, уходит, уходит душа,
Как свеча меж двумя зеркалами.

⁂

Сегодня тихо на море,
Прозрачно на горе.
Вершина в лунном мраморе,
А море в серебре.

Сегодня тихо на небе,
И радостны пути
У всех, кому куда-нибудь
Случается идти.

Сегодня тихо на сердце,
И кажется, что впредь
Все сгладится и скрасится,
И примется добреть.

Такое облегчение,
Как будто бы и я —
Единого течения
Послушная струя.

БОРИС НАРЦИССОВ

(США)

СТИХИ О ЛЕРМОНТОВЕ

1.

Широк во лбу, сутул, и криво
Улыбка сводит детский рот.
« Увы, Мишель, вы — некрасивы . . . »
— Всегда все тот же оборот

Речей — сперва о нежной дружбе,
Потом — о чем-то о другом,
И — неприятности по службе,
И — надо свет считать врагом . . .

Ну, да, — язык острее бритвы !
Но сколько нежности в душе,
В письме с Кавказа после битвы !
Ведь крови — нет на палаше . . .

И эта нежность вырастает
По вечерам в черновике,
И тает — так туман растает
В июньский день на Машуке.

2.

Расширенные черные глаза
Горят упорным и тяжелым блеском...
А где-же крылья, глетчер и гроза,
О, бедный Демон в сюртуке армейском ?

Бывает так : блестит кремнистый путь,
И злоба затаенная не душит,
И хочется любовью обмануть
Свою тяжелую, как камень душу.

Но тучка золотая на утес
Спускается недолгой нежной гостьей.
И, вот, опять — кутеж, вино и штосс,
И стих, облитый горечью и злостью.

. . . . .

Но за стихами точку ставят кровью,
Как многоточие, на много лет...
Поручик Лермонтов, нахмурив брови,
Неспешно выбирает пистолет.

Борис Нарциссов

ЭДГАРИАНА

1.

ЧЕРНАЯ ПТИЦА

Quoth the Raven, « Nevermore ».
Edgar Poe.

Мой дом, как могила. И туча-Сивилла
Былое сокрыла и плачет дождем.
Что было, то было. Но темная сила
Меня разбудила : мы плачем и ждем.

Черта и граница. Мне надо забыться :
Знакомые лица забыты давно.
Бессоница длится, и ночь — как черница,
И черная птица стучится в окно.

Эдгар и Лигейя, — в гробу холодея,
Лигейя посмеет за счастьем придти.
Но призраком рея, как образ, идея,
Ленора бледнеет на этом пути.

С опущенным взором мы счастье — как воры . . .
Но ведает ворон — мы не сберегли.
Далеким укором я слышу : « Ленора . . . »
Теперь уже скоро : ты — Аннабель-Ли !

Борис Нарциссов

2.

РАЗГОВОР

... Веселый смуглолицый человек ...
Э. Герман

And the fever called «Living».
Is conquered at last.
Edgar A. Poe

Зимой Манхаттан угощает
Коктейлем ветра с мокрым снегом,
Приправленным бензинной гарью,
И сумерки свинцово-неприветны.
Великолепно ! Это означает,
Что нет туристов отупелых,
Что без толку толкутся у качалки,
В которой он обдумывал рассказы —
Рассказы — мягко говоря — о страхе.
А я зайду — мне мокрый снег не в диво.
Уйдет в свою каморку сторож,
И тут-то мы часок свободно
Поговорим опять друг с другом.

Уж день устал — светло, но лампы.
Теперь здесь город, — ну, как всюду.
А вот сто двадцать лет назад
В деревне Фордхам было пусто.
Домишко был совсем дешевым,
Почти игрушечным. Вот в этой спальне —
Кровать, и больше нету места.
Вирджиния в ней умирала ;

Топить-то было нечем : мерзла,
И кошка грела умиравшей ноги.
А по дорогам ночью, под двурогой
Луной Эдгар скитался одичало,
Пока не поборол болезни,
Которую зовем мы жизнью.

Ну, вот, — холодный полусвет,
И я один у темного камина.
« Хозяин ! Слышите ли вы ? К вам — гости ! . . . »
Он тут — чуть слышен вздох за дверью,
Но мы друг друга понимаем :
Я все-таки чужой — и лишний.
Он вряд ли выйдет из потемок :
Стал подозрительным — затравлен
Он был тогда, а что нам в поздней славе !
Но не могу сейчас сдержать вопроса :
« Зачем, зачем тогда, в ненастный вечер,
Вы с братом Вильямом, матросом,
В Санкт-Петербурге не остались ?
Ну, хорошо, участок, протокол, —
Но ведь Руси веселье тоже пити !
Об этом бы не стоило и думать !
А вы бы встретились тогда
С веселым смуглолицым человеком
(Вы хорошо французский знали).
Его рассказ про Германа и Лизу
Британцы поместили рядом с вашим,
С коротким примечаньем перед текстом :
« Два старых мастера живут во-веки . . . »

Там был другой — корнет гвардейский —
— Тот хорошо английский знал —
А ужас он носил с собою в сердце...
Вот эти бы вас поняли, как надо!
Ведь, все равно, потом в России
Вы были, — скажем, точно дома...»
За дверью вздох, — иль это я вздыхаю?
Совсем смерклось, и сторож прерывает:
«Вам уходить пора: я закрываю!»

ЗВЕЗДОЧЕТ

Настала ночь, и я на башню вышел
И стал смотреть на звездный небосвод.
Я как бы в сон ушел. И, вот, услышал
Я звезд далеких гармоничный ход.

Хрустальный свет их ясен и понятен,
Но жуть сквозит в движенье вихревом
Мистических туманностей и пятен,
Горящих бледно-фосфорным огнем.

Но я нарочно взор в них углубляю,
Я отрешаюсь, стыну и лечу,
Как будто бы сорвался с корабля я,
Тону и гибну, — ибо так хочу.

Я жду ночного мертвого молчанья,
Чтоб в нем забыть с приходом темноты
Бессмысленность и боль существованья,
Уйдя в бездонный ужас пустоты.

Борис Нарциссов

РАЗМАХАЙ

По пустым чердакам,
По углам нежилым,
Гонит он паукам
Их мушиный калым.
А потом разойдется, взметнется и пляшет,
И мучными мешками по сумеркам машет.
Так от пыли тогда хоть чихай, не чихай :
Самый страшный из всех — господин Размахай.

А какой из себя ?
И не пробуй смотреть :
Над душою скребя,
Будет в четверть и треть
Он в тебя заползать, мельтешить и мотать,
Как белесый заспинный, украдчивый тать.
Так, как будто пустяк : все чихун да смешки,
Ан, глядишь, ты и сам — как мучные мешки.

АЛЕКСАНДР НЕЙМИРОК

(Германия)

МОРОЗ

Тихо так, что снег услышишь,
Как он в пролеске шуршит.
Дым над пряничною крышей
Серой цаплею стоит.

Память, — зябнущий котенок
У забитого окна.
Кто сказал, что холод звонок ?
Холод — это тишина.

ШВЕЦИЯ

Там сосны высоки, озера глубоки,
Там вещие тайны хранят валуны,
Там дети и девушки голубооки,
Там немочью бледной закаты больны.

Там носятся гуси в полунощном хоре
Под небом печальным опала светлей.
Там ветер взывает с Балтийского моря :
Забрызганный вестник России моей.

Александр Неймирок

БЛИЗКИМ

В той духоте, в той гуще парной
(И боль и горечь по пятам) ...
Что вам поведал мрак полярный ?
Чему сподобились вы там ?

Как будто, возвратясь с допроса.
Как будто, телом по кресту ...
Стучат вагонные колеса,
Бегут вагонные колеса
Из Котласа на Воркуту.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

(Франция)

И опять в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.
Георгий Иванов.

***

За прозрачной, сквозной занавеской окна
Голубиной дорогой летит
Голубая луна.
Бьет двенадцать. Кругом все безрадостно спит.
Я не сплю. Мне совсем не до сна.

Завтра утром . . .
Но как далеко до утра !
Разве было вчера или позавчера,
Будни, праздники, всякие там вечера,
Дни и полдни
С той самой поры,
Как не кончив игры,
Словно камень с горы,
Словно камень, упавший в колодец забвенья . . .

Я не помню, не помню и помнить не надо
И деревья чужого французского сада
Серебристой листвой в забытье упоенья

Легким отзвуком ангельски-лирного пенья
Широко шелестят под луной...

— Ты вернулся. Ты снова со мной!..
Мы выходим из темного, спящего дома
И по набережной над Невой...
Белой ночью, волшебной весной
В тихий, тихий, таинственный час...

Как мне все здесь до боли знакомо!
Ты со мной, молодой и живой.
Взлет бровей очерченный четко
Над мерцаньем насмешливых глаз,

Летний Сад. Кружевная решетка...

Навсегда, неразлучно вдвоем,
Мы с тобою обнявшись идем
По аллее Летнего Сада.

— Ты не веришь? Я страшно рада,
Я не помню ни горя, ни зла,
Я счастливой такой, как сейчас,
Никогда еще не была.
Все как будто бы в первый раз!..
Видишь, в небе звезда упала
И за нею другая опять.
Ничего я не пожелала —
Больше нечего нам желать.
Ты не веришь? Поверь мне, поверь,
Навсегда все прекрасно теперь.

Ирина Одоевцева

Видишь, видишь луна участливо
Распахнула нам вечности дверь,
Стелет ковриком Млечный Путь...

Но с тобой мне и вечности мало...
Ах, я счастлива, счастлива, счастлива !
Я устала, устала, устала !..

Спать,
            Скорее, скорее уснуть !..

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем Саду
В понедельник на Вербной Неделе
В девятьсот двадцать первом году ?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал : — Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрека.
Я подумала : Это любовь !

Я сказала : — Я страшно жалею,
Но я раньше придти не могла.

Мне почудилось вдруг на аллею
Муза с цоколя плавно сошла
И бела, холодна и прекрасна
Так спокойно прошла мимо нас,
И все стало до странности ясно
В этот незабываемый час.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский Собор
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела
И теряли значенья слова
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава.

***

Я во сне и наяву
С наслаждением живу.
И. О.

В чужой стране,
В чужой семье,
В чужом автомобиле...
При чем тут я ?
Ну, да, конечно, было, были
И у меня
Моя страна,
Мой дом,
Моя семья
И собственный мой черный пудель Крак.

Все это так.
Зато потом
Когда февральский грянул гром —
Разгром
и крах
И беженское горе и
Моря, нет океаны слез...
И роковой вопрос :
Зачем мы не остались дома ?

Давно наскучивший рассказ
О нас
Раздавленных колесами истории.

Не стоит вспоминать о том,
Что было. Было, да прошло
И лопухом
Забвенья поросло...

Ирина Одоевцева

Хрустальный воздух Пиреней.
Все безрассудней, все нежней
Вздыхает сердце
На высоте трехтысячно-метровой,
Где снег небесно-голубой
Жизнь кажется волшебно новой
Как в девятнадцать лет
На берегах Невы.
Орел бесшумно со скалы
Взметнулся ввысь
И полетел
К Престолу Божьему
Должно быть.

— Мгновение, остановись !
Остановись и покатись
Назад :
                    В Россию,
                                        В юность,
                                                            В Петроград !

Крик сердца,
До чего банальный крик
Лишенный магии.

Ведь знаю я,
Что этот миг
Не остановится
И не покатится назад
И не вернутся мне
Моя страна,
                    Моя семья,
                              Мой дом,
                                        Мой черный пудель
                                                            Крак.

* * *

Я не многострадальный Иов,
Который после всех утрат
Стал снова славен и богат —
Славнее и богаче во стократ.

Не будет у меня, как у него,
Ни сыновей, ни дочерей,
Ни сказочных дворцов,
Ни рощ оливковых,
Ни аравийских скакунов,
Верблюдов, коз, овечьих стад,
Ни шелковых ковров,
И слуг покорных,
Ни драгоценностей библейских.
Не будет даже канарейки,
Герани на окне,
Зеленой лейки —
То, что доступно каждой швейке,
Но недоступно мне.

Не будет ровно никого
И ничего.

И всетаки наперекор всему —
Сама не понимая почему —
Наперекор безжалостной судьбе,
И одиночеству,
По прежнему во сне и наяву
Я с наслаждением живу.

Ирина Одоевцева

ПЕСЕНКА

Ложатся добрые в кровать,
Жену целуют перед сном,
А злые будут ревновать
Под занавешенным окном.

А злые будут воровать —
Не может злой не делать зла.

А злые будут убивать
Прохожего из-за угла.
И окровавленной полой
Нож осторожно вытрет злой.

А в спальне доброго луна
Глядит бледна и зелена,
И злые снятся сны ему
Про гильотину и тюрьму.
Он просыпается крича,
Отталкивая палача.

А злой сидит в кафе ночном,
Над рюмкой терпкого вина,
И засыпает легким сном,
Хотя ему и не до сна.

Во сне ему двенадцать лет,
Он в школу весело бежит.
И там на площади Виллет
Никто убитый не лежит.

ТАТИАНА ОСТРОУМОВА

(США)

⁂

Чужой ли музыке учусь я,
Чужой ли песни пью вино,
Мне строгий лад славянских гуслей
Любить с рожденья суждено.
Сверкнет ли хлад вражды змеиной,
Хлестнет ли страсти острый жгут,
Мне зовы книги Голубиной,
Пленяя сердце, душу жгут.
Светили светы мне иные,
Но где-то, в полудетском сне,
Звездой падучею, Россия,
Ты до сих пор сияешь мне.

Татиана Остроумова

⁂

Я в сердце не приму закон вражды людей,
Не поклонюсь разящему мечу я.
Мне ближе соловьи и стаи лебедей —
Я им сродни, и в них я отклик чую.

Борьба за жизнь ? Мне ею не гореть.
Борьба за хлеб ? Уж лучше быть без хлеба.
Мне, как поэту, слаще умереть
Здесь, на свиданье птиц, воды и неба.

Плывите, лебеди ! Сегодня вечер чист,
Небесный путь пред вами не запружен.
А я останусь петь под соловьиный свист,
Для той земли, которой я не нужен.

⁂

Нас в детстве учили : « Верьте !
За тайную кротость жизни,
Вам Бог ниспошлет бессмертье
В бесплотной своей отчизне.
Войдете, как дети, в двери,
В незримые двери рая . . . »
Мы в это бессмертье верим,
Но есть ли оно — не знаем.
Мы знаем одно : на свете,
Где все преходящи миги,
Упрямо знаем, как дети,
Бессмертьем нас дарят книги.

Татиана Остроумова

*
**

Кто-то млечное семя сеет
Спит дорога под хрупким льдом,
Предрождественский холод веет,
Заползая в притихший дом.
Месяц выставил на ночь рожки,
Всюду небо — куда ни кинь !
Замело все следы и стежки,
Что весной заливала синь.
Перестала любить и верить,
Видно явь не пошла мне впрок ;
Запираю входные двери
На железный тугой замок.

*
**

Громкий утренний отпуст за ночные грехи
Спозаранку победно трубят петухи.
И восстав из-под спуда деревенского сна,
Самоцветным павлином расцветает весна.
Даль еще в перламутре, но к восходу зари,
От небес по полям побегут янтари ;
И навстречу небесным огневым янтарям
От полей воспарится к небесам фимиам.
Вдоль ручьев и затонов и бездонных трясин
Раскуделились зыбкие ветви осин.
И качаясь в блаженном, в лебедином цвету
Вишня перьями сыплет на бескрылом лету.

Татиана Остроумова

⁂

Сереет стог забытый и убогий.
На небе стынет ржавая вода.
Столбы... столбы... покатые дороги...
Горят в закате рыжем провода.
Аукаю — ни звука ! Версты... версты...
Зову — ни отклика ! Ни зверя, ни людей.
Ковыль, ковыль — колючий, среброшерстый...
Твое здесь царство, сонный Берендей.

***

...И когда разгоралась звезда
В осиянном зарей небосклоне,
Я любила встречать поезда
На прохладном вечернем перроне.

Замедляя тяжелый разгон,
И вонзаясь широким разрезом,
Проходил за вагоном вагон,
Громыхая усталым железом...

И свистели стоявшим давно,
И звонили в звонки ожидавшим,
И зарей полыхало окно
На последнем, пустом, уезжавшем...

И когда вдалеке, за мостом
Умирало протяжное эхо,
Я тихонько молилась о том,
Кто не ждал, не стоял, не приехал.

ГЕННАДИЙ ПАНИН

(США)

Ключ, что в ущелье . . . У его истока
Люблю следить, как тает глыба льда.
Ей суждено, лучам себя отдав,
Нестись, ожив, струей голубоокой.
Оленьи тропы к ней из рощ ведут,
Вкруг птичьи крики да молчащий камень.
Студеной горсть воды сама протянет,
Коль зноен день, она, и даст приют.
Он, светлый стих, из капель собран малых
Мечтой твоей, ключу подобен гор :
Устав бродить, спешу к струе его,
« Доверчивой, как путник запоздалый ». *)

*) Строка из стихотворения Д. Кленовского « Когда бы жизнь пришлось начать сначала ».

АЛЕКСАНДР ПЕРФИЛЬЕВ

(Германия)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МИНИАТЮРЫ

1.

Осенний вечер. В доме окна настежь,
Из них к Неве струится дым и чад...
Голландский свой попыхивая кнастер,
За шахматной доской они сидят...

На шхунах ветерок шевелит снасти,
А игроки, насупившись, молчат,
Глаза устремлены в один квадрат :
На нем английский корабельный мастер
России делает в четыре хода мат.

2.

Отмерили дистанцию... Считать
Шаги смертельные они умели...
И тот, что в николаевской шинели,
Стал равнодушно руку поднимать.

Все тот же вид у Черной речки,
Морозный воздух свеж и снег глубок.
Да, это здесь... Да, не было осечки,
И он упал, схватясь за левый бок.

ТОЧКА

Лишь вчера похоронили Блока,
Расстреляли Гумилева. И
Время как-то сдвинулось, жестоко
Сжав ладони грубые свои.

Лишь вчера стучал по черепице
Град двух войн — позора и побед —
Лишь вчера « О, вдохновенье ! » в Ницце
Умирая, написал поэт.

Все года, событья стали ближе,
Воедино слив друзей, врагов . . .
Между Петербургом и Парижем
Расстоянье — в несколько шагов.

Так последняя вместила строчка
Сумму горя, счастья, чепухи,
И торжественно закрыла точка
Как глаза покойнику, стихи.

Александр Перфильев

ИВАНОВ ВЕЧЕР

Памяти Латвии

Я не могу сегодня опьянеть.
Иванов вечер... Нет, уж ночь, простите.
Костер потух, а я могу сидеть,
Пить, говорить, не обрывая нити.

Мне жаль покинуть этот мир иной,
Что воскрешен сегодня всеми вами.
Все разошлись, и чокнется со мной
Прошедшее безмолвными словами.

Но не хочу я говорить о том,
Что все ушло, любимое, навеки,
Что завтра встану бледный и с трудом :
Двойной — в одном и том же человеке.

Смотри — уж начинается рассвет,
Наверно день такой же будет жаркий !
Что ж, прошлое — за всех, кого уж нет,
Давай нальем последний раз по чарке...

Александр Перфильев

ОДИНОЧЕСТВО

Войдя в невидимое русло
Среди пустынных берегов
Течет, поблескивая тускло,
Не для друзей, не для врагов...

В моря и реки не направлен
Поток его холодных вод,
Ничьим притоком не разбавлен
Подземной мудростью живет.

Чужих идей презрев отравы,
Всегда наперекор судьбе,
Не ищет почестей и славы,
А только Истину в себе.

И... в жизни не найдя чего-то,
Все испытав, все разлюбя,
Оно, в капризе поворота,
Впадает... только лишь в себя.

Александр Перфильев

СТИХИ

Возникают еле ощутимо,
Неизвестно — горечь, радость, грусть ?
О любимом или нелюбимом,
Найденном, потерянном... и пусть —
Это что-то вроде лихорадки,
Льется в буквы — почерк крив и кос —
На листке, что вырван из тетрадки,
На песке, на пачке папирос...
А потом... сомненье и усталость, —
Ты ли в этих строчках на листе ?...
Так и Блок отметил : « Написалось » —
О Двенадцати и о Христе !

ОКНО РАСПАХНУЛОСЬ

Окно распахнулось широко
И в комнате солнце и ветер . . .
Пахнуло апрелем, весною,
Нежданною свежестью лет . . .
Родная, послушай, неважно,
Что жить нам недолго на свете,
Но есть еще солнце и радость,
Хотя уже многого нет.

Пускай от житейского ветра
Глаза у тебя потускнели,
Пускай от душевных пожаров
Посыпан я пеплом седым, —

Окно распахнулось и солнце
В глаза твои брызнуло хмелем,
Окно распахнулось — и ветер
Развеял с волос моих дым !

Александр Перфильев

СКВОРЧИХА

Почтовый ящик на воротах. Тихо
Шуршит сирень под ласковым дождем.
А в ящике свила гнездо скворчиха,
И ждет птенцов. Мы — никого не ждем.

Достроен дом. Сейчас он тихий, сонный,
А дождь — чтоб сад скорее расцветал...
Пожалуйста, напомни почтальону,
Чтоб писем больше в ящик не кидал.

Достроен дом. Стал настоящим домом —
Березки, елки, липа под окном...
Открыт он настеж всем друзьям, знакомым.
Они приходят, только мы... не в нем.

Скворец поет тревожно на рассвете,
Ждет червяков, в гнезде нахохлясь, мать.
У почтальона дома тоже дети,
С улыбкою он будет в дверь стучать.

Приходят письма. И читать их буду,
В далекую чужую жизнь смотреть.
Да, письма будут... только не оттуда,
Откуда б нам хотелось их иметь.

Ответим : о здоровье, о погоде,
О мелочах покоя и труда...
Лишь « ниоткуда » письма не приходят,
Как и нельзя ответить « в никуда ».

Понятно все... Проходит время тихо,
И так же остановится само...
В апрельский день нам принесла скворчиха
Последнее о радости письмо.

РОЗЫ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Медлительные, грузные голландцы —
Художеств и ремесел мастера,
Учившие великого Петра
В любой норд-ост шутя всходить на шканцы.

Не о тебе — минувшая пора,
И не о том, что смотрят иностранцы,
Толпясь в музее с самого утра,

Не верфи Саардама, не музеи,
Нет, и не вы — искусства ротозеи . . .
Энтузиазм, что вписан в каталог,
Меня б сегодня вдохновить не мог.

Но . . . о великих ценностях не споря,
Хочу сказать о щедрости Земли, —
О розах, что в Голландии взросли
На почве, отвоеванной у моря . . .

КЛАВДИЯ ПЕСТРОВО

(Австралия)

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Лица коснулись мягко крылья ночи.
Оранжево моргнуло с маяка.
Прилив сметал, бросая пены клочья,
Следы ступней с усталого песка.

Все городские шумы глуше, тише.
Повиснул мост цепочкой золотой
И зацепился Южный Крест за крышу
Голубоватой, дремлющей звездой.

И вдруг душа, распятая тоскою,
Исполнилась внезапно новых сил
И Южный Крест, в торжественном покое,
Мой каменистый путь благословил.

И радости целительной причастье
Вложила красота в мои уста,
А в небе — золотым залогом счастья —
Горели звезды Южного Креста.

⁂

Как хорошо лежать сегодня утром
На берегу морском !
Тихонько на суденышке, на утлом,
Старик гребет веслом.

Прибой наносит скользкие охапки
Морской травы на док.
Светло и жарко. Чуть щекочет лапкой
Соленый ветерок.

Лежи, вот так, с блаженной сонной ленью,
Под музыку цикад
И с легким, сладким головокруженьем
Утонешь в облаках.

Клавдия Пестрово

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

В малиновый веселый день,
Когда в душе цветет сирень
Идти по улице шумливой
И, сердцу подпевая в лад,
Читать все вывески подряд,
Бредя блаженно и лениво.

Средь синеватых льдистых глыб
Увидеть изумленных рыб
И покрасневшего омара.
Вбежать в фруктовый магазин,
Где золото, как апельсин,
И продавец (совсем не старый !)

Протанцевать на променад,
Где старички уселись в ряд
И улыбнуться им, ликуя.
Сбежать на берег золотой,
Где как орган гудит прибой
И скалы вторят : Аллилуйя !

И вдруг понять язык примет :
(А черный цвет ? . . Но яркий свет
И ледяные блески рая !)
И прыгнуть в белую кипень,
И пить великолепный день,
И залпом, и бегом . . . до края.

Клавдия Пестрово

СТАРЫЙ МОНАСТЫРЬ

Тут бились янычары падишаха
И генуэзцы резали и жгли.
Теперь здесь мир и розы зацвели
Трудами неизвестного монаха.

Заросший портик погружен в нирвану.
Латыни вязь над стрельчатым окном.
В зеленоватый, стертый водоем
Вода, журча, стекает из фонтана.

Века прошли. Волненья пережиты.
Прижился плющ у старых колоннад
И легкие ступни лесных дриад
Тревожат ночью мраморные плиты.

А днем — монахов, отстоявших требу,
Проходит молчаливый, строгий ряд
И, мягкокрыло, ласточки летят,
Косыми взлетами, в глубины неба.

Клавдия Пестрово

⁂

Пели жалобно трубы. Хоронили героя.
Колыхались знамена, в галунах и шитье.
Трубы пели о хладном могильном покое.
И смеялося солнце на их медном литье.

Музыкантов, свистя, провожали мальчишки,
Развивалась вдоль улиц кортежа спираль
И, вполголоса, люди обсуждали делишки,
Сохраняя на лицах, прилично, печаль.

— Посмотрите, вон Мэри . . .
— Привезли из Кореи . . .
— Понесла же нелегкая ! . . .
— Это новый седан ? . .
— Тыщу триста ! . .
— Женатый ? . .
— Ах, хотя бы скорее ! . .
— Да, сегодня же скачки ! . .
— Кто вам делает план ? . .

И вставали трамваи и автомобили
В неподвижно-притихший почтительный ряд
И, казалось, что тот, кого дважды убили,
Принимал, проезжая, молчаливый парад.

Клавдия Пестрово

СТАРУШКЕ У ЦЕРКВИ

Сгорбленная, с палочкой,
На затылке волосы,
Седенькие, собраны
В жиденький пучок.
Спрашивает всякого,
Дребезжащим голосом,
Как проехать к станции ?
Ей-то невдомек.

Отыскались добрые,
Усадили старую.
Села — беспокоится,
Может, уж слезать ?
Что-то толковала ей
Спутница поджарая,
Только не по-нашему,
Где тут разобрать ?

Все тут не по-нашему —
Ветры, не прохладные,
Полыхают, жгучие, —
Сникла вся трава !
— Прогневили Господа,
Наша жизнь неладная —
И трясется старая
Горько голова.

Скоро, скоро старенькой
Примет Бог моления.
Ветер переменится
И приснится ей :

Клавдия Пестрово

Словно там, под Пензою,
В тихом дуновении,
Ветви закачалися
Липовых аллей...

Радость, яркой молнией,
Спалит сердце хрупкое.
Холм над ней воздвигнется
Из чужой земли.
Но душа — опустится,
Легкою голубкою,
Там,
где липы, в юности,
Сладостно цвели.

КИРИЛЛ ПОМЕРАНЦЕВ

(Франция)

НА ДОРОГАХ ИТАЛИИ

Опять на дорогах Италии :
порывисто дышит мотор.
Флоренция, Рим и так далее,
Неаполь, миланский Собор . . .

Блаженствует вечер каштановый,
над Лидо в полнеба закат, —
совсем, как в стихах у Иванова, —
сгорает и рвется назад.

Но мне ли теперь до Венеции,
до кружев ее базилик,
когда, оборвавшись с трапеции
в бессмыслицу, в старость, в тупик,

я вижу : в конце траектории,
на стыке дорог и орбит, —
огромное небо Истории
последним закатом горит.

РИМ

На площади, перед Собором,
июльский зной не растворим, —
ложится медленным узором
на горизонт вечерний Рим.

Не так ли святотканной сетью,
перегоняя ночь и день,
ложилась на тысячелетья
его апостольская сень ?

Теперь же в бронзовом закате
лишь тени зыбкие дрожат,
и о другом апостолате
пророчит медленный закат :

О том, что сумраком незримым
горящий Запад озарен,
и Первый Рим пред Третьим Римом
в священном трепете склонен.

НА ЭТАПЕ

Если лопнет передняя шина
или тормоз на спуске сгорит,
и слепая стальная машина
в побежденное время влетит, —

пусть застынут в легчайшем виденье
луг зеленый и синяя твердь,
потому что последним мгновеньем
побеждаются время и смерть.

Кирилл Померанцев

ФЛОРЕНЦИЯ

Мне бессонница,
                    мне не лежится.
Канителятся мысли гурьбой.
Израсходовав все заграницы,
я не знаю, что делать с собой.
За окном флорентийское небо
и на нем петербургский рассвет...
Мне бы горсточку радости,
                              мне бы
двухцилиндровый мотоциклет!
Чтоб в бессонницу,
                    в небо,
                              в Италию,
в Петербург,
               в Петроград,
                              в Ленинград,
и, так далее,
               и так далее...
через дождь,
               через снег,
                              через град —
прокатить бы по шпалам Истории,
по тому, что еще впереди:
по ее винтовой траектории
в побежденное завтра войти.

Чтоб из завтра взглянуть на Флоренцию,
на сравнявшийся с небом рассвет.
На полеты,
бунты,
конференции

наших кибернетических лет.
...Мне не спится.
Мечты колобродят,
за окном все забито весной :
там огромное солнце восходит
над моей легендарной страной !

Кирилл Померанцев

НЕАПОЛЬ

Над блоковскими ресторанами,
над джазом в радужном порту,
ночь кувыркается рекламами,
играет в звездную лапту.

Куда деваться от Италии ? !
Вот если б только, да кабы —
уйти, сбежать от вакханалии
своей же собственной судьбы . . .

А я мечтаю о Неаполе,
кочую от кафе к кафе,
стараюсь разобрать каракули
неоновых аутодафе.

Так явь становится безумием,
спиралью, радугой, витком
над треугольником Везувия
в прохладном воздухе морском.

Кирилл Померанцев

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Солнце, море,
мечты и дороги...
Гулкий сумрак резных кампанил :
счастье было совсем на пороге,
в дверь стучалось.
Но я не пустил.

Мимо ! Мимо !
Мелькают пейзажи,
задыхается мотоциклет.
Ветер вскинется, грудью наляжет,
отшвырнет фиолетовый след.

И невольно глаза закрывая :
сто,
сто двадцать,
сто сорок !
А вдруг ?...
Над Венецией ночь кружевная
начертила серебряный круг.

Захлебнулась неоновым блеском,
провалилась сквозь тысячи лет,
и на утро проснулась на Невском,
поджидая февральский рассвет...

Так, под нервную дробь ундервуда
возникают былые года,
появляются из ниоткуда
и, срываясь, летят в никуда,

исчезая кривым силуэтом
за мазками оранжевых крыш.

Под косым электрическим светом
вижу стрелку и надпись :
ПАРИЖ.

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

(Франция)

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...

И сгинет в тумане белый камыш,
И дрогнут домов предплечья,
И будут смотреть с пылающих крыш
Пустые глаза человечьи, —

В последний раз разольется река,
Взлетят берега шальные,
В последний раз о стол кабака
Ударят кружки пивные,

В последний раз прозвучит засов,
И в звоне стихнут снаряды,
И смерть сойдет с городских часов
Просить у жизни пощады.

⁂

В легком воздухе недозрелом,
Огороженном тишиной,
Торопливо ласточка пела,
На мое садилась окно.

Припадала к стеклу обманному,
От лучей его без ума,
И чирикнув по-иностранному,
Уносилась в синий туман.

И в ответ голосами птичьими
На горе гремела сосна . . .
И текла, текла вышина —
В отрешенности, в безразличии —
На границе яви и сна.

⁂

Тяжело, что явленья так странно похожи,
А поездки и встречи не двойники ль . . .
Я вернусь и узнаю о бывшем все то же,
Растревожат опять глухие звонки.
Встанут те же несчастья — всегда наготове,
Те же радости мелким затянет песком,
Так же будут взлетать утомленные брови
На измятом и старом лице городском.
От вагонов и где-то синеющих палуб
Только накипь душе сохранить суждено.
Если б знала, что все это — тема для жалоб,
Если б знала, что выйдет одно на одно,
Разве я уезжала б !

*
**

Я город наколдовала,
Туманный город — ничей,
Где облачные кварталы
В трехцветной сетке лучей,

Где спят огни под золою,
И встречных ветер глушит...
О город, ставший стрелою
На карте пыльной души!

Он здесь, далеко и близко,
Во мгле потаенный свет, —
Высокое Сан-Франциско,
Куда мне дороги нет!

*
**

Солнце забавлялось и рябило,
Обдавало брызгами весло,
Чистым светом берега кропило...
Вдруг оно вершины закруглило
И за горы ночевать ушло.

Помутнели утлой лодки ясли,
Помрачнела неба полоса,
Как-то сразу, гордые, погасли,
Выцвели крутые паруса,

И кусты в садах зашелестели,
И земля окуталась травой...
День притихший брезжил еле-еле
Из-за дымной тучи меховой.

***

Зимний день скользнет бесповоротно
В тонкую заоблачную щель —
Снова сумрак, серый и бесплотный,
Снег и снег и темная капéль.

А былое — мимо, мимо, мимо,
Многозвонный бег его умерь, —
Нет страстей и снов неповторимых
И незаживающих потерь.

И шаги знакомые утихли,
И вдогонку ветер не вздохнет
У своих, у наших, у чужих ли
Кованых кладбищенских ворот.

София Прегель

БРЕТОНСКИЙ ПОРТ

На землю скучную в прибоя пенной влаге
Он выброшен. Волна еще грозит.
Качают бризы паруса и флаги
И домиков цветные жалюзи.

Он бурей набегающей расчесан,
Он подметен заботливым крылом.
Сидят круглоголовые матросы
За низким и некрашеным столом.

Бретонский порт, в его названье длинном
Протяжное дыхание трубы
Над бесконечной водяной равниной !
Там рыбаки, как прежде, спор старинный
Ведут, насупив низенькие лбы.

София Прегель

В ПИРННЕЯХ

В снегу утоптанном скрипели
Мои шаги. Стучал мороз.
Вороны на крестах галдели.
Стояли сумрачные ели
В кругу задумчивых берез.

Бежали улочки кривые
В полуденную синеву.
Мерцали ясли восковые
В картонном ледяном хлеву.

Под гулкою церковной сенью
Дискантов помню птичий крик
И органиста умиленье.
Его по тихим воскресеньям
Крахмальный строгий воротник.

ЕВГЕНИЙ РАИЧ

(США)

***

Зачем не жил я в дни, когда проснулась
Ты, Душенька, Ленора, Лалла Рук,
О Муза русская ! Когда горячих рук
Лицейских юношей твоя рука коснулась.
Прелестная, невинная Людмила,
Узнав любви мучительную власть,
Курчавому арапу подарила
Ты первую девическую страсть.
Марией, Машенькой, а чаще — бедной Таней
Любовнику в ночи являлась ты,
И жар твоих язвительных лобзаний
Он пил среди *неверной темноты*.
Но за тебя он принял Гончарову,
И Черной речкой кончилась любовь ;
Тебе остались ранний траур вдовий
И Пушкиным разбуженная кровь.
Ты стала женщиной — прекрасной и надменной,
Княжной, графиней ; в светский маскарад
Тебя увлек поручик озлобленный
И в даль увез заезжий дипломат.

Но век златой других веков короче :
Едва родясь, уже кончался он ;
Пусть многим ты свои дарила ночи —
На их устах рождался только стон.

Евгений Раич

Серебряный сентябрь за августом палящим !
На лозах высохших — душистые плоды !
Жрецов на башне и бродяг гулящих
Изысканным стихам учила ты.
Но был один, чьи спутанные речи
Тебя пленили, снежная Кармен ;
Он в синий плащ твои закутал плечи,
Увел тебя в свой соловьиный плен.

Но залп Авроры раскатился громко,
И в мертвом городе, на стынущей Неве,
Оставил он, Фаина, Незнакомка,
Тебя, как Катьку, с пулей в голове.

А все, что сберегла в смертельной вьюге,
Последние, осенние цветы,
Ты отдала единственной подруге,
И радостной, и горестной, как ты.

⁂

Язвительный язык, что называет вещи,
Как сталь, аттическим отточенный умом,
И благовест в ночи, непостижимо-вещий,
Орга́на древнего косноязычный гром !

Начала и концы ; материи рожденье,
И эволюции замысловатый ход ;
Потом — состарившихся звезд самосожженье,
Аутодафе миров, времен круговорот.

А там — торжественна Нирвана созерцаний,
Там нет пространств и мест, мгновений и времен,
Местоимений нет, глаголов, восклицаний,
Там в вечном каждый миг бесследно растворён.

Ты — я, о мысль моя, хирурга скальпель острый!
Осколок вечности, душа моя, ты — я !
О как вас примирить, враждующие сестры,
Двусмысленность осмыслить бытия ?

1965

Евгений Раич

⁂

Тысячелетия рождались над землею,
Перекликаясь, в воздухе плыли ;
В осенний день так кличут журавли
На юг стремясь размытой полосою,
Над безразлично стынущей водою,
Что с камышом сливается вдали.

Бескрайно мертвые пустыни простирались,
Их покрывал удушливый туман,
Как теплый суп, дымился океан,
В нем первой жизни семена рождались,
Молекула с молекулой сцеплялись,
Как будто тайный выполняя план.

На берег гадины морские выползали,
Их солнце грело, ветерок сушил,
В предчувствии невероятных сил
Из плавников их крылья выростали,
Хрящ костью стал, и легким жабры стали,
Простор небес к полету их манил.

На лапы задние поднявшись, обезьяна
Увидела, кто прячется в траве,
И горизонт раздвинулся, и две
Руки освободились, чтоб с банана
Плод оборвать, и мозг орангутана
В мозг человека вырос в голове.

А вот теперь — тупик. Ревнивые как мавры
Мы задушили нежных Дездемон,
История кончается, как сон,
Нас давят окровавленные лавры.
Мы больше не нужны, как динозавры ;
Нам время уходить в провал времен.
А может быть . . .

АЛЕКСАНДР РОСТОВСКИЙ

(США)

Скорняк — взбудораженный ветер
Обходит пространств величины,
И петлями молний в просвете
Сшивает на небе овчины.

Уже поперек небосклона
Все в тучах бегут небеса, —
Бросают на волны Гудзона
Широких теней паруса.

И солнце в явлении разном
Проглянет сквозь тучи порою,
То желтым зажмурится глазом,
То красные веки откроет.

То снова нахмурится просинь,
Как будто бы тухнет свеча,
То вдруг, как булыжники бросит
По крышам железным стуча.

Стою под скоплением звуков
Рассеянно взором следя,
Пока мне на смуглую руку
Не брызнула капля дождя.

ВСТРЕЧА

Смотрю на сквер, на купола и в даль ту,
Откуда в город хлынули лучи . . .
Каштан листвой по теплому асфальту
Качает бликов белые мячи.

Фонтан легко подбрасывает кольца :
Привет тебе, нью-йоркская весна !
И руку бриллиантовую солнца
Я жму, протягиваясь из окна.

Александр Ростовский

⁂

Не знаю, не знаю, как быть мне,
Чем жить в этом уличном ритме.

Буравом бетонным моторы
Мне дергают нервы, как шторы.

Я шкаф распахнул слишком грозно,
Как будто схватившихся рознял, —

Срываю свой плащ, как афишу —
Взметнул кулаками и вышел.

А улицы в лужах и дрожи
Надулись зонтами прохожих.

Иду весь охвачен ознобом,
В каком-то угаре особом

И вижу — опять экскаватор,
Как тот долговязый оратор,

Развязно, на весь переулок,
Ворочаясь гаубичным дулом . . .

Я в лавку вбежал, как от града,
Чтоб замерла в ней канонада.

***

Крыжовника куст зябко ежится
И вянет в холодном соку,
Садовничьи тусклые ножницы
Ржавеют на сером суку.

Каштанов слезятся над грядками,
Над венами мертвой ботвы, —
Обвислые с желтыми пятнами
Широкие щеки листвы.

И двор по-октябрьски вылинял,
Лоснится заплатами луж.
Скамья одинокая, синяя
Поникла в бурьянную глушь.

Пришедшая осень не милует,
Все чахнет, скорбя перед ней,
Лишь ветер листвой тополей
Приходу ее аплодирует.

НИАГАРА

Вот он, как говорят, водоворот ;
С каким волнением надменным
На скулы камня, сброшенного в брод
Седой тюрбан наматывает пены !

То он причесан весь и светлорус,
То вдруг взлохматится и как попало
Крутым обвалом на гранитный брус
Лебяжье скатывает одеяло.

И спрыгивают волны с высоты,
Ломаясь ребрами в дымящей яме, —
Седо-зеленым скопищем воды
В береговой разглаживаясь раме.

Александр Ростовский

У ПРУДА

Утихла лиственная муза.
Уже и запад в бурой мгле,
И солнца лик, как пол арбуза,
Лежит, краснеет на земле.

Две ивы жадно опустили
Зеленых веток провода,
И воду тянут из пруда :
Безмолвно, будто бы застыли.

В тени железные скамейки,
Символизируя наш век,
А рядом в медной телогрейке
Стоит суровый человек.

ЕЛЕНА РУБИСОВА

(Франция)

ПЕЙЗАЖ

Пустырь на углу двух улиц,
Двух асфальтовых темных рек
(— Стикс и Сена), туманом курится
Средь столбов, уличных вех.

На земле осколки стекла, как звезды.
Весь в алмазах, блещет пустырь.
Две реки, неразлучные сестры —
Дни и Ночи — текут в надир.

На столбах объявленья о закрытье театра.
Где теперь актеры, короли на миг ?
Только бродит память моя, Кассандра,
Средь аллей запыленных книг.

Тонет шаг в асфальтовом улиц омуте,
Тонет в сердце памяти всплеск.
В пустыре (— сквозь окно потемневшей комнаты)
Лишь стеклянных осколков блеск.

ПРОЩАНЬЕ

Колокол бьет на церковной башне высокой.
Дети смеются в саду над рекою широкой.
В праздник одета осени даль золотая.
Утешимся — радостен птицы отлет.
Падают листья и туч надвигается стая.
Ветер холодный проснулся на горной вершине.
Опускает руки звонарь. Усталость прядет паутину.
Занавес скоро падет.
В путь готовясь неведомый, дальний,
Друзья, помедлим в сиянье улыбки прощальной !

ИРИНА САБУРОВА

(Германия)

⁂

Милый друг,
Видишь, как сужается круг ?

И не спросишь : « А помнишь то-то ? »
И не скажут : « А мы с тобой . . . »
Так же слушают — готтентота.
Интересно, но — мир чужой.

И всегда так было со всеми,
И, конечно, как смерть — не ново.
Где ж найти мне такое слово,
Чтобы в нем не звучало время ?

Дай мне руку, призрачный друг.
Видишь — наш сужается круг.

***

Вот теперь я вхожу в свой дом.
(Так приходит позднее счастье).
День сегодняшний, настоящий.
Может завтрашний — за окном ?
Он не первый — последний дом

Только прошлого нету в нем.

За порогом цветы и листья.
На пороге — тихие мысли.
Тишина, как редкое счастье . . .
День сегодняшний, настоящий,
Или завтрашний — за окном.
Он не первый — последний дом.

Только песни не будет в нем.

*
**

Как можно проще. Просто — до предела.
Чтоб в каждом слове помещался том.
Жила. Любила. Тосковала. Пела.
И строила. И корабли, и дом.

Пусть корабли уходят, чтоб вернуться,
(Хотя вернуться могут не всегда . . .)
А умираешь — чтобы там — проснуться.
Ну вот и все. Все хрупкие года.

Треск атомов, расщепленных, как люди.
Но есть и в одиночестве — покой.
Заранее приняв все то, что будет,
Быть в примиренной радости — одной.

И твердо знать, что свет — граница тени.
Раз в доме свет, тень ляжет на порог.
Без вывертов, а просто на коленях
Сказать : вот так. А дальше — судит Бог.

*
* *

А потом станет тихо в доме
И пусто в большом буфете . . .
И больше никто не вспомнит,
Что здесь я живу на свете.

И письма назад вернутся —
Адресат, извещают — умер.
Деревья над крышей согнутся —
Их тоже ветер ссутулит.

Делает человек, что может.
И вольно грешит, и невольно . . .
Может быть, милосердный Боже
Умирать позволит не больно . . .

КИРА СЛАВИНА

(США)

Все сказано и повторено,
А все же — земля не та.
Веками тропа проторена,
Отмечено — тут черта.

Переступать не следует,
За этой чертой — конец...
Но снова поэт беседует
О близости всех сердец.

За ним — облака барашками
И льдины плывут, скользя.
Пусть критики рубят шашками —
Так можно, а так нельзя !

Иной раз молчать приказано
И кто-то кричит : « Старье ! »
Все сказано ? Нет, не сказано. —
У каждого есть свое.

*
**

Это так не важно, что скажу я,
Это так не важно, как поймут.
Огорчаясь, плача, негодуя,
Подбираю бусинки минут.

Если б я могла поспеть за теми,
Кто оставит свой заметный след,
Кто спеша нанизывает время
На одну и ту же нитку лет...

⁂

Судьба сулила : Будет так . . .
И сбылось жуткое пророчество —
В моей гостиной полумрак,
Напротив в кресле — Одиночество.

Со мной безмолвный разговор
Ведет, с улыбкою невинною.
Я возмущаюсь — « Вы, как вор,
Как вор вошли в мою гостиную.

Мы не знакомы и теперь,
Не знаю имени и отчества . . . »
— « Вы сами мне открыли дверь » —
Мне отвечает Одиночество.

« Что-ж, оставайтесь. Я уйду,
Я спорить вовсе не намерена ».
— « Найду везде. Всегда найду » —
Мне возражает гость уверенно.

Я негодую — « Мой совет
Забыть угроз приём испытанный . . . »
Страницы книги недочитанной
Чуть слышно шелестят в ответ . . .

⁂

Не спрашивай меня, какой сегодня день :
Как вторник и четверг, проходит воскресенье.
Надежды больше нет, но говорит терпенье :
Еще одна ступень, еще о д н а ступень.

Заплакано окно . . . Опять апрельский снег.
Погибнет новый день в неравном поединке.
Я буду продолжать отстукивать свой век,
Отстукивать свой век на пишущей машинке.

Не спрашивай меня, какой сегодня день,
Не обнимай мои обиженные плечи.
Видения весны, как праздничные свечи,
И на пустой стене — причудливая тень.

Кира Славина

И бледною улыбкой улыбаясь,
С невестой так прощается солдат, —
Прощалось лето, как-то не решаясь
Окрасить ярким пламенем закат...

Так уходили прадеды и внуки,
Так замирает робкий стук дождя,
Так Швейцер, заложив за спину руки,
Устало улыбался, уходя.

И опять находить,
И опять терять . . .
И знать заранее
И не знать . . .
Искать в траве
И терять в снегу,
Пока не услышишь :
« Дай помогу ! »

Кира Славина

⁂

Я иногда забываю —
Все мы должны умереть . . .
Я хорошо понимаю —
Всё-таки нужно гореть,

Всё-таки нужно стараться
Что-то оставить другим.
Стоит ли нам сокрушаться ? —
Скоро и мы догорим . . .

Так, ведь, наверное надо
И всё равно почему.
Я даже кажется рада,
Что никогда не пойму.

ГАЛИНА СОБОЛЕВА

(Австралия)

ОСЕНЬ

В парке, где над озером белые мосточки,
Осень ходит медленно в желтеньком платочке.

Из ведерка с краскою брызнет на деревья,
И узор затейливый — прямо загляденье !

Тронет бледным золотом листья на березке
И осине горестной все осушит слезки

И добавит красного, также как и клену, —
Примелькался осени их наряд зеленый...

Кончит, полюбуется акварелью новой
И остатки выплеснет на лужок ковровый.

Но пройдет, не трогая горделивых сосен,
Легкою походкою золотая осень.

СТРАННИК

(США)

НАЧАЛО

Нежданное не наступает вдруг —
Оно не изумленье, не испуг,
Не растворенье перед красотой,
И только пенье истины простой.
Нежданные стихи всегда пиши
Всей легкой простотой своей души.

СНОВА УТРО...

Много жалости и милости
В бледном небо надо мной.
Надо жить без торопливости
В неизбежности земной.

Листьев нежная сумятица,
Как дыхание земли.
И все тайны мира прячутся
Легким облаком вдали.

QUO VADIS

Город древний, сделай милость,
Чтобы вместо всех наград,
Время здесь остановилось
И потом пошло назад, —

Чтобы тайных знаков Рыбы
Я нашел в тебе следы,
И апостолы прошли бы
Чрез остийские сады.

ПАТМОС

Здесь Иоанн свою пещеру,
Как землю новую обрел,
И из пещеры вынес веру
На крыльях медленных орел,
И все кружил над пеной белой,
И отлетел в свой Горний Град.
С тех пор на Патмосе закат
Стоит средь волн осиротелых.

РОЖДЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Так медленно идет на землю свет,
И воскресают мира очертанья,
И возникает жизни щебетанье,
Невинности неповторимый след.

Вся тайна мира в этом созреванье
Часов и дней, веков и лет,
Без жалобы, без самооправданья,
Без утомительных, пустых побед.

РОЖДЕНИЕ БЛИЗОСТИ

Много лет уже тому назад
Ты вошла ребенком в этот сад.
С солнечными липами цвели
Все цветы проснувшейся земли.
Дальше было море, а на нем
Золотым горела жизнь огнем.
Полюбила ты свой светлый сад,
Волны, что не плещут, а горят,
Тихих этих пчел, хранящих мед,
Яблоню, которая цветет.
Полюбила ты земной покой,
Раздвигала ветви ты рукой,
Золотистый мед себе брала,
На траве нетронутой спала.
Были дни просты и хороши,
Но не знала ты другой души,
Не встречала в мире никого
И не знала лика своего.
А потом как жизни новый свет,
Человека вдруг открылся след,
След еще одной земной души,
Зарожденной в небе и в тиши ;
Он рождался в золотом песке,
Возникал он песней вдалеке.
Ты не знала друга много лет,
И услышала его привет.
Он явился песней и волной,
В сокровенности своей земной .
И теперь ты больше не одна,
Жизнь другой души тебе дана,
И, в незримости ее любя,
Постигаешь ты, душа, себя.

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

В гостинице, где я живу,
Есть длинный коридор.
Там душам тесно, как во рву,
А сапогам простор.

У всех дверей они встают,
Как тень земных дорог,
И людям ночью не дают
Переступить порог.

Они без глаз и без ушей,
Собой не хороши,
Но мир ночной для них слышней,
Чем для земной души.

Пустынен коридор земли,
Все души тяжко спят,
А за дверями их, в пыли
Одни тела стоят

И ждут мгновенья своего,
Не мысля, не дыша ;
И всякий ждет, когда его
Пробудится душа.

А в небе медленный рассвет
И новой жизни час
Уже несут свой первый свет
Для неглядящих глаз.

РОССИЯ

Пролетела черная птица,
Сокрывающаяся в мгле —
Неизвестной страны граница
Всем далекая на земле.

Мы на родине. Но не судьи
У дороги встают земной ;
Только утреннее безлюдье,
Облака над новой зарей.

Мы идем, земли не тревожа,
Слов последних не говоря,
А вокруг родное все то же,
Этот лес, поля и заря.

Мы не ждем никого, не ищем.
Но вдали, где светел восток,
Над одной далекою крышей
Покосился живой дымок.

И для нас это утро сада,
Вдалеке чуть заметный дым . . .
Ничего иного не надо,
Пусть достанется все другим.

ГЛЕБ СТРУВЕ

(США)

***

Любить вблизи, любить издалека,
Ждать встреч и трепетать разлуки,
И твердо помнить рот, глаза и руки,
Но в именах запутаться слегка.

Скупых улыбок памятью пьянеть,
По улицам чужим бродить бездумно, —
И вдруг, наперекор сей жизни шумной,
Любовь в стихах заставить зазвенеть.

И сбросить груз быстротекущих лет,
И разорвать завистливые путы,
И, как скупец, опять считать минуты
Коротких встреч, незначащих бесед.

Глеб Струве

Руки небрежное касанье
И мимолетный беглый взгляд,
И снова в ночь несутся сани
И ели черные молчат.

А в небе звезд густая россыпь,
И ей навстречу снежный прах.
Любви непрошенная поступь
Звенит в несказанных словах.

И сердце умереть готово
(Ну что же, сердце, умирай —
Не все равно ли : ад иль рай !)
За взгляд, улыбку или слово,
Подаренные невзначай.

*
**

Все пройдет, как прошло уж когда-то,
Только легкий, струящийся след
От любви золотой и крылатой
Прочертит перегоны лет.

Я запомню : прогулки, беседы
И провалы молчаний глухих.
И ночные бессвязные бреды
Повторит мой прерывистый стих.

Ты уйдешь, но останется что-то,
Как осадок в стакане вина,
Как остаток рассветной дремоты
На исходе забытого сна.

В. СУМБАТОВ

(Италия)

ДВОЕ

(Из старокавказских мотивов.)

Поход. В ауле ржут нетерпеливо кони.
Из ножен вынул муж отточенный кинжал,
Надрезав им слегка себе и мне ладони
И, кровь свою с моей перемешав, сказал :

— Теперь твоя душа забыть меня не сможет, —
Ей этот шрам всегда напомнит обо мне !
Прощай, звезда моя ! Коль нам Аллах поможет,
Вернусь со славой я и с серебром к весне.

Не преданной женой, — влюблённой пылкой девой
Прикинулася я, когда прощалась с ним,
И не заметил он моей ладони левой,
Надрезанной вчера любимейшим — другим.

Вернётся кто из них ? Кто жизнь отдаст за славу ?
Молитва за двоих моим устам горька !
Пусть правая рука надрезана по праву,
Но ближе к сердцу левая рука.

В. Сумбатов

ПАМЯТИ ЮНОСТИ

С тобою, юность, я до срока
Расстался в черный год войны.
Хоть были крепко мы дружны,
Но дружбе не осилить рока.

Он разлучил нас в поздний час
В степи широкой, и в былое
Ушла ты узкою тропою,
Не поднимая светлых глаз.

Остатки солнечного жара
Гасила ночь, зарю прогнав,
Тревожил ветер струны трав,
И степь гудела, как гитара,

И чей-то голос пел вдали —
Лишь для меня, лишь мне понятно —
Что ты уходишь безвозвратно,
Что дни счастливые прошли.

В. Сумбатов

ВЛАСТЬ СЛОВ

Смыл вечер с неба пепел золотой,
Просыпавшийся из дневного горна,
Уплыли тучки в гору на постой,
И стало в небе просто и просторно.

А на земле... Но мысль уже не та, —
В плену у слов, она твердит упорно :
Какой союз — простор и простота !
Как прост простор ! Как простота просторна !

В. Сумбатов

ИОАНН ШЕСТОЙ

Окно высоко. Ладога туманна.
Туманен узника бездумный взгляд.
Из люльки — мимо трона — в каземат, —
Таков удел шестого Иоанна.

Он здесь давно живет под кличкой бранной —
Игралищем тюремщиков-солдат —
Без мысли и без чувства автомат,
Полумертвец с улыбкой постоянной.

Судьба здесь сказку начала с конца :
Здесь не Иван-дурак до царского венца
Дошел путем удач или обмана, —

Судьбы неотвратимая рука
Здесь превратила в куклу, в дурака
Несчастного царевича Ивана.

КРЕСТЫ

Христос и два разбойника — кресты
Голгофские над городком в Тироле,
И у подножья трех крестов — цветы . . .
Кто их собрал внизу в лесу и в поле ?

Кто равными пучками положил
Их ко крестам ? Что думал в те мгновенья
Он о Голгофе ? И о чем просил —
О счастье ? О прощенье ? О забвенье ? . . .

Ответов нет. Ответы не нужны.
У каждого из нас свои ответы,
Свои кресты, и все они равны . . .

Ко всем крестам кладу мои букеты.

В. Сумбатов

ПАМЯТИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Одна, ни с кем не схожая,
Несхожеством горда,
Дорогою прохожею
Не шла ты никогда,

Ты видела и слышала
По-своему всегда,
Своим узоров вышила
Пролетные года ;

К укорам равнодушная,
И в дружестве трудна,
Одной себе послушная, —
Осталась ты одна,

И не стерпев изгнания,
Домой вернулась вдруг,
Но там нашла страдания,
Веревку, стул да крюк,

И в петле непреклонная
Склонилась голова,
И смолкли самозвонные
Ударные слова . . .

В. Сумбатов

СИЦИЛИЯ

Б. К. Зайцеву

Ворвался поезд в утренний покой
Лимонных рощ, магнолий, пальм, акаций,
И кто-то за окном уверенной рукой
Передвигает планы декораций.

Обманут глаз, — как будто мы стоим,
А за окном природа вся в движенье : —
Ряды деревьев там сквозь паровозный дым —
Шеренги войск в маневренном сраженье.

Потом — утесов ряд, туннеля тьма и гул,
И снова жаркий блеск сапфирового неба
И красок ослепительный разгул,
И снова дантовский гудящий мрак Эреба.

Но кончился туннелей черных ряд,
Утесы отошли на задний план направо,
Под ними — пышный сицилийский сад,
А слева — моря блещущая слава.

Еще немного, и пути конец,
В душе восторг какой-то беспредметный...
Из ярких облачков торжественный венец
Сплетается над величавой Этной.

В. Сумбатов

ФЕТОВСКОЕ

Сияла ночь, и сад стихами Фета
Шептал луне о радостях весны,
И становился ярче лик луны
От нежных слов любимого поэта.

Серебряным казался старый дом,
Распахнуты все окна были в зале,
И из него мелодия печали
Переливалась тоже серебром.

Ты, вырвавшись из будничного плена,
Сошла к роялю в полутемный зал,
И с тонких пальцев капал и сверкал,
Как слезы под луной, ноктюрн Шопена.

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР

(Франция)

Твой чекан, былая Россия,
Нам тобою в награду дан.
Мы — не ветви твои сухие,
Мы — дички для заморских стран.

Искалеченных пересадили,
А иное пошло на слом.
Но среди чужеземной пыли —
В каждой почке тебя несем.

Пусть отростков от нас не будет,
Пусть загадка мы тут для всех —
Вечность верных щадит, не судит
За святого упорства грех.

Исхоженные рытвины твои,
Проселочная робкая дорога,
Пучки травы, причуды колеи,
Мне дороги неспешностью пологой.

Ведь сохраниться только тут могли
Сарайчики, впадающие в детство,
И с ними липа — чудо той земли,
Прадедушкино пышное наследство.

Она расскажет мне, под птичий гам,
Про перелетов строгие уроки
И мы разделим с нею пополам
Все страхи остающихся, все вздохи.

И легкий лист на руку упадет —
Ее слеза закатно-золотая,
И будет легче мне идти вперед,
По выбоинам бережно ступая.

В двух шагах от меня, у дороги,
Осень табором стала опять.
Как цыганка стоит у порога,
Хочет мне по руке погадать.

А о чем нам гадать с листопадом ? —
Днем сегодняшим счастливы мы.
Над судьбой завершенной, над садом
Веют вестники близкой зимы.

***

Огоньками придорожных маков
Озарен смоковницы шатер.
Хорошо бы на траву, с размаху —
В шепчущий и шелестящий хор.

Но тропинка вьется мимо, мимо.
Пятикрылых листьев не тяни !
Что тебе мелькнувшей встречной имя ?
Что ее подкошенные дни ? !

Пустырек твой, как заленый остров.
Скоро все застроют пустыри.
Завистью бессонною и острой
Заболели к макам фонари.

И пройдет здесь улица предместья,
Унесут зеленые шатры.
Именами мертвыми окрестят
Вольный склон горы.

⁂

Лишь первозданное, простое —
Деревья, воды и холмы
Незыблимо стоит и сто́ит
Поклона, памяти, хвалы.

Во дни обид, во дни потери
Ценить научится душа
Бесхитростную ласку зверя,
Приют первичный шалаша

И утра росное касанье,
И шопот ивы — прасестры —
Дары, что нам даются втайне...
О, неприметные дары !

⁂

Ту чашу синюю залива
Не выпить и не расплескать
Одним рывком, одним порывом,
Когда тоска, когда в тисках.

Она ничьей не станет данью,
Она, как дар, порой дана
Лишь отреченью, созерцанью —
Глотком лазурного вина.

⁂

Окно выходило в чужие сады.
Закаты же были, как вечность, ничьи —
Распахнуты Богом для всех.

И думал стоявший в окне человек :
« Увянут сады, но останется крест
Оконных тоскующих рам

И крест на могиле твоей и моей,
Как память страданья, как вечная дверь
В распахнутый Богом закат. »

***

Лицо — послушная глина.
Всю жизнь мы лепим себя,
Пленясь образцом старинным
В большой мастерской бытия

Иль вовсе ничем не пленяясь,
Лишь глядя со стороны,
Как ты или я меняюсь
От этой до той весны,

Пока то любовь, то злоба,
Как будто взмахом резца,
Кладет отпечаток до гроба
В улыбке, в морщинах лица.

Когда же года и потери
Источат, изрежут лик, —
Смерть — мастер среди подмастерьев —
Положит последний штрих.

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

(Франция)

***

Проснешься глубокою ночью
И слушаешь тишину
И странно увидеть воочью
Нежданную эту весну.

Вся в звездах и в лунном сиянье
И счастьем безмерным полна
Приходит опять на свиданье
Летейскою тенью она.

Памяти Александра Гингера.

Пролетит над полем теплый ветер,
В розовых лучах взойдет заря —
Это Бог на твой призыв ответил,
Языком бессмертья говоря.

А душа твоя — в преддверье рая,
В свете несказанно голубом,
В пламени как Феникс не сгорая,
Помнит ли о нашем, о земном ?

ЗИНАИДА ТРОЦКАЯ

(США)

⁂

Улетали самолеты за море,
Двигались по рельсам поезда
И на белом неподвижном мраморе
Кто-то четко высек : Никогда !

Никогда ! Дорога вьется дальняя
И грохочет на небе гроза.
С каждым днем на мир глядят печальнее
Чьи-то удивленные глаза.

Никогда ! А жизнь уныло тянется,
Словно нераспутанная нить.
Сыщет ли растерянная странница
Пристань, где бы голову склонить ?

Зинаида Троцкая

*
**

Проходят годы, месяцы, недели —
Часы бормочут « Тик » да « Так » . . .
Устали мы. Поблекли. Постарели.
И все не то. И все не так.

Стремимся с детства к лучезарной цели —
Нас издали влечет маяк,
Но жизнь прошла. Мы только постарели —
И все не то, и все не так.

Зинаида Троцкая

⁂

Сегодня луна украдкой
Ко мне заглянула в окно . . .
Мы знаем, что все загадки
Разгаданы миром давно.

И все же мы часто ищем
Каких-то неясных проблем.
Во тьме беспомощно рыщем,
Не зная, к чему и зачем.

Потери и неудачи
Нас ждут за углом, что ни час.
А сложные все задачи
Судьбой решены без нас.

Зинаида Троцкая

РОМАНС

Расскажи мне по новому
О далеком, о старом,
Не по плану готовому,
Вторя громким гитарам.

Без огней, без шампанского,
Без стремительной пляски,
Без напева цыганского,
Без конца, без развязки,

Расскажи . . . Не настраивай
Струн умолкнувшей скрипки.
А потом . . . Не настаивай
На прощальной улыбке.

⁂

Возможно ли, что я забуду
Все то, чем жизнь была полна
И перестану верить чуду ?
Не дозвенев, замрет струна

И станет чуждым зов весенний
Апрельского живого дня,
Багряным блеском лес осенний
Не околдует вновь меня.

Бесстрастно будут снова реки,
Как мысли, от истоков течь,
А я уйду туда навеки,
Где не звучит людская речь.

ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

(Германия)

I.

Безразличны были слова —
Было их три или два...

Черный дым из фабричных труб.
Складка у бледных губ.

Шорох опавшей листвы.
Мы уже были « на вы ».

II.

Чтоб описать этот пейзаж
Не поднимается карандаш —

Черные пни, горелые ветки
Возле пустой беседки

И над этим желтый закат...
Я сам во всем виноват,

Что скрестились здесь все дороги,
Я — уставший, темный, убогий.

⁂

Как же дальше быть теперь ?
Распахнулась в горе дверь,
В горе и непониманье.
Если б это знать заране !

Опускается луна
Вялым ломтиком лимона.
И качается сосна
Ветром северным пьяна
С легким скрипом, с тихим звоном.

В свете завтрашнего дня
Ветер синий, ветер снежный.
И вопрос, что жег меня,
Стал загадкой безнадежной.

Юрий Трубецкой

* * *

Так было, что не числил я
Спокойных, светлых дней
Под кровлей скромного жилья
В той комнате моей,

Где в каждом, тихом уголке
Лежал спокойный свет,
И места не было тоске
На много, много лет.

И солнца нежный луч глядел
В окно до первых звезд,
И старый клен в саду шумел
И пел веселый дрозд.

***

Прощанье ? Наверное — да.
Утрата ? Конечно, утрата.
Там — трубы и гавань Кронштадта,
Дорога травою измятой
Вела . . . А вела в никуда.

И вот петербургское небо
И странствия ветер подул.
Что было — осталось как небыль
В моем облетевшем саду.

Там астры и черные грядки,
И боль мне уже не больна . . .
И ветер забвения сладкий
Как эта чужая страна.

Юрий Трубецкой

⁂

Сначала — черная вода
И пена под мостом.
Потом — бежать, бежать. Куда ?
Родной оставить дом . . .

И, прежде тихий, Летний Сад
Стал грозным, шумным стал.
Так — сорок лет тому назад,
И в памяти провал . . .

И нет возврата. Резкий крик
Над полем воронья.
Куда забрел ты, мой двойник,
Темна судьба твоя !

О, злое сердце, почему
Иное ты твердишь ?
Ты задыхаешься в дыму
И в пламени горишь !

Не убежишь ты никуда.
Война. Орудий гром.
Нева. Холодная вода.
И пена под мостом.

Юрий Трубецкой

⁂

памяти В. П.

Что в утешенье тебе скажу ?
Разве вместе поплачу ?
До ворот тебя провожу,
Что-нибудь скажу наудачу.

Наудачу . . . Сто тысяч верст.
Солнце низкое. Чортов холод.
Таежный ветер колюч и черств,
А еще колючее — голод.

Помню красных вагонов лязг,
Корку мерзлого хлеба.
И с мильонами острых глаз
Неумолимое небо.

Юрий Трубецкой

* * *

Перечеркиванья, приписки
Красным карандашом . . .
Разве всё это близко,
Как во сне, как в бреду потом ?

Лежала дорога под снегом,
Новый месяц был розоват,
И казалось нездешним небо,
И райским виденьем сад.

Помнишь легкие тени
И листвы облетевшей запах ?
Обманные разуверенья
И рано погасший запад ! ?

Помнишь неточные рифмы
Давно устаревшей книжки
Пришедшей из Парижа
И оказавшейся лишней ?

Помнишь горькое пиво
С солеными крендельками,
Далекого смеха взрывы,
Помнишь дорожный камень
На который мы сесть боялись ?

И так долго, долго терялись
Далекой музыки звуки,
Певшей нам о разлуке.

1965

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

(Франция)

*
* *

Кровь да кровь. Довольно крови.
Мы и так уже в крови,
И в своем казачьем слове
Ты другое назови, —
Что-то главное, такое
Отчего в душе светлей ;
Поднебесье голубое
Станет вдвое голубей
И на самом дальнем небе,
Соберя святых в чертог,
О земном насущном хлебе
Призадумается Бог,
А в земной печальной шири,
В муках, в рабской нищете,
Все подумают о мире,
О любви и о Христе.

⁂

Был мальченком. И тетка старуха,
Казачьей гордясь стариной,
Проколола мне левое ухо
Тмутараканской серьгой,
Рассказав о серьге Святослава,
Про Саркелы — хозарскую быль —
Что лежат по-над Доном направо,
Где теперь лишь полынь да ковыль.
Не такая ль попала татарам,
От татар перешла к казаку
И досталась ахтырским гусарам,
Да второму Донскому полку.

⁂

Покидал я родную станицу,
На войну уходя наконец.
На шипы подковал кобылицу
У моста наш станичный кузнец.
По иному звенели подковы.
И казачки глядели мне вслед,
И станица казалася новой
Атаманцу семнадцати лет.
Казаки, расставаясь, не плачут,
Не встречают разлуку в слезах.
Что же слезы внезапные значат
На веселых отцовских глазах ?
Почему материнские руки
Так дрожат, холодея как лед ?
Иль меня уже смерть на поруки
Забрала и назад не вернет ?
Ах, отцовские горькие думы,
В полумертвом спокойствии мать !
Я в свои переметные сумы
Положил карандаш и тетрадь.
Это ты, — еще детская муза, —
Уезжала со мною в поход.
И, не чувствуя лишнего груза,
Кобылица рванулась в намет.

*
* *

Сотни лет ! Какой недолгий срок
Для степи. И снова на кургане
У своей норы свистит сурок,
Как свистел еще при Чингиз-хане.
Где-то здесь стоял его шатер,
Веял ветер бобылевыми хвостами,
Поднебесный голубой простор
И костров приземистое пламя.
Приводили молодых рабынь,
Горячо пропахнувших полынью ,
Так, что даже до сих пор полынь
Пахнет одуряюще рабынью.
Тот же ветер. Тот же свист сурка
О степном тысячелетнем счастье,
И закатные проходят облака
Табуном коней священной масти.

*
* *

Как молния ночь озарила,
Так все освятила любовь . . .
Еще не просохли чернила
Моих неокрепших стихов,
И вот, как без зерен солома,
Становятся эти стихи,
Грузнее железного лома,
Как щебень мертвы и сухи.
И вот, я уже им не верю,
И, ненавидя, страшусь . . .
Никто не разделит потерю,
Ни с чем не сравнимую грусть.

***

Читаю историю Рима.
Никто ее толком не знает.
Полдневное солнце пылает,
Как раньше, неукротимо.
Над Римом, над миром, над нами
Пылает полдневное пламя.
Триумфы. Арены. От гула
Оглох на песке гладиатор,
А в ложе сидит император,
Какой-нибудь там Калигула,
Кому-то пришедший на смену,
Устало глядит на арену.
И все победила усталость.
И вот, ничего не осталось.
Какое-то римское право,
Какая-то смутная слава,
Какая-то грусть, но не жалость.

Мне дочь принесла ежевику,
Богат ею маленький остров,
Куда мы приехали просто
Для ежегодних каникул.
И, легче случайного дыма,
Исчезла история Рима.

БОРИС ФИЛИППОВ

(США)

Да, вот так. Мы будем жить на свете
Никому неведомым быльем :
Перед кем, за что нам быть в ответе,
Нам, покинувшим навеки дом ?

Пустота немыслимой свободы,
Отвлеченных дум живая речь . . .
Что сберечь нам, пасынки природы,
Что для смутной вечности сберечь ?

Горечь беспредельной вольной доли
И уют любимых женских плеч,
Светлый всплеск любовной острой боли,
Страстью захлебнувшуюся речь.

Вот и все. Как беспредельно много ! —
Только нищий ласке хлеба рад.
Восхвали же Всеблагого Бога
За Его репьем заросший сад.

⁂

Шелестящий, шевелящий,
Обрывающий, свистящий —
Уцелеть бы, уцелеть !

Дождь сечет, сбивает ветер :
Неприветливо на свете :
Дай хотя б взлететь !

Мы в лохмотьях, мы в охлопьях,
В оборванцах и холопьях
Только бы не смерть !

С воробьями под карнизом
Понахохлившись сидеть, —
То ли верхом, то ли низом,
Грязнобурым, мокросизым, —
Но не умереть . . .

Борис Филиппов

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Серебряные трубы
И медные рога,
И шелковые губы
Страстного Четверга.

И свечки, свечки, свечки
На бархате ночном,
Как огоньки на речке,
Как дальний отчий дом.

И привкус чуть с горчинкой
Сушеного гриба, —
Весенняя начинка,
Березок худоба.

И вешние сережки,
И медные рога,
И холодок внарошку
Страстного Четверга . . .

Борис Филиппов

ИЗ ОКНА ВАГОНА

1.

Как ежик для мойки посуды
Вонзается веток голье.
Нахохленных птиц пересуды.
Полощется ярко белье.
Прозрачно, морозно и хватко...
С веревок срывает его
В подоткнутой юбке мулатка,
Толстуха, улыба, зазнайка,
Повидимому — молодайка,
Хозяйка двора своего.
Как бубен белье в подморозе,
В нем ветер бродячий бубнит,
В стихах и в восторженной прозе
Долбит черномазый бандит.
Снимает белье молодайка,
Синеет белков белизна,
На крыше, очнувшись от сна,
Нахохлились птицы...

2.

Клейкой клятвой пахнут почки...
Мандельштам.

Сладким клеем брызжут почки,
В лужах сколки солнца,
Ива в вышитой сорочке
Около оконца.

А оконце не простое :
Из лесу к заливу.
Солнце блекло-золотое
Гладит девку-иву :

— Наливайся, девка, соком,
Косами склоняйся,
Не гляди прозрачным оком,
Парням улыбайся...

Ну, а ива... Эх, плакида !
Косы опустила.
Глазки сщурила для вида —
И совсем застыла.

3.

Плиты нужные завода,
Поросль чахлая меж плит...
Сиротливая природа —
Безаконность и свобода,
Своеволье нас целит.

Из расщелины бетона
Желтый пламенник цветка:
Как, весна, ты беззаконна,
Как, законность, ты жестка!

Борис Филиппов

*
**

Игрушки, подружки Петрушки,
Гармошки простуженный скрип . . .
Петрушка в объятьях Простушки —
И страсти надорванный всхлип . . .

Веселый припев Запевалы,
Под ветром полотнище ширм,
От крови Петрушкиной алы
Кинжалы игрушкиных фирм.

На ширму упала Капрала
Соленая длинная тень, —
Влачится устало и вяло
Осенняя синяя сень.

Целуй же Петрушка Подружку ! —
Осенняя песнь зазывал . . .
Обманывай смерть, как простушку,
Под взвихренный треск покрывал . . .

КОНСТАНТИН ХАЛАФОВ

(Австралия)

Блаженных слез бесценный дар
Под старость дал мне добрый Гений,
И вдохновенья юный жар,
И свежесть новых впечатлений.

На музыки любимый зов,
На звук воды, в камнях журчащей,
На шелест леса, ритм стихов,
На яркий луч в зеленой чаще —

На все теперь душа в ответ
Дрожит эоловою арфой,
Зажегшись вдруг, как самоцвет,
Марией становясь из Марфы.

Константин Халафов

⁂

Как горный пенистый поток,
Душа кипела и бурлила ;
Но минул молодости срок,
Она затихла — и застыла.

И стала глубь ее видней,
И ил осел на дне неровном,
И мир Твой отразился в ней,
Как в чистом зеркале огромном.

⁂

Блокнот — и в нем, на маленьком листе,
Стихи летят спешащими строками...
Да, я стоял на этой высоте,
И радугу я видел под ногами.

И я ли нынче корчусь здесь в пыли
Обид и гнева, мелочных терзаний, —
Тот я, кто слышал музыку Земли
И серафимов чувствовал касанья ?

Константин Халафов

ШЕРБРУКСКИЙ ЛЕС

1. PICNIC GROUND

В небе непрозрачно-голубом
Блещут горных ясеней вершины
Матовым чеканным серебром.
Птица-лира кличет из долины.
Я разлегся на скамейке длинной,
Вверх гляжу, и знаю — здесь мой дом.

Здесь светло, приятно и прохладно.
Ходит по площадке шоколадной
Попугаев бодрая семья.
Снизу, где блестит среди расселин
Папоротников древесных зелень,
Слышен лепет медленный ручья.

Где они — болезнь, тоска, тревоги ?
В жизни редко думал я о Боге.
И зачем мне думать ? Все равно,
Мыслью не постичь и не измерить
То, во что я начинаю верить :
Что душа, и лес, и Бог — одно.

2. НОЧЬ РОЖДЕСТВА

Молчаливый, сверкающий звездами лес.
Великаны-деревья чернеют кругом.
Мы стоим у истока предвечных чудес,
Мы впотьмах забрели в Божий дом.

Это ночь Рождества. Все молчит. Все молчат.
Не слыхать ни ручья, ни зверьков, ни совы.
Лишь огромные звезды, мигая, сквозят
В черных пятнах висящей листвы.

Горный ясень — нам елка, и лес этот — храм,
Звезды — свечи, ночная тропинка — наш дом.
И звезда, что когда-то сияла волхвам,
Нам горит за громадным стволом.

Константин Халафов

3. У ГНЕЗДА ПТИЦЫ-ЛИРЫ

Мы с тобой одни, моя жар-птица.
Зеленеет мох на мокрых пнях.
Мимо нас, шумя, поток стремится
И, ломаясь, пенится в камнях.

Бледный луч травинки размечает,
И, переливаясь, как звезда,
Капелька алмазная сияет
На подмокшем прутике гнезда.

Вот зажглась оранжевою точкой,
Вот другая вспыхнула огнем . . .
Медленно шагая по листочкам,
Луч обходит дерево кругом.

Лес продрог, и пар идет порою
Из гнезда, прилипшего к скале.
Близко, рядом, за моей спиною
Ты спокойно роешься в земле.

А потом, набравши в зоб порожний
Гусениц и крошечных акрид,
Ты вспорхнешь легко и осторожно
В зев гнезда, где что-то свиристит.

Вот накормлен птенчик, и к каскадам
Спрыгнешь ты, и вновь за червяков . . .
Разве так же не жили мы рядом
Перед тем за тысячи веков ?

И не он ли к нам грядет сегодня
Сквозь времен несчетных бурелом —
Тот блаженный Вертоград Господний,
Наш с тобой единый Отчий Дом ?

⁂

У сестры моей, у птицы
С пышным бронзовым хвостом,
Есть где в мире приютиться,
Есть и родина, и дом.

Не завидуй : ты свободней
Птиц лесных, бездомный брат !
Вся, как есть, земля Господня —
Твой огромный дом и сад.

ИГОРЬ ЧИННОВ

(США)

⁂

Здесь пахнет лазурью, ты знаешь? Здесь пахнет лазурью.
И струи фонтана трепещут эоловой арфой.
И пышным огнем золотится петух, запевая,
И пестрый базар не стихает в полуденном свете.

И кажутся музыкой смутной далекие горы,
И в детских губах, как свирель, леденец золотистый.
На старой стене расплескалась волна винограда,
И в пыльном пылании вьются песчинки бессмертья.

И в светлом звучанье текут золотистые груды
Июльского воздуха, нежного смуглого лета.
Огромные груды сиянья, громады лазури.
Смотри — половодье лазури, и горы как волны.

Игорь Чиннов

***

Прямо на тротуаре
валяется пятно света,
круглое,
похожее на золотое блюдо.

И рядом лежит
пятно нефти,
отливая зеленым и синим,
как пышный персидский павлин.

Разноцветные крылья белья
(на веревках через всю улицу)
— розовые, оранжевые, сиреневые, —
как большие цветы
висячих садов
Семирамиды.

*
* *

Выдумываешь утешения,
И кажется при свете месяца,
Что началось преображение,
Что все сейчас, сейчас изменится —

Не станет логики и алгебры
(О, беспричинное сияние !)
Не станет этой вечной каторги
Глухих законов мироздания —

И мир, свободный от инерции,
От тяжести, от тяготения,
Войдет в блаженное бессмертие,
В сияние, во вдохновение...

Разыгрывается воображение.

* * *

Мне нужно вернуться
За скрипом колодца,
За криком детей у реки,

За плёсом в тумане,
За плеском у сходней,
За лесом у светлой реки,

За иволгой ранней,
За ивой прохладной,
За тихим дыханьем реки.

Игорь Чиннов

ВДОХНОВЕНИЕ

Пожалуй — жалость, « грусти жало »,
И звук, как тени в ночном саду.
Немое слово трепетало,
Я бредил словом на ходу.

Я не могу сказать яснее,
Я не умею тебе сказать.
Как будто музыка во сне — и
Начало трепета опять.

Как будто жалость или скрипка
И даже — Муза поет в луче.
И новый звук качнулся зыбко,
Не знаю — мой ? Не знаю, чей.

И взмах крыла (несмелый, жалкий)
Как будто осенью свет весны,
И звуки флейты, как фиалки,
Пугливой свежести полны.

Игорь Чиннов

⁂

Эта нежная линия счастья
Порвется ? Продлится ?
Куница, синица,
Не бросай меня, легкая гостья.

Чтоб дожить мне до мудрости старца,
Сухого уродца,
Пусть долго не рвется
Эта нежная линия сердца.

Приучай, что придется расстаться,
Душонка, Психея,
Дай привыкнуть к тому, что слабеет
Это здешнее счастье,

Что одна полетишь без боязни,
Где счастью конца нет,
Где радугой станет,
Вечной радугой станет
Эта нежная линия жизни.

Игорь Чиннов

⁂

Человек мыслящий тростник
Паскаль

Я помню пшеницу, ронявшую зерна,
На пыльной бахче дозревавшие дыни.
Я помню подсолнечник, желтый и черный,
И краски настурций, герани, глициний.

Я помню оливы (в Провансе ? в Тоскане ?)
Я помню, над Рейном поля зеленели.
И яблони помню (тогда, на Кубани . . .)
И в Дании поле. Ответь, неужели

Пшеница падет под ударами градин
И черные кони помчатся оскалясь,
И будет растоптан земной виноградник,
Растоптан тростник неразумный Паскаля ?

Уже сливалась с ветром дальних Альп
Осанна, затихавшая в соборе,
Благословляла голубую даль,
Благодарила парус или море.

Был в роще шум, как бы невнятный гимн,
Был запах роз дыханьем благодати,
И дождь прошел, Мариин пилигрим,
И пили мы прозрачное фраскати.

И мы не осмотрели катакомб :
Здесь расцветал жасмин залогом рая
И птица пронеслась — не с червяком,
С масличной ветвью, вечность обещая.

А что стихи ? Обман ? Благая весть ?
— Дыханье, дуновенье, вдохновенье.
Как легкий ладан, голубая смесь
Благоуханья и — благоговенья.

Игорь Чиннов

*
**

Облака облачаются
В золотое руно.
Широко разливается
Золотое вино.

Это бал небожителей,
Фестиваль, карнавал,
И доходит до зрителей,
Как скрипач заиграл.

И две бабочки поздние
У гнилого ствола
Словно крошки амброзии
С золотого стола.

А подсолнух нечаянный
У садовых ворот —
Точно райской окраиной
Рыжий ангел идет.

АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

(Франция)

МАТЬ

1

Милая, как жили мы убого
В доме деревянном на ветру !
Печка черная монашкой строгой
Остывала, догорев к утру.

К жизни возвращали мы монашку,
Углем напитав ее с трудом,
Душу открывали нараспашку,
Грелись и слезами и огнем.

Милая, за что такая участь,
Ссылка — как предательский капкан ?
И годами жили, жили, мучаясь,
А долину покрывал туман . . .

Это все напомнил старый чайник —
Вынула его из сундука :
Прошлого свидетель он случайный,
Трогала его твоя рука

Маленькая, бедная, сухая
От монашки черной, от воды.
— Память, память, горькая, святая,
Не стереть глубокие следы.

Аглаида Шиманская

2

На вокзале в черном ты сидела
И покорно ожидала встречи.
Серо-тусклый опускался вечер,
Только звездочка одна горела.

Поезд мчится, тень кидая косо,
В небе ласточек несется стая,
Паровоз, протяжный вопль бросая,
Распускает дымчатые косы.

Это — призрак. Я гонюсь за тенью.
Всюду тени тенью окружают.
Чья-то здесь накидка кружевная,
Где-то обманувшее волненье.

3

Зажги огонь. Ты здесь ?
Пошевелись, вздохни
И кофточку повесь.
Уйдут, уходят дни,
А ночь пришла опять :
— « Ты здесь, ты для меня »
Мне некому сказать —
Ни вздоха, ни огня.

⁂

Зацепиться за что попало :
За пустой разговор, за стук,
За пожатье шершавых рук,
За письмо, за утренний чай,
За рукав, за собачий лай —
Все равно, если глупо и мало,
Зацепиться за что попало —

Чтобы жить.

⁂

Воздух, воздух, новый, юный,
Светлый, теплый и простой
И как прежде вечер лунный —
Сердце, как мне быть с тобой ?

Бьется громче, бьется чаще
И как будто веселей,
Может быть в надежде счастья
Разгорается сильней.

Ветер в дверь летит весенний,
Широко раскрыв окно,
От воздушного движенья
Все вокруг освещено !

Занавеска дышит, кланяется низко :
— « Здравствуй, я живая и легка как дым ! »
Ветерок весенний над плечем так близко
Наклонился другом, милым и родным.

Все равно что было, все равно что будет —
Этот миг дыханья, жизни и любви,
Будто день весенний, не простые будни,
И его как чудо ты благослови.

АГЛАЯ ШИШКОВА

(США)

ИЗ СКАНДИНАВСКОГО БЛОКНОТА

Камня чуть немножко много,
Но совсем как под Москвой —
Эта зыбкая дорога,
Эта узкая дорога
В колеях и брызгах хвой.

Эта синь и лист летучий
И, родные будто мне,
Эти тоненькие тучи,
Эти ситцевые тучи
В невысокой вышине.

ВЛАДИСЛАВ ЭЛЛИС
(США)

ПРИБОЙ

На сушу выброшен смешной,
С клешней, еще по-детски тонкой,
За уходящею волной
Малютка-краб бежал вдогонку.

Где плеск волны, там жизнь полна
Побед и частых поражений.
Вернула встречная волна
Ему уверенность движений.

За прелесть зрелища не мог
Я малышу сказать « Спасибо » :
Меня настигла там врасплох
С вершиной пенистою глыба.

Я невесомым стал на миг —
Мне верх и низ одно и то же.
Не я, а берег сделал сдвиг,
Оставив ссадину на коже.

И, как игрок на скатерть кость,
На берег выбросила с силой
Волна, на мне измерив злость,
И сразу ж, пенясь, отступила.

От самых пяток до виска,
Во всю длину приятно млело
Под лаской теплого песка
Волной измученное тело.

Владислав Эллис

У БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА

Ее проезда ожидал народ
И потому шаги рубил отменно,
Там, у чугунных вычурных ворот,
Большой солдат из сказки Андерсена.

Живой источник детской здесь мечты :
Мундиры, шапки пестрого парада.
Такие сказки после суеты
Сегодня в мире — редкая отрада.

Привет улыбок радостен и чист —
Тут жизни ритм совсем в другом напеве.
Пусть говорят, что я не монархист,
Но поклонюсь покорно королеве . . .

Владислав Эллис

НА МОСТАХ САЙГОНА

Толпа на мостах Сайгона.
Под это движенье без правил
Нельзя подвести законы,
Найти, кто идти заставил.

Таранить толпу не привыкший
Немного замешкался янки.
А желто-смуглые рикши
В грозу обгоняют танки.

Сидят без дерзаний веками
У пристаней сонные кули,
Но ласточки под облаками
Сегодня быстрее пули.

Мосты и правительства шатки,
Ни опыта нет, ни толку.
Но маленькая лошадка
Уверенно тянет двуколку.

Уверенно меряет мили.
Бананов зеленых груды
Везет, как и раньше возили,
Еще до рождения Будды.

Залитые утренним светом,
Как будто картинка в рамке,
Сидят позади букетом
Игрушечные вьетнамки.

1966

ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

(Италия)

Осенний день шелками вышит.
Лес задремал в червонном сне,
А солнце, подымаясь выше,
Поет о новом, тихом дне.

Часы пробили гулко восемь.
Налит в стакан янтарный чай.
Вот и меня коснулась осень,
Как бы украдкой, невзначай.

Все позади, а сердце то же —
Стучит неугомонно вновь,
Но ты глядишь все строже, строже
Моя последняя любовь.

Георгий Эристов

УТРО

Как славно пахнет свежий хлеб !
Дымится кофе в чашке тонкой,
А день, так празднично нелеп,
Поет в окне по-детски, звонко.

Застыл над розой мотылек,
На крыльях радуга играет . . .
Кто мне сказал, что Бог далек,
И на земле нет места раю ?

Георгий Эристов

ССОРА

Дождь прошел, и вдоль дорожки
Распустились вновь цветы.
Свежий гриб на тонкой ножке
Выскочил из пустоты.

В доме после шумной ссоры
Водворилась тишина,
Но грибок посеял споры,
Затуманилась луна.

Долго ль, скоро ль, загрохочет
Снова летняя гроза.
Ветер шалый захохочет,
По щеке сползет слеза.

Но зачем себя калечить ?
Буря летом коротка !
С лаской склонятся плечи
У дрожащего цветка.

Георгий Эристов

КОВЕР

Узор бессмысленный ковра,
Далекого Мазандерана.
Он сердцу говорит — пора,
Твоя зарубцевалась рана !

Какой неведомый артист
Орнамент выводил на ткани ?
На белой ветке — синий лист,
Цветок в причудливом стакане.

А краски — их не перечесть,
Сплелись в нелепом хороводе,
Но их магическая весть
Вакхической подобна оде.

Нельзя, не нужно понимать !
Так птица распевает звонко,
Так смех бессмысленный ребенка
Восторгом наполняет мать.

Георгий Эристов

РОЖДЕНИЕ

Последний крик. Как больно умирать,
Переступить порог той узкой двери !
Младенец так, еще не зная мать,
Кричит, кричит — рождению не верит.

А за чертой, пред нами новый мир,
Неведомый и страшный, и прекрасный,
Как неприступный, ледяной Памир,
Как солнце Сириуса ясный, ясный.

Пусть будет так ! Я не хочу конца !
Жестокой жизни мне милее ласка,
Пусть будет так — у моего крыльца
Бегущих дней бессмысленная пляска !

Георгий Эристов

ИЗ ЦИКЛА « МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ »

1.

Лигея

Так ограничены пределы света,
И шар земной нам замкнутая клеть.
Ах, почему до Марса нет билета
В экспрессе межпланетном полететь !

Лететь года к созвездью Андромеды,
Чудовищных симфоний слышать зов,
Вкусить плоды таинственной победы —
Младенчества невероятных снов !

Быть может, на затерянной планете
Лигея распахнет навстречу дверь,
И радостны, как маленькие дети,
Шепнем — рассудку никогда не верь !

Деревья будут петь, листвой играя,
Два солнца будут освещать нам дни,
И вновь увижу я дорогу к раю
И беспредельные огни !

2.

Психея

Она пришла и мне сказала —
У кассы этого вокзала
Ты тело ветхое забудь !
Кругом уроды и калеки,
Приподнимая тяжко веки,
Смеясь указывали путь.

Звонили в колокол протяжно.
Был вечер сумрачный и влажный...
И кто-то требовал вина...
Вдруг солнце вспыхнуло у моря,
И я решил уйти, не споря,
Туда, где ждет меня она !

И, прорезая воздух синий,
Над рощею зеленых пиний,
Летел я в огненную даль,
Тая и радость и печаль.

ВИКТОРИЯ ЯНКОВСКАЯ
(США)

ЧЕТЫРЕ КАКЕМОНО

1. ВЕСНА

Шляпы, шляпы, шляпы — зонтики,
А под ними пары голых ног.
Поле водное на ломтики
Тропки режут вдоль и поперёк.

Руки липнут в грязной слякоти —
В них зеленые росточки : рис,
Как надежды, садят шляпы те —
Всю весну качаясь вверх и вниз.

2. ЛЕТО

Вечер. Тихи лягушек дуэты.
Спелся даже с цикадой кузнечик !
И ласкался — заметила это —
К черной бабочке розовый венчик . . .

На огонь от моей сигареты
Светлячок налетел по ошибке . . .
А луна — ты придешь для поэта, —
С ним деля одинокость улыбки . . .

3. ОСЕНЬ

У щита золотой нимб.
Он червленый. На нем — ворон
И сухая ветка под ним...
В отдаленье — черные горы.

Кто свой мрачный герб бросил ?
Не Вселенная ли ? — Нет !
Это вид. Это только — ОСЕНЬ —
И луна, пролившая свет.

4. ЗИМА

Ветром прорвано бумажное оконце :
Чья рука по фолиантам бродит ровно,
А другая зябко жмется над жаровней ? —
Тонкая, точеная рука японца...

Вижу чайничек с дымящеюся чашкой,
Ноги скрещенные, пестроту подушки...
Но прихлопнул ветер дырочку, как вьюшку,
И чужая жизнь навек ушла из вашей !

⁂

Окутали речные берега
Контрастно, робко и красиво
В цветенье абрикос и слива
И нежные последние снега :

Как жизнь и смерть ; как свет и тени.
Их встреча — миг ! Но жизнь не для нее ль ?
И радость в сердце острая, как боль,
В прозрачно-яркий день весенний !

Виктория Янковская

⁂

Весенними влажными днями
Одна я блуждаю с винтовкой.
Пересекаю часами
Овраги, долины, сопки.

По-разному смотрят на счастье,
По-разному ищут дороги . . .
А мне — побродить по чаще,
В росе промочить ноги.

И сердцем дрожать, как собака,
На выводок глядя фазаний,
И ночью следить из мрака,
Как угли пылают в кане.

Такие простые явленья,
А жизни без них мне не нужно.
И здесь, в горах, в отдаленье,
Мне кажется мир — дружным.

Я ЖДУ ...

В старой заброшенной хижине
Я развела огонек.
Стелется пламя униженно
Возле смуглеющих ног.

Ты же тропою окольною
На огонек мой придешь.
Сумерки дрожко-стекольные
Лезут в отверстья рогож.

Синее, звездное, вечное —
Сдвинулось складками штор ...
Счастье осеннего вечера
Ссыпалось в этот костер.

⁂

Собираю опавшие листья
Всевозможнейших форм и цветов.
О короткой зеленой их жизни
Размышляю под шорох шагов.

Чей-то шопот . . . Записывай строки . . .
Шелест листьев ли ? Голос ли мой ?
Есть в душе неизменные сроки
С безудержным стремленьем домой . . .

Разве были такие, что спали
При цветенье акаций весной ?
Расставаясь потом не рыдали
Под осенней октябрьской луной ?

И тоскует душа, как недужный :
Журавли . . . анемоны . . . капель . . .
Но здесь — осень, в Америке Южной,
И чудит по-чилийски апрель.

Поэты о себе

АДАМОВИЧ, Георгий Викторович.

Родился в Москве в 1894 г. Окончил историко-филологический факультет С. - Петербургского университета.
В России — сборник стихов : « Облака » (1916) и « Чистилище » (1922).
В эмиграции — « На Западе » (1939).
Книги : « Одиночество и свобода », « В Маклаков » и др.
Сотрудничал в большинстве эмигрантских периодических изданий.

АЛЕКСЕЕВА, Лидия Алексеевна.

Выехала из России в 1920 г. Через Константинополь и Болгарию попала в Югославию, где прожила 22 года, окончив русскую гимназию в Белграде и философский факультет Белградского университета по группе славянской филологии. До отъезда в 1944 г. преподавала сербский язык и литературу в русской гимназии. В Америке с 1959 года. Работаю в данное время в Нью-Йоркской публичной библиотеке, в Отделе славянских языков.
Первый сборник моих стихов, « Лесное солнце », был издан в 1954 году изд-вом « Посев ». Второй, « В пути » (1959), и третий, « Прозрачный след » (1964), изданы автором. Сотрудничаю или сотрудничала в журналах : « Грани », « Новый Журнал », « Мосты », « Возрождение », « Современник » и др.
Первые стихи в журналах Югославии подписаны девичьей фамилией — Девель.

АЛЛ (Дворжицкий), Николай Николаевич.

Родился в Петербурге, где учился в Морском корпусе и Константиновском артиллерийском училище. Участник 1-ой мировой и гражданской войн.
В Харбине (Манчжурия) сотрудничал в газетах « Русский Голос », « Новости Жизни » и « Заря » ; там же издал сборник стихов « Ектенья » (1923).
В Америке (с 1923 г.) работал по различным специальностям : в начале 1930-х годов основал и редактировал « Русскую Газету ». С середины 30-х годов, в течении многих лет, сотрудничал в газете « Новое Русское Слово » (Нью Иорк). Был преподавателем русского языка в Гарвардском университете. Был членом Кружка Русских Поэтов в Америке, который издал свой сборник стихов « Четырнадцать » (1949).
Последние годы выполнял инженерную работу по проектированию шоссейных дорог и мостов в больших инженерных компаниях.
В настоящее время живет на покое.

Николай Алл

АНСТЕЙ, Ольга Николаевна.

Родилась в 1912 году в Киеве. Складывать стихи стала лет с четырех ; но до отъезда (в 1943 году) из России — не печаталась, писала « в стол ». С 1946 года печатаю стихи, статьи, рецензии и рассказы в зарубежных периодических изданиях (« Обозрение », « Отдых », « У врат », « Горн », « Явь и Быль » ; позже — « Возрождение », « Дело », « Грани », « Новый Журнал », « Литературный Современник », « Опыты », « Мосты », « Воздушные Пути »). В 1949 году в Мюнхене вышел мой сборник стихов — « Дверь в стене ». В 1960 году в изд-ве « Чайка », Нью-Иорк, вышел мой перевод повести Ст. Винсента Бенэ — « Дьявол и Даниэль Вебстер ». Из поэтов переводила Рильке, Честертона, Теннисона, Хаусмана, Вальтера де ла Мара.

С 1950 года живу в Нью-Йорке. В 1954 году принимала участие в издании двухтомника Клюева (Чеховское изд-во) : составила вошедший в это издание словарь местных, старинных и редкоупотребительных слов. С 1960 года работаю переводчиком Отдела русских письменных переводов Организации Объединенных Наций : перевожу с английского и французского языков.
Из моих статей самой серьезной считаю « Мысли о Пастернаке » (написана в 1947 году, напечатана в 1955 г. в « Литературном Современнике », но, к сожалению, в несколько сокращенном виде).
Подготовлен к печати сборник стихов « На юру ».

АНТОНОВА-АЛЛ, Елена Анатольевна.

Родилась в поезде на пути из Сибири в Петербург. Детство провела в г. Зея, Амурской области, где окончила гимназию.
В Америке, в г. Сиэтл, окончила университет с дипломом горного инженера и геолога ; работала металлургом в штатах Вашингтон, Айдахо, Монтана, Аляска, Калифорния, Пеннсильвания и Нью-Йорк, где после отравления глаз, переключилась на работу гражданского инженера по проектированию шоссейных дорог и мостов, что и продолжаю в настоящее время.
Стихи начала писать в раннем детстве. Все написанное до приезда в Америку погибло во время землетрясения в Японии. В течении 20 лет писала стихи для ежегодного журнала « День Русского Ребенка » (Сан Франциско» ; печатались стихи в газетах Сан Франциско, в « Новом Русском Слове » (Нью-Йорк), в « Новом Журнале » и « Новоселье ». В 1944 г. выпустила книгу стихов « Отражения » (распродана). Участвовала в сборнике Кружка Русских Поэтов в Америке « Четырнадцать » (1949) и в сборнике Литературно-художественного кружка в Сан Франциско « У Золотых Ворот » (1957).

БАКУНИНА, Екатерина Васильевна.

Родилась и я в Царском Селе. Имена других известны.

Первый мой рассказ был напечатан в « Задушевном Слове », когда мне было девять лет. Гонорар, в зеленой шелковой сумочке — золотая монета, — был вручен мне самим престарелым редактором Ольхиным. Но я поздно нашла свою тропочку в литературу. Вначале был всероссийский устоявшийся (и застоявшийся) быт, карабканье к знанию, крутой зигзаг отъезда в Америку и возврат оттуда. Материнство. Потом наступили звериные пореволюционные годы, эмиграция, Франция, ремесла, а затем немецкая оккупация : голод. (Их было два до этого — на Украине и в Петербурге). Отъезд в Англию, где узкая клетка устарелого брачного законодательства оказалась мне не впору.

Я все же успела окончить Екатерининскую гимназию в Петербурге, после чего поступила на Агрономические курсы. Покинула их. Поступила на юридический факультет Высших Женских Бестужевских Курсов, получила выпускное свидетельство, но государственные экзамены держала экстерном в Харьковском университете, так как из-за революции выехала на Украину. Была записана в сословие присяжных поверенных Судебной палаты Харьковского округа. Отбывала стаж присяжного поверенного (женщины были допущены в адвокатуру при А. Ф. Керенском, если не ошибаюсь). Работала в земстве и в сельскохозяйственной кооперации.

В Париже была секретарем редакции и сотрудником журнала « Числа ». Выпустила книгу стихов (девять циклов, 231 стр.) и два романа : « Тело » (переведено с русского на французский и чешский языки) и « Любовь к шестерым ».

В Англии урывками отливались только стихи, появлявшиеся в « Новом Русском Слове ». Начатые, незаконченные или недоработанные рукописи — в корзине.

Екатерина Бакунина

БЕЛАВИНА, Нонна Сергеевна.

Родилась в Евпатории в 1915 г. и была вывезена родителями за границу. До 1944 г. жила в Югославии. По окончании Мариинского Донского института училась на юридическом факультете Белградского университета, одновременно служа в окружном суде. Писать начала рано, сотрудничая в юношеских журналах, позже писала на сербском языке, печатая в сербских журналах стихи и рассказы и занималась переводами. С 1944 г. в Германии печаталась в периодических изданиях « Явь и Быль », « Обозрение », позже, будучи в Америке, в журналах « Мосты », в канадском « Современнике », парижском « Возрождении » и др. Сборник стихов « Синий мир » вышел в 1961 году. В настоящее время выступает с докладами в литературных обществах. В ближайшем будущем выходит второй сборник стихов.

Нонна Белавина

БЕРБЕРОВА, Нина Николаевна.

Родилась в 1901 г. в Петербурге. Из России выехала в июне 1922 года. В феврале 1922 г. в первый раз напечаталась в сборнике « Ушкуйники » (см. Воспоминания о Мандельштаме Николая Чуковского), вместе с Н. Тихоновым и Н. Чуковским.
С 1925 по 1950 жила в Париже и участвовала в русской периодической прессе (журнал « Современные Записки », газета « Последние Новости » и др.). В 1926 г. была со-редактором молодого эмигрантского журнала « Новый Дом ». В 1948-1950 гг. была редактором литературной страницы парижской русской газеты « Русская Мысль ».
За годы парижской жизни Берберова издала около десяти книг : три романа, биографию Чайковского, биографию Бородина, книгу повестей « Облегчение участи », репортаж судебного процесса Кравченко, и др. Биография Чайковского была переведена на шесть языков. В 1938 в русском театре была поставлена пьеса Берберовой « Мадам ».

В 1950 Берберова переехала в США. С 1958 по 1963 г. она преподавала русскую литературу в Иельском университете, с 1963 г. — профессор русской литературы Принстонского университета (аспирантские классы).
В США принимала ближайшее участие в «Новом Журнале», печатая там рассказы, стихи и статьи о литературе. В 1958-1962 гг. состояла членом редакционной коллегии альманахов «Мосты». Ею за последние годы опубликованы историко-литературные материалы (письма Тургенева к Генри Джеймсу, «Три года жизни Горького», переписка Гершензона и Вяч. Иванова с В. Ф. Ходасевичем и др.). Под ее редакцией вышли в издательстве имени Чехова «Литературные статьи и воспоминания В. Ф. Ходасевича». Она была редактором-издателем «Собрания стихов Ходасевича» (Мюнхен, 1961).
В настоящее время Берберова заканчивает свою автобиографию, над которой работает с 1960 года. Книга выйдет одновременно на русском и английском языках.

БЕРНЕР, Николай Федорович.

Я родился в 1890 г. в Киеве. Там же окончил 4-ую гимназию и в 19 лет поступил на юридический факультет Московского университета, одновременно посещая лекции по истории и литературе, пока не вышел закон, запрещающий такое посещение. Валерий Брюсов был моим другом и первым наставником в творческих исканиях и опытах. Один из его сонетов (акростих) посвящен мне.
В России вышли только две тощие тетради моих стихов — «Одиннадцать» (1920) и «Осень мира» (1925). Это были фрагменты подготовлявшегося в то время большого сборника, отобранного у меня при первом аресте в Москве. Третий тоненький сборник — «След на камне» (1955) — был отпечатан литографическим способом уже в эмиграции.

Моя жизнь, после пребывания на Соловках, перемежалась тюремными отсидками. Из Воронежа — места последней высылки, — попал во время войны в Зальцбург, затем в Мюнхен. Там, для Института по изучению СССР, выполнил стипендиатскую работу : « Внутренняя эмиграция и интеллигенция на Соловках ». В конечном счете очутился в старческом доме глухого поселка во Франции, оторванный от литературной жизни Зарубежья.

Николай Бернер

БОБРОВА, Элла Ивановна.

Родилась 12 декабря 1911 г. в Николаеве, на Украине. Училась музыке по классу фортепиано, но от стипендии в консерваторию, уступая просьбам отца, отказалась и работала в конторе.
За границей с 1943 года. Печатаюсь в « Современнике » и « Новом Журнале ». Готовлю сборник стихов. Недавно закончила многолетнюю работу над повестью в стихах « Ирина Истомина » в двух частях : 1. « 1937 год » ; 2. « На Западе ».

Элла Боброва

БУРКИН, Иван Афанасьевич.

Родился в 1919 году. Окончил высшее учебное заведение. Работал в печати.
По приезде в Соединенные Штаты, с 1951 по 1954 г., слушал лекции в Колумбийском университете и занимался переводами с английского.

В настоящее время преподает русский язык и литературу в Сиракузском университете в штате Нью-Йорк.
Первые стихи появились в печати в 1938 году. За рубежом печатался в журналах « Опыты », « Мосты » и « Грани ».

БУШМАН, Ирина Николаевна.

Родилась в 1921 г. По образованию филолог. В Германии дольше всего жила в Берлине, Кобурге и Мюнхене. Работаю на радиостанции « Свободная Европа », в библиотеке и архиве. Пишу статьи для Института по изучению СССР, даю уроки русского языка, но только людям, проявляющим серьезный интерес к предмету и стремящимся усовершенствоваться в нем, а также делаю переводы с русского на немецкий. Отдельным изданием в моем переводе в 1964 г. вышла повесть Федора Абрамова « Вокруг да около » (Ein Tag im « Neuen Leben ». Dromer'sche Verlagsanstalt).
В том же году вышла моя книга « Поэтическое искусство Мандельштама » (Мюнхен, Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия 1, вып. 70).
Мои стихи печатались в « Новом Журнале » в Нью-Йорке и в журналах « Свобода » и « Наш Современник » в Мюнхене, а также в альманахе « Мосты ».

ВЕЙДЛЕ, Владимир Васильевич.

Писатель, автор работ (частью на иностранных языках), относящихся к истории искусства, к литературной критике и к теории искусства. В молодости писал стихи; написал и в старости несколько стихотворений.
Родился в Петербурге в 1895 году. Кончил Петербургский университет (1916) и был его доцентом по кафедре истории искусства (1921-1924). С осени 1924 г. живет в Париже, где был профессором Православного Богословского Института (1932-1952).
Книги по-русски: «Умирание искусства», Париж, 1937; «Вечерний день», Нью-Иорк, 1952; «Задача России», Нью-Иорк, 1954. Готовятся к печати: «О поэтах и поэзии» и «В начале было Слово» (теория искусства).

В. Вейдле.

ВЕЛИЧКОВСКАЯ, Тамара Антоновна.

В эмиграцию попала ребенком. Выросла в Сербии, где и училась. Затем — Франция, сначала Лион, потом, после войны — Париж. Стихи начала писать с детства. Но увидела впервые свое имя в печати в 1947 г. У меня собирался несколько лет подряд поэтический кружок «молодых», куда приходили и «мэтры».
Мои стихи вошли в «Эстафету» и другие зарубежные антологии. Мой сборник «Белый посох» вышел в 1952 г., в издательстве «Рифма». Мои стихи печатались в журналах «Возрождение», «Новый Журнал», «Грани», «Современник» и в газете «Русская Мысль», где я сотрудничаю больше десяти лет. За это время там были напечатаны также и мои рассказы, статьи по истории искусства, отчеты о выставках и т. п. Всего около сотни...
Я перевела с итальянского несколько сонетов Микельанджело и «Гимн Солнцу» Франциска Ассизского, а также поэму Поля

Элюара « Свобода » с французского. Эти переводы появились в « Возрождении » и « Русской Мысли ».
Моя любимая эпоха — Итальянский Ренессанс. Из великих людей прошлого мне особенно дороги св. Франциск Ассизский и Леонардо да Винчи. Много о них писала.

Тамара Величковская.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ, Анатолий Евгеньевич.

Детство мое прошло на юге России. Летом мы жили всегда в деревне, зимой в городе Елизаветграде (теперь это Кировоград), где мой отец был преподавателем в юнкерском училище. В шестнадцать лет я покинул отчий дом и ушел в Добровольческую Армию. Во время отступления походным порядком попал с армией Бредова в Польшу, из Польши переехал во Францию.
Хлеб насущный, всю жизнь, добываю работой, ничего общего с литературой не имеющей.
Печататься начал после Второй мировой войны. Сборник моих стихов вышел в издательстве « Рифма » под заглавием « Лицом к лицу ». Чаще всего я печатался и продолжаю печататься в « Новом Журнале ». Остальное все, написанное мной, разбросано по мелочам в других изданиях : в « Возрождении », в « Мостах », в « Новоселье », в « Литературном Современнике ». Стихи мои были включены в антологию « Эстафета ». Надеюсь, что « претерпевший до конца спасен будет » и потому когда-нибудь все это соберется в одной книжке.

А Величковский

М. ВИЗИ (Мария Генриховна Туркова).

Родилась в Нью-Йорке, училась в Петрограде, Харбине, Пекине. Высшее образование получила в Америке. Живу с семьей в Сан-Франциско. Служила в Калифорнийском университете ; теперь занимаюсь переводами, научными и литературными. Пишу стихи по-русски и по-английски и перевожу с одного языка на другой.
Издала две книжки стихов : первую в Харбине, вторую в Шанхае (Изд. Камкина и Попова, 1936 г.) ; готовлю к печати третью.

М. Визи

ВОЛКОВА, Мария Вячеславовна.

Родилась в Западной Сибири, детство, отрочество и юность прошли « у подножья Тянь-Шаня », в Петрограде, в Сибири, а молодость и зрелые годы — вне родины.
По происхождению — казачка, почему до минувшей войны сотрудничала больше в казачьих изданиях Парижа и Дальнего Востока. После войны печаталась главным образом в парижской газете « Русская Мысль ».
Жить пришлось все время на отшибе, в глухих уголках, в условиях, неблагоприятствовавших литературной работе. Один сборник стихов « Песни Родине » был издан стараниями друзей в Харбине в 1936 году, другой (« Стихи ») — Кружком Казаков-Литераторов в 1944 году в Париже. Все, написанное после того, распылилось в периодической печати.

Мария Волкова

БОРОБЬЕВ, Николай Николаевич.

В течение последних 16 лет преподает русский язык в одном из колледжей на Западном побережье США. Помимо этого им был создан в 1951 году хор из американских студентов, в репертуар которого входят русские народные песни и церковные песнопения. Хор, насчитывающий около 120 человек, с успехом выступает на Западном побережье. Между прочим, в 1960 году, впервые после 1808 года, им была исполнена в г. Сан-Франциско песня, сочиненная русскими на Ситке (Аляска), затерянная, забытая и вновь обретенная благодаря тому, что мелодия и текст передавались из поколения в поколение среди местного индейского племени.
Литературная деятельность ННВ довольно многолика. Будучи казаком, он много пишет на чисто казачьи темы и является постоянным сотрудником парижского журнала « Родимый Край », а также « Казачьего Энциклопедического Словаря » в США. Кроме этого он многие годы посвятил изучению истории Калифорнии в период испанского владычества и сделал несколько стихотворных зарисовок, отражающих эту эпоху. Параллельно этому, интересуясь местным индейским фольклором, он изложил в стихотворной форме легенды, рассказанные индейцами-сказителями, стараясь почти дословно следовать тексту устной передачи. В недалеком будущем он собирается издать перевод стихов американской поэтессы XIX века Эмили Дикинсон. Совсем недавно он выпустил поэму « Кондратий Булавин », в которой описывается восстание донских казаков в царствование Петра Великого.
В свободное время занимается живописью.

ГАНСКИЙ, Леонид Иосифович.

Я родился в 1905 г в Лодзи, потом учился во 2-ой Киевской классической гимназии, затем жил и учился в Ленинграде. В 1926 г. уехал во Францию.

В Париже печатал стихи спорадически в « Числах », в « Сборниках Союза молодых поэтов », в « Современных Записках », « Содружестве » и « Возрождении » — до войны. Издал два сборника стихов : « На весу » (1962) и « Слова » (1965).

ГЕРЦОГ, Юрий Алексеевич.

Родился в 1913 г. в Петербурге, еще ребенком выехал с родителями за границу.

На литературное поприще вступил в 30-х годах в составе кружка молодых поэтов в Белграде « Новый Арзамас » вместе с Лидией Алексеевой, А. Неймироком и др. Впервые стихи были напечатаны в журнале « Новь » в Таллине в 1939 г. Кроме поэзии выступал также на поприще драматургии и является автором многочисленных статей на литературно-общественные темы. Сотрудничал в изданиях : « За Россию » (София), « Меч » (Варшава), а после Второй мировой войны — в « Посеве », « Вехах » (Буэнос-Айрес), « Вольной Мысли » и др. В течение многих лет работал в научно-исследовательской области по лесоводству.

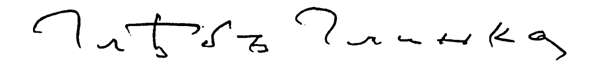
По переезде в Соединенные Штаты в 1963 г. прослушал курс в

Институте языков и языковедения Джорджтаунского университета в Вашингтоне, где написал диссертацию на соискание магистерского звания по русской литературе под названием « Циклическое развитие в русской литературе ».

ГЛИНКА, Глеб Александрович.

Поэт, писатель и литературовед.
Родился в Москве, в 1903 году. В 1925 году он окончил Высший литературно-художественный институт имени Валерия Яковлевича Брюсова. В том же году начал печататься. Писал стихи, рассказы, повести, очерки и статьи по теории и истории литературы.
В 1927 году Глеб Глинка примкнул к литературной группе « Перевал » и оставался в этом самом независимом содружестве до окончательного его разгрома в 1932 году.
Сотрудничал в журналах « Новый Мир », « Красная Новь », « Молодая Гвардия », « Наши Достижения », в альманахах « Недра », в перевальских сборниках « Ровесники » и др. Его книги : « Времена года », стихи для детей, (Москва, Радуга, 1926 г.). « Изразцовая печка », повести и рассказы, (Москва, Земля и фабрика, 1929 г.). « Эшелон опаздывает », очерки, (Москва, Федерация, 1932 г.). « Истоки мужества » повесть, (Москва, Молодая гвардия » 1935 г.). « Павлов на Оке », очерки, (Горький, Крайгиз, 1936 г.). Перед войной подготовил к печати свой большой труд по теории русского стиха.
Как очеркист, Глинка много путешествовал, участвовал в дальних научных экспедициях на Полярный Урал, на Северную Сосьву, был на Васюгане и Тыме.

В Москве он имел кафедру в Литературном институте и в Московском университете, читал лекции по общей поэтике и вел практические семинары по теории стиха и художественной прозы. С 1934 года он был старшим консультантом в издательстве «Советский писатель» и редактировал сборники молодых и начинающих авторов.
В эмиграции Глинка продолжает заниматься литературным трудом. В русской прессе он печатается в «Новом Журнале». В 1954 году в Издательстве имени Чехова вышла его книга «На перевале».

ГОЛОВИНА, Алла Сергеевна.

Родилась на Украине, в деревне Николаевка. Попала за границу в 1920 г. Училась в Чехословакии в русской гимназии, в глуши, в Моравии, где пробыла 6 лет.
Стала печататься, кажется, с 1931 г. в журнале «Воля России» (Прага). Издала лишь один сборник стихов — «Лебединая карусель» (Изд-во «Петрополис»). Второй мой сборник стихов, о выходе которого в издательстве «Русские поэты» в Париже было объявлено в печати, так и не вышел в свет из-за военных событий.
Печаталась в «Современных Записках», в газетах «Руль», «Возрождение», «Россия и Славянство» и др. В настоящее время, писания не бросив, почти не печатаюсь. Не хватает, как воздуха, литературных контактов, но мой интерес ко всему, что касается русской литературы и русских судеб, велик и неистребим.

ГОРСКАЯ, Антонина Алексеевна.

Родилась в Казани. Дед, по матери, был профессором математики Казанского университета. В этом же городе окончила гимназию. Училась в Петербургской консерватории по классу рояля. Покинув с мужем Россию, четыре года прожила в Персии.

В 1922 г. переселилась в Париж : знакомство с поэтами, увлеклась поэзией. Много работала с пушкининстом М. Л. Гофманом. В 1938 г. вышел мой первый сборник стихов — « Раздумья », в 1947 г. — « Тревога », в 1960 — третий сборник — « Ограда ». Печаталась в разных небольших журналах, несколько стихотворений помещены в « Новом Журнале » и в журнале « Опыты ». С 1950 г. печатаюсь исключительно в журнале « Возрождение », где кроме стихов помещены мои статьи : « Письма Пушкина », « Пушкин — 125 лет его смерти », « О Блоке », « О современном человеке », две статьи о М. Л. Гофмане — его памяти, « Письма Чехова о литературе и литераторах », « О деле Пастернака », « Памяти Тэффи », « Евтушенко — его книга « Нежность », « Ходасевич — поэт, литератор и критик », а также статьи памяти поэтов — Присмановой и Смоленского.

С 1938 г. и до его закрытия состояла в Объединении Поэтов.

С 1955 г. состою членом Правления Союза Писателей и Журналистов во Франции, под председательством Б. К.Зайцева.

А. Горская

ДАРАГАНОВ, Михаил Тимофеевич.

Родился в 1920 г. в Смоленске. Учился, был призван в армию. Прошел всю войну — отступал, наступал, попал в плен. В Германии работал в поле, на заводе. Затем уехал в Бельгию : девять лет в угольных шахтах, четыре года на строительстве. Последние пять лет, с 1961 г., был служащим в Брюсселе. Печатался в « Гранях » и « Новом. Журнале ».

М. Дараганов.

ДАРОВ, Анатолий Андреевич.

Родился в 1920 г. в городе Буе, Ярославской области, в семье железнодорожного служащего. Жил и учился в различных городах Европейской России и на Кавказе. После окончания средней школы поступил в Ленинградский институт журналистики, учился до войны и во время войны и блокады. В Европе с 1944 года : Берлин, Мюнхен, с 1948 по 1960 жил в Париже, недолгое время учился в Богословском институте, потом переехал на Мартинику и с Мартиники — в Америку. В данное время работает преподавателем русского языка в Сиракузском университете.

Писать и печататься начал рано. Как профессиональный журналист сотрудничал во многих газетах. Роман « Блокада » был написал еще в 1945 г. в Мюнхене, потом заново переписан в Париже и опубликован сначала в журнале « Грани », потом по-французски в издательстве « Галлимар » (вышло 7 изданий), затем по-русски в издательстве И. Раузена в Нью-Йорке. Большие отрывки из двух других законченных романов — « Бессмертники » и « Главная любовь Подмосткина » — напечатаны в журналах « Грани » и « Возрождение ».

В газете « Россия » опубликована серия очерков об Афоне, вскоре выходящая отдельным изданием.

В различных изданиях за рубежом печатались также стихи А. Дарова.

ДУКЕЛЬСКИЙ, Владимир Александрович (VERNON DUKE)

Родился в Пскове 10 окт. 1903 г., дворянин, православный. Учился в гимназии Науменко в Киеве и в Киевской консерватории у Р. М. Глиэра. Писать стихи начал рано, в 1920 г. основал с Борисом Поплавским Цех поэтов в Константинополе. Карьеру композитора официально начал с постановки С. П. Дягилевым

в 1925 году моего балета « Зефир и Флора » (с декорациями Брака, костюмами Шанель и хореографией Л. Мясина), позже обошедшего все европейские сцены. С. Кусевицкий был не только исполнителем моих произведений, но и моим издателем. Я написал еще три балета, 17 музыкальных комедий и ревю, с успехом шедших в Нью Иорке и Лондоне, три симфонии и концерты для разных инструментов (из них Концерт для виолончели был заказан и исполнен Григорием Пятигорским), большое количество романсов и камерной музыки.
Автор двух книг на английском языке : автобиографии Passport to Paris (Boston & Toronto, Little, Brown & Co, 1955) и Listen Here ; a Critical Essay On Music Depreciation (New York, I. Obolensky, 1964) и более 100 статей на музыкально-театральные темы в американских журналах. Статьи на такие же темы на русском языке печатались в « Верстах » (Париж, 1927), и в « Новоселье » (Нью Иорк, 1944-46), а на литературные темы в « Современнике » (Toronto, 1964-65).
Три сборника стихов вышли в Мюнхене : « Послания », 1962 ; « Страдания немолодого Вертера », 1962 ; « Картинная галерея », 1965.

Владимир Дукельский

ЕВСЕЕВ, Николай Николаевич.

Я родился в 1891 г. в степной полосе России. Детство и юность провел в Воронежской и Тамбовской губерниях. Был страстным охотником и моими друзьями были рыбаки, охотники, пастухи и пчеловоды. Окончил Московский университет в 1914 году.
Первые стихи начал писать в эмиграции. В 1938 г. был одним из зачинателей « Кружка казаков-литераторов », издававшего « Казачий Альманах ».
Первые критические строки о моих стихах написал Владислав Ходасевич, отметивший « недюжинные способности в самом трудном стихотворном жанре ». Мои стихи печатались в литературном сборнике « Орион ». С появлением газеты « Русская Мысль » я стал постоянным ее сотрудником и в ней было помещено до 300 моих стихотворений. Мои стихи печатались также в журна-

лах «Возрождение», «Грани», «Современные Записки», «Современник» и в антологии «Муза Диаспоры». Заботами моих друзей был образован комитет по изданию моих стихов по предварительной подписке. В 1963 году вышла моя книга «Дикое поле» и в 1965 году «Крылатый Шум». Все расходы по изданию этих книг были покрыты предварительной подпиской полностью еще до сдачи рукописей в типографию. В настоящее время редактирую новую книгу стихов «Последняя книга», куда входят стихи, не включенные в мои книги, и стихи, написанные в 1965 - 66 годах.

Николай Евсеев

ЕЛАГИН, Иван Венедиктович.

Родился я 1 дек. 1918 г. во Владивостоке. Мой дед — издатель, журналист, автор книги «История города Владивостока», Н. П. Матвеев. Отец — поэт-футурист Венедикт Март. До войны я учился на медицинском факультете в Киеве. Во время войны попал на Запад. Сейчас учусь в Нью-Иорском университете с намерением со временем представить докторскую диссертацию в области литературы.
Сборники : «По дороге оттуда», Мюнхен (1947) ; под тем же названием : Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953, «Ты, мое столетие», Мюнхен, 1948. «Портрет мадмуазель Таржи» комедия-шутка в 3 картинах», Мюнхен, 1949. «Политические фельетоны в стихах», Мюнхен, Изд. ЦОПЭ, 1959. «Отсветы ночные», Нью-Йорк, Изд. «Нового Журнала», 1963.
Готовлю к печати книгу стихов «Косой полет».
Печатался в «Мостах», «Новом Журнале». Одно время входил в редакционную коллегию «Мостов».

Иван Елагин

ЗЛОБИН, Владимир Ананьевич.

Родился в июле 1894 г. в С.-Петербурге. Peterschule. Университет. На Западе с 1920 г. — сначала в Варшаве, потом в Париже, где обосновался окончательно. Занимался журналистикой, писал стихи, читал доклады. Состоял членом редакционных коллегий журналов « Новый Корабль », « Меч », « Возрождение ».

В 1951 г., в парижском издательстве « Рифма », вышел мой первый сборник стихов « После ее смерти ». В настоящее время работаю над книгой о З. Н. Гиппиус : « Тяжелая душа ».

Осенью 1965 года я был приглашен славянским отделом Канзасского университета читать в весеннем семестре 1966 г. курс по истории русского символизма, в частности о жизни и творчестве Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус.

Владимир Злобин

ИВАСК, Юрий Павлович.

Родился в Москве. Его прадед худ. С. А. Живаго расписывал Исаакиевский собор, дядя У. Г. Иваск издал первую русскую монографию о книжных знаках. Окончил юридический факультет Тартуского (б. Юрьевского) университета. В Америке с 1949 г. Доктор философии Гарвардского университета. Диссертация на русском языке : « Князь П. А. Вяземский — литературный критик ». Преподавал в разных американских университетах. С 1960 г. профессор Вашингтонского университета в г. Сиэтле, где ведет занятия преимущественно с аспирантами. Подготовляет к печати книгу о Константине Леонтьеве (отдельные главы из нее были помещены в журнале « Возрождние »). Сотрудничал в журналах : « Числа », « Путь », « Современные Записки », « Новый Град », « Новый Журнал », « Опыты », « Мосты », « Воздушные Пути » и др. Дал предисловия к кни-

гам : В. В. Розанов — « Избранное » ; Данилевский — « Россия и Европа ». Редактировал антологию зарубежной литературы « На Западе » (Чеховское изд-во, 1953). Редактор « Опытов » (1955-1958).
Сборники стихов : « Северный берег » (Варшава, Священная Лира, 1938) и « Царская осень » (Париж, Рифма, 1953).

Юрий Иваск

ИЛЬИНСКИЙ, Олег Павлович.

Родился в 1932 году в Москве. Во время войны попал в Западную Германию. В 1949 году окончил гимназию в Мюнхене и слушал лекции по философии и литературе в Мюнхенском университете. Одновременно окончил в Мюнхене школу иностранных языков (по двум отделениям — русскому и английскому). В 1951-1952 гг. участвовал в международных конференциях христианской молодежи в Ларене (Голландия), в Женеве (Швейцария) и в Марбурге (Западная Германия). Много ездил по Германии, два раза побывал в Италии.
В Соединенных Штатах с 1956 года. В 1963 году окончил в Нью-Йорке колледж по философскому отделению, в 1965 году получил степень магистра по русской литературе. В настоящее время работаю над докторской диссертацией. Одновременно читаю лекции по литературе в университете. Печатаюсь с 1950 г. С тех пор сотрудничал в ряде русских зарубежных журналов « Грани », « Возрождение », « Литературный Современник », « Новый Журнал », « Мосты » и др.). Принимал участие в трех антологиях. Первая книга стихов вышла в издательстве « Посев » в 1960 г., вторая — в Мюнхене в 1962. Третий сборник печатается.

Олег Ильинский

ИЛЬЯШЕНКО, Владимир Степанович.

Родился 15 мая 1887 г. в родовом имении « Афанасьевка » Екатеринославской губернии, на реке Орели. Кончил Имп. Александровский лицей и историко-филологический факультет в Петрограде ; там же в 1915 г., под псевдонимом В. С. Федина издал первое самостоятельное исследование, посвященное в истории русской литературы Фету — « А. А. Фет (Шеншин), Материалы к характеристике ».

Был командирован Имп. Российским правительством в Вашингтон, где впоследствии служил 15 лет на государственной службе США и в различных частных предприятиях. Был инициатором первого (насколько можно проследить) сборника стихотворений русских поэтов в США — « Из Америки » (Нью-Йорк, 1926). Был участником другого сборника « Четырнадцать » (Нью-Йорк, 1949). Печатался в нескольких, уже прекративших свое существование изданиях в США. Сотрудник ежемесячника « Возрождение » в Париже.

КАРДИНАЛОВСКАЯ, Миртала Сергеевна.

Родилась в Харькове. В 1943 г. была вывезена в Германию на принудительные работы. В 1947 г. приехала в США и в 1956 г. окончила художественную школу в Бостоне (Boston Museum School) по классу скульптуры. С тех пор профессионально занимается скульптурой и выставляет свои работы в Нью-Йорке, Бостоне и многих городах Новой Англии.

Окончив университет Тафт, получила степень баккалавра изобразительных искусств и занималась преподаванием скульп-

туры, а также в течение ряда лет вела практические занятия по русскму языку в Гарвардском университете.

Начала печатать стихи в 1964 г. Первые из них были напечатаны в журнале « Грани » № 55. Позже печаталась в газете « Новое Русское Слово ».

Ирина Кардиналовская

КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ, Владимир Львович.

Артиллерийский офицер. Во время гражданской войны чрезвычайно неумело был расстрелян красными партизанами. Во время немецкой оккупации Парижа удостоился смертного приговора и симпатии своих товарищей по тюрьме (см. книгу Andre Frossard. La maison des ôtages. Paris, Ed. du Livre Français, 1945).

До последней войны, под несколько измененной фамилией, я успел выпустить шесть сборников стихотворений, которые ничего кроме досады во мне не вызывают. Исключение — сборник драматических поэм, вышедший в берлинском издательстве « Слово », кажется в 1929 году. Упоминаю о нем лишь потому, что все вещи успел переделать очень основательно.

После войны в издательстве « Рифма » под моим полным именем вышли сборники « Воздушный змей » и « Поражение ».

Сотрудничал во многих периодических изданиях : газета «Руль» (Берлин), журналы « Русские Записки » (Париж), « Новый Журнал » (Нью-Йорк) и др. В начале эмиграции заведывал отделом стихов в журнале « Сполохи » (Берлин).

Вл. Корвин-Пиотровскiй

КОРОНА, Александр Акимович (Сандро).

Уроженец Грузии — Тифлиса. Книга песен — « Лампа Аладина » была издана в « серебряном веке » русской поэзии, в 1915 г. в Петрограде. Вторая книга написана в странствованиях по лицу земли — Турция, Италия, Франция, Америка — и пока не издана. В сборник зарубежных поэтов входит несколько стихотворений из этой книги, подготовленной к печати.
Как композитор Сандро Корона известен романсами на лирику А. Пушкина, А. Блока и М. Кузмина, а также музыкой для американского театра.

Александр (Сандро)
Корона

КУЗНЕЦОВА, Галина Николаевна.

По рожденью русская, с 1956 г. — американская гражданка. Родилась в начале века в Киеве. Эмигрировала из России в 1920 г. Была в Константинополе, в Праге (где училась во Французском институте), затем в Париже. В 1949 г. переехала в США. В 1955 г. поступила в Секретариат Объединенных Наций, где прослужила в Издательском отделе (русском) 8 лет, сначала в Нью-Йорке, затем в Европейском отделе, в Женеве. Постоянно печататься начала с 1926 года в Париже. Была постоянной сотрудницей парижской газеты « Последние Новости », журнала « Современные Записки » и многих др. эмигрантских изданий. В 30-годах вышли книги : « Утро » (рассказы) « Пролог » (роман), сборник стихотворений « Оливковый сад » и перевод романа Франсуа Мориака « Genitrix » (русское название « Волчица »). С 1949 года сотрудница нью-йоркской газеты « Новое Русское Слово ». В настоящее время пос-

тепенно печатаю « Грасский дневник » — записи, сделанные в Грассе, где я жила в семье первого русского нобелевского лауреата Ив. Ал. Бунина. Сотрудница « Новаго Журнала », « Воздушных Путей », « Мостов ».

Галина Кузнецова

ЛАХМАН, Гизелла Сигизмундовна.

Родилась и училась в Киеве. В 1919 г. уехала за границу. Жила вначале в Берлине, затем в Швейцарии, откуда в 1941 г. эмигрировала в США. Из Нью-Йорка переселилась в 1950 г. в Вашингтон, получив работу в Библиотеке Конгресса.
Стихи начала писать только в Америке, с 1943 года. Впервые стихи появились в печати в 1944 г. в « Новом Русском Слове ». С тех пор часто печаталась в разных газетах и журналах, а в 1949 г. ряд стихотворений был включен в сборник « Четырнадцать », изданный Кружком русских поэтов в Америке. Первая книга стихов : « Пленные Слова » (Нью-Йорк, Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1952), вторая — « Зеркала » (Вашингтон, Изд-во В. Камкина, 1965).

Гизелла Лахман

ЛЕГКАЯ, Ираида Ивановна.

Родилась в 1932 г. в Латвии. С 1949 года в Соединенных Штатах. С 1963 г. сотрудничает в редакции русского отдела « Голоса Америки ».
Печаталась в « Гранях », « Новом Журнале », « Мостах » ; включена в число участников антологии « На Западе ».

МАГУЛА, Дмитрий Антонович.

Я родился в Петербурге 8 янв. 1880 г. Детство провел на Урале. Окончил с золотой медалью Петербургскую 8-ую гимназию, а в 1904 г. — Горный институт. Получил штатное место на Петербургском Монетном дворе и в Горном институте.
Был послан в ответственные командировки : в конце 1914 г. в США для покупки монетных станков, а затем на год в Японию, для чеканки русской разменной монеты на Японском монетном дворе и для надзора за этой чеканкой. Вернулся из Японии в самом начале 1917 г., затем был послан в Швецию, откуда в 1918 г. эмигрировал в США. В 1924 г. стал американским гражданином.
Получив от русского посольства поручение отвезти на американском грузовом пароходе припасы для армии Врангеля, присутствовал при эвакуации Крыма. Три года проработал в Русском обществе помощи беженцам. Позже служил в ряде американских технических компаний, из них 14 лет в Sinclair Refining Company. Три года прожил во Франции.
Еще гимназистом перевел два рассказа Ф. Брет Гарта. Они были приняты редакцией « Журнала Иностранной Литературы » и в 16 лет я получил за них гонорар в 30 рублей — мой первый

заработок. Позже для этого же журнала я перевел ряд романов Уэльса.

Вышли три сборника моих стихов : « Свет вечерний » (Париж, 1931), « Последние лучи » (Нью-Йорк, 1943) и « Фата Моргана » (Нью-Йорк, 1963). Участвовал также в сборниках « Из Америки » (1925) и « Четырнадцать » (1949), изданных в Нью-Йорке.

Д. Магула

МАМЧЕНКО, Виктор Андреевич.

Родился в конце 1901 года у Черного моря (г. Николаев). Пришел на корабле в Африку матросом. В Тунисе работал грузчиком в порту, батраком на фермах, маляром. В Зарубежье — 45 лет, в Париже — с 1923 года. Учился в Сорбонне на филологическом. Не доучился. Вернулся к строительным рабочим. Теперь учу взрослых французов русскому языку, корректирую рукописи соотечественников. До войны печатался почти во всех литературных изданиях, как и в антологиях Зарубежья. Был инициатором и действительным сотрудником Объединения русских поэтов в Париже (1924-1956 гг.).

Автор шести сборников стихотворений : « Тяжелые птицы » (Париж, 1936), « Звезды в аду » (Нью-Иорк, 1946), « В потоке света » (Париж, 1949), « Земля и лира » (Париж, 1951), « Певчий час » (Париж, 1957) и « Воспоминание сердца » (Париж, 1964).

Виктор Мамченко

МАРКОВ, Владимир Федорович.

Родился в 1920 г. Детство и юность провел в Ленинграде. Война забросила в Германию. В США с 1949 г. Сперва собирал лимоны на плантациях, сейчас профессор русской литературы Славянской кафедры Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Работает, главным образом, в области истории русского футуризма :

Книги : « Стихи » (Регенсбург, 1947), « Гурилевские романсы » (Париж, Рифма, 1960) ; The Longer Poems by Velemir Khlebnikov (Berkeley, University of California Press, 1962).

Поема без названия напечатана в « Опытах » № 4, 1955 (стр. 6-20).

Редактор-составитель сборника « Приглушенные голоса » (Нью-Йорк, Изд-во имени Чехова, 1952).

Автор многочисленных литературно-критических статей на русском и английском языках, из которых назовем следующие : « О Хлебникове » (Грани, № 22, 1954) ; « Мысли о русском футуризме » (Новый Журнал, № 38, 1954) ; « Легенда о Есенине » (Грани, № 25, 1955) ; « Et ego in Arcadia » (Новый Журнал, № 42, 1955) ; « Моцарт » (Новый Журнал, № 42, 1955) ; « Моцарт » (Новый Журнал, № 44, 1954) ; « Стихи русских прозаиков » (Воздушные Пути, т. I, 1960) ; « О свободе в поэзии » (Там же, т. II, 1963) ; « Однострочки » (Там же, т. III, 1963) ; « An Unnoticed Aspect of Pasternak's Translations » (Slavic Revew, Vol. XX, № 3).

Также занимался переводами американских и европейских поэтов и прозаиков на русский язык.

Владимир Марков

МАТВЕЕВА, Елена Ивановна.

Родилась в Берлине, «по дороге оттуда», 8 января 1945 года. Начала писать стихи, в подражание родителям и знакомым, с пятилетнего возраста. Несколько моих стихотворений напечатано в журнале «Грани».
В Америку я приехала в 1950 году и почти все время жила в Нью-Йорке. За последние годы много занималась переводческой работой — с английского на русский и с русского на английский. Переводила на русский язык часть «Отчета комиссии Уоррена» (расследование убийства президента Кеннеди). Недавно окончила перевод на английский язык книги Вячеслава Завалишина о жизни и творчестве Александра Грина.
Из поэтов переводила Альфреда Нойса, Падраика Колумна, Харольда Монро, Вальтера де ла Мара, Эдну Сент-Винсент Милей, В. Одена и Дж. Р. Толкина.

Елена Матвеева

МОЖАЙСКАЯ, Ольга Николаевна.

Я родилась в 1896 г., окончила гимназию в Петербурге. С 1920 г. почти безвыездно живу в Париже. Состояла членом Объединения Русских Писателей и Поэтов в Париже и клуба «Atheneo», где я слушала лекции на испанском языке. Переводила испанские стихи на русский.
Состою членом Союза Русских Писателей и Журналистов в Париже. Преподаю русский язык в Association Philotechnique, в Neuilly. Имею диплом.
Мои стихи печатались в разных периодических изданиях — «Гранях», «Возрождении», «Новом Журнале», «Русской Мысли», «Новом Русском Слове». Сборник стихов не был напечатан.

В феврале 1966 г. прочла ряд докладов по русской литературе в Глазго, по приглашению Славянской секции Университета.
В 1964 г. выпустила вторым посмертным изданием роман моего мужа, Виктора Николаевича Емельянова, — « Свидание Джима ».

О. Можайская

МОРШЕН, Николай Николаевич.

Все, что я хотел бы сказать читателям, я говорю в стихах. Остальное не важно.
Сборник стихов : « Тюлень » (Посев, 1959).
Печатался в журналах « Грани » и « Новый Журнал ».

Н. Моршен

НАРЦИССОВ, Борис Анатолиевич.

Родился в 1906 г., получил образование на естественно-математическом факультете Эстонского государственного университета в Тарту ; имеет степень магистра химии. Был сотрудником нескольких научно-исследовательских институтов и государственных и частных лабораторий. Провел несколько лет в Австралии, откуда переехал в США.
В печати появились следующие сборники стихов : « Стихи », Нью-Иорк, 1958, 96 стр., изд. автора ; « Голоса », Франкфурт/М,

Посев, 1961, 48 стр.; «Память», Вашингтон, Русская книга, 1965, 48 стр.
Стихи, рассказы, критические и научные очерки печатались в «Новом Русском Слове», в «Гранях» и в «Возрождении».

НЕЙМИРОК, Александр Николаевич.

Родился в 1911 г. в Киеве. Среднее и высшее образование получил в Югославии (Кадетский корпус, Белградский университет по лесному отделению сельскохозяйственного факультета). Печатался (стихи, рассказы, критические статьи) в газете «Меч» (Варшава), журналах «Грани» (Франкфурт/Майн), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), газетах «Посев», (Франкфурт/Майн), «Русская Мысль» (Париж), «Единение» (Мельбурн). Переводы на датский язык были опубликованы в журнале «Heresia» и в антологии русской поэзии.
Отдельные стихи печатались в сборнике русских поэтов Югославии (середина тридцатых годов), в антологии, выпущенной изд-вом им. Чехова и в сборнике «Муза Диаспоры», выпущенной изд-вом «Посев».
Изд-вом «Эхо» в Регенсбурге была выпущена в 1946 г. (под псевдонимом А. Немиров) книга «Дороги и встречи» о гитлеровских концлагерях, где автор находился в 1944-45 гг.

ОДОЕВЦЕВА, Ирина Владимировна.

Ни библиографии, ни биографии — я, как правило, избегаю их.

Ирина Одоевцева

ОСТРОУМОВА, Татиана Иосифовна.

Начала печататься еще в России. За границей ее стихи появлялись на страницах « Современных Записок », « Нового Журнала », « Нового Русского Слова », а также были включены в сборники : « Эстафета », « На Западе » и « Ковчег ».
В данное время Татиана Остроумова преподает русский язык в университете штата Колорадо, в США.

Татиана Остроумова

ПАНИН, Геннадий Геннадиевич.

Родился в 1895 г. в Москве, в семье инженера-технолога. Окончил реальное училище в Симферополе, затем слушал лекции в Технологическом институте (С.-Петербург) и в Таврическом университете (Крым).
Первая напечатанная вещь — лирическое стихотворение, появившееся в 1917 г. в газете « Прибой », выходившей в Симферополе. С тех пор его стихотворения стали появляться на страни-

цах периодических изданий : газета « Красный Крым », сборники — « Помощь », « Литературный Крым » и т. д.
Во время недоброй памяти ежовщины провел 18 месяцев в тюрьмах.
В начале Второй мировой войны был — с семьей — насильственно эвакуирован из Крыма на Северный Кавказ и тут призван в Красную армию. Вскоре оказался на территории, оккупированной немцами. Возвратившись в Симферополь, деятельно сотрудничал в газете « Голос Крыма », помещая на её страницах рассказы и репортаж.
Беженцем, в Австрии и Германии, продолжал писать в органах Освободительного движения.
С 1950 г. в Соединенных Штатах. Здесь его стихи неоднократно появлялись в « Новом Русском Слове ».
Последние 15 лет культивирует в своих стихах форму акростиха и работает по собиранию материала для его истории.

ПЕРФИЛЬЕВ, Александр Михайлович (Александр Ли).

Начал печататься в журнале « Огонек » во время Первой мировой войны. Работал в Риге в различных журналах и газетах (в том числе в газете « Сегодня ») как литературный сотрудник, технический редактор и фельетонист.
Сборники стихов : « Снежная месса » (1925), « Листопад » (1929) и « Ветер с севера » (1939) вышли в Риге, где был опубликован и сборник рассказов « Человек без воспоминаний » (1942) ; в Мюнхене в 1947 г. вышел сборник рассказов « Когда горит снег ».

Автор текстов многочисленных романсов и песенок, в том числе и популярной даже в Советском Союзе « О, эти черные глаза ». В настоящее время — сотрудник-фельетонист « Русской Мысли » в Париже и редактор одной из русских радиопередач.

ПЕСТРОВО, Клавдия Прокофьевна.

Я русская. Родилась на благословенной Украине и, несмотря на пестрый калейдоскоп земель, стран и городов, в продолжении всех скитаний, несмотря на смешение всех языков — я и до сих пор ношу в душе мелодии прекрасной Украины.

Почти треть моей жизни прошла в Югославии, где король Александр, воспитывавшийся в России, был очень добр к нам, русским « избеглицам ».

Стихи я начала писать с тех пор, как себя помню. В 1964 году появился мой первый сборник лирических стихов « Цветы на подоконнике », напечатанный в Мюнхене. Стихи мои печатались в « Новом Русском Слове » в Нью-Йорке, в « Русской Мысли » и журнале « Возрождение » в Париже, в журнале « Современник » в Канаде, в « Гранях » во Франкфурте и наконец здесь в Австралии, в журналах « Русский в Австралии » и « Крылья ». После издания моей книги, многие журналы, выходящие ротаторным способом, просили моего разрешения перепечатать стихи из сборника и теперь они появляются в Брюсселе, в Лос Анжелосе и в Ассунсионе, в Парагвае.

ПОМЕРАНЦЕВ, Кирилл Дмитриевич.

Родился в 1907 г. в Москве. Отец был судебным деятелем. Прожил в России до 13 лет и эвакуировался с семьей в Константинополь, где и получил среднее образование. Двадцати лет переехал в Париж, где до войны работал на заводах, участвовал в велосипедных гонках (чудесное занятие), любителем и вольнослушателем посещал курсы философии, богословия, литературы и прочих мудрствований. На время войны перебрался в Лион и там участвовал в Сопротивлении.

После войны стал сотрудником почти всех больших зарубежных изданий : « Тетрадей Возрождения » (при С. П. Мельгунове), « Русской Мысли », « Нового Русского Слова », « Нового Журнала », « Мостов » (был их представителем во Франции) и др.

С 1957 г. работаю в парижской « Русской Мысли », где составляю и редактирую отдел политической информации. Никаких дипломов, докторатов, кафедр и пр. не имею.

Стихи писал с самого детства, но очень плохо. Да и теперь пишу совсем не так, как этого бы хотелось.

К. Померанцев.

ПРЕГЕЛЬ, София Юльевна.

Печаталась во всех крупных зарубежных изданиях : « Современные Записки », « Числа », « Русские Записки » и т. д.

Выпустила в Париже шесть сборников стихов : « Разговор с памятью », 1935 ; « Солнечный произвол », 1937 ; « Полдень », 1939 ; « Берега », 1953 ; « Встреча », 1958 ; « Весна в Париже », 1966.

С 1942 по 1950 г. была редактором-издателем журнала « Новоселье », Нью-Йорк-Париж. Всего вышло 52 номера. Принимает участие в издательстве « Рифма ».

РАИЧ, Евгений.

Меня зовут Евгений Исаакович Рабинович. Я родился в Петербурге. В эмиграции прошел три стадии — немецкую (1920-1934), английскую (1934-1938) и американскую (с 1938 г.). Окончил Факультет химии в Берлине в 1922 г. ; теперь я профессор биофизики в Иллинойском университете. Кроме того я редактор чикагского журнала « Бюллетень атомных ученых » и устроитель международных съездов ученых « Наука и проблемы человечества » (« Пагуошские конференции »). Автор ряда книг по своей специальности. Мои « политические » статьи вышли в 1963 г. сборником : « The Dawn of a New Age ». Я доктор Берлинского университета (1926) и почетный доктор Брандайзского и Дартмутского университетов.
Стихи начал писать в детстве ; был членом Кружка русских поэтов в Берлине в 1925-30 гг., печатался в нескольких их сборниках. В 1963 г. выпустил в издательстве « Рифма » (Париж) первый и вероятно единственный сборник стихов « Современник ».
Переводил — с русского и на русский. Несколько переводов из Пушкина были напечатаны в Russian Review. Сорок лет работаю над переводом « Фауста » ; надеюсь его еще закончить.

РОСТОВСКИЙ, Александр Николаевич.

Русской литературой и особенно поэзией начал серьезно увлекаться с шестнадцати лет, когда еще заканчивал девятилетку. Потом поступил в Ростове-на-Дону в Институт сельхозмашиностроения, который не удалось окончить.

Первые мои литературные опыты появились в советской России в 1935 г. Печатал стихи в районных и областных газетах — до журнала дойти не успел. Здесь в эмиграции печатался в « Литературном Современнике », в « Новом Русском Слове » и в « Новом Журнале ».

Александр Ростовский

РУБИСОВА, Елена Федоровна.

В Париже вышли следующие книги : сборник стихов « Дуэль » (1946), сборник рассказов « Нью-Иорк » (1958), « Огни Азии ; путешествие на Восток » (1961).

Е. Рубисовой написаны также вышедшие на английском языке книги : « Art of Russia » (Краткая история русской живописи от иконописи до советской живописи включительно, с 164 репродукциями. N.Y., Philosophical Library, 1948), « Art of Asia » (Краткая история восточного искусства от начала до последних лет. N. Y., Philosophical Library, 1954).

Печаталась в следующих периодических изданиях : « Новое Русское Слово », (в течение 25 лет), « Русская Мысль », « Последние Новости » (довоенное издание в Париже), « Новый Журнал », « Новоселье », « Опыты », « Современник ».

Стихи помещены также в антологиях « Эстафета », « Муза Диаспоры » и в нью-йорском издании « Ковчег ».

Елена Рубисова

САБУРОВА, Ирина Евгеньевна.

Начала печататься и работать с 16 лет в газетах и журналах в Риге (« Маяк », « Огонек », « Нива », Русское Слово »), а также в книжных издательствах, как переводчица. С 1933 по 1940 г. редактировала еженедельный журнал « Для Вас » и работала в газете « Сегодня ». В 1938 г. в Риге вышел сборник рассказов « Тень синего марта ».
В Германии, вышли следующие книги : « Дама треф », сборник рассказов (1946) ; « Королевство алых башен » — рождественские рассказы (1947) ; стихи — « Разговор молча » (1956) ; « Копилка времени », рассказы (1958) ; « После ... », фантастический роман (1960) ; « Корабли Старого Города » — роман из жизни русской Балтики (1964) ; « Горшочек нежности » — рождественская поздравительная карточка-книжка с русским и английским текстом (1965) ; « Бессмертный лебедь » (Анна Павлова), изд. (Нью Йорк, Нива, 1957). Роман « Корабли » вышел в немецком переводе : « Die Stadt der verlorenen Schiffe », Heidelberg, Carl Pfeffer Verlag, 1951. Тот же в испанском : « La ciudad de los barcos perdidos », Barcelona, Luis de Caralt, 1958. Только что вышел из печати сборник рассказов « Счастливое зеркало ».
С 1952 постоянная сотрудница газ. « Новое Русское Слово » и нескольких русских журналов заграницей. Работает как переводчица.

СЛАВИНА, Кира Марковна.

Детские годы прошли в Ленинграде. В Америке с 1928 г. Окончила среднюю школу в Нью-Йорке, а затем в Нью-Йоркском Сити Колледже специализировалась в журнализме. С 1954 г. обосновалась в Вашингтоне.
Писать начала очень рано. Сборник стихотворений « Бумажные

крылья », посвященный памяти отца, художника М. С. Иоффе, вышел в Нью-Иорке в 1944 г. Печаталась в « Новом Русском Слове » и « Новом Журнале », а также в сборниках, издававшихся в Нью-Иорке и Париже, как. например, « Эстефета » (1948) и « Четырнадцать » (1949).
Много переводит : американских поэтов на русский язык, а басни, русские народные песни и стихи русских поэтов — на английский язык.
Выступала на литературных вечерах в Нью-Иорке и Вашингтоне. Готовит к печати свой сборник стихотворений « Песочные часы », и надеется в будущем выпустить сборник стихотворных переводов с русского на английский.

Кира Славина

СОБОЛЕВА, Галина Сергеевна.

Я родилась на Урале в « Мотовилихе », Пермской губернии в 1907 году. В начале революции мы уехали в Харбин, где я и училась. В 1925 г. перебрались в Австралию. Здесь я училась рисованию, а затем прошла библиотечные курсы и теперь служу в технической библиотеке частной фирмы.
Люблю писать акварелью пейзажи, люблю музыку и поэзию. В Сиднее в 1965 г. вышел сборник моих стихов « Невидимка ». Печаталась в « Возрождении » и в местных журналах : « Русский в Австралии », « Крылья », « Под Южным Крестом » и др.

Г. Соболева.

СТРАННИК.

Странник — Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, в миру кн. Дмитрий Алексеевич Шаховской. Родился 23 авг. 1902 г. в Москве. Выехал из России в 1920 г. Автор многих книг, статей (частью, выходивших и в переводах, на разных иностранных языках) и радио-бесед. В 1960 г. вышла в Нью-Йорке книга его стихотворений «Странствия». Печатаемые в этом сборнике стихи — из готовящейся книги «Рождение вещей». Стихотворения его печатались в «Новом Журнале», Нью-Йорк, и в других периодических изданиях.

Странник

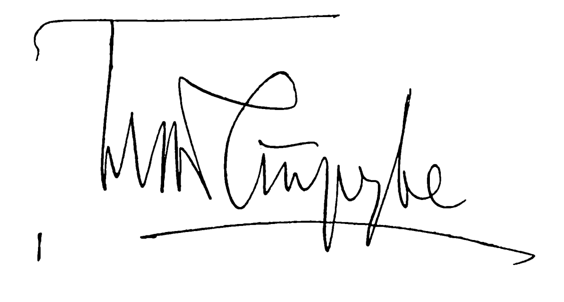
СТРУВЕ, Глеб Петрович.

Родился 19 апреля (ст. ст.) 1898 г. в С.-Петребурге. Часть детства провел заграницей — в Швейцарии, Германии и Франции, где его отец, П. Б. Струве, был в то время политическим эмигрантом. В 1916 г. окончил Выборгское коммерческое училище в Петербурге. Осень и зиму 1916 г. провел на фронте, в Лесистых Карпатах, заведуя питательным пунктом для строительных рабочих в Земско-Городском Союзе. В 1917 г. поступил добровольцем в армию и до Октябрской революции служил в гвардейской конной артиллерии. В самом конце 1917 г. уехал на Юг и поступил в Добровольческую Армию ген. Корнилова. В составе одного отряда был арестован казаками, выдан матросам из независимой тогда Черноморской Республики и три месяца просидел в качестве заложника в тюрьме в Новороссийске. В декабре 1918 г. эмигрировал вместе с отцом, перейдя пешком финляндскую границу с фальшивым паспортом, изготовленным Б. В. Савинковым и А. С. Белоруссовым в Москве.

Поселился в Англии и жил в Чехословакии, Германии и Франции, занимаясь литературой и журналистической деятельностью. В 1932 г. был назначен лектором по русской литературе в Лондонском университете. С 1941 по 1945 г. сочетал работу в университете с положением главного русского « слухача » на радиостанции агентства Рейтер. С 1947 г. — профессор Калифорнийского университета в Беркли. Автор нескольких книг о русской литературе, вышедших на английском, русском, немецком, французском и других языках, и большого количества научных и литературно-критических статей.

Вместе с Б. А. Филипповым редактировал вышедшие в США сочинения Б. Л. Пастернака, Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой, Н. И. Заболоцкого и др.

Стихи начал писать с 12 лет, но более или менее серьезно с 1915 г. Первое стихотворение напечатано было в 1918 г. в журнале « Русская Мысль ». Сотрудничал во многих зарубежных периодических изданиях, журналах и газетах. Первый сборник стихов — « Утлое жилье. Избранные стихи 1915-1949 гг. » вышел в 1965 г.

СУМБАТОВ, Василий Александрович.

По происхождению принадлежит к древнему грузинскому княжескому роду, давно обрусевшему. Родился в 1893 г. в Петербурге. С июля 1914 г., во время Первой мировой войны находился, как офицер, в Действующей Армии до октября 1916 года, когда был эвакуирован вследствие тяжелой контузии головы.

В 1920 г. Сумбатов с семьей приехал в Рим, где и прожил до 1960 года. Работал, как рисовальщик, для Ватикана, украшая миниатюрами и орнаментацией пергаменты папских були, и одновременно по заказам театральных и кинематографических студий делал рисунки материй и костюмов для исторических фильмов и пьес. Работал в единственном русском книжном магазине, где был и заведующим, и продавцом, и уборщиком. Дважды был приглашен как советник при постановке фильмов на русские темы. Давал уроки русского языка иностранцам.

Стихи начал писать с 12 лет. Они впервые появились в печати в начале 20-х годов в русской газете « Новое Время » в Белграде. В 1922 г. издательство « Град Китеж » в Мюнхене выпустило сборник юношеских стихотворений Сумбатова. Позже стихи Сумбатова печатались во многих газетах и журналах, в частности в журнале « Возрождение », в газете « Русская Мысль » и в изданиях « Общекадетского Объединения ». В 1957 г. друзья Сумбатова напечатали в Милане сборник его стихотворений.

В 1964 г. Сумбатов перенес несколько глазных операций, вызванных разрывом сетчатки в единственном видящем глазу. После операций зрение постепенно восстанавливается, но читать и писать Сумбатов еще не может.

ТАУБЕР, Екатерина Леонидовна.

Родилась в городе Харькове. Вместе с родителями в 1920 году эмигрировала в Белград, где окончила Харьковский Институт, а потом французское отделение Белградского университета. Четыре года преподавала в сербской школе. Потом уехала во Францию и вышла замуж. Живу на Ривьере. С 1955 г. преподаю русский язык в Lycée Carnot в Каннах.

Вышли три сборника стихов : « Одиночество » (1935), « Под сенью оливы » (1948) и « Плечо с плечом » (1955). Рассказы и стихи, а также критические статьи печатались в « Новом Журнале » и в « Гранях ». До войны печаталась в « Современных Записках », а также « Русских Записках » в Париже, и в газете « Возрождение ».

Екатерина Таубер.

ТЕРАПИАНО, Юрий Константинович.

Родился 9 (21) октября 1892 года, в городе Керчи, в Крыму.
В 1911 году окончил в Керчи Александровскую классическую гимназию, в 1916 году — юридический факультет Киевского университета св. Владимира. Был призван на военную службу ; в 1917 году окончил военное училище, был на Юго-Западном фронте, в конце лета 1919 года, после занятия Киева добровольцами, вступил в ряды Добровольческой Армии.
В 1918-1919 гг. начал печататься в киевских журналах и принимать участие в литературных выступлениях.
В Париже в 1925 году, вместе с Вадимом Андреевым, Довидом Кнутом, В. Мамченко, Ант. Ладинским и другими поэтоми, организовал « Союз Молодых Поэтов и Писателей » и был его первым председателем.
В эмиграции впервые напечатан в начале 1926 года в литературном отделе газеты « Дни », которым заведовал Вл. Ходасевич, а затем помещал стихи и статьи в газете « Последние Новости » и в большинстве литературных журналов эмиграции и до и после войны.
Выпустил 6 книг стихов : « Лучший звук » (Изд. « Милавида », 1926), « Бессонница » (Изд. « Парабола », 1935), « На ветру » (Изд. « Современные Записки », 1938), « Странствие Земное » (Изд. « Рифма », 1950), « Избранные стихи » (Изд. Виктора Камкина, 1963), « Паруса » (Изд. « Русская книга », 1965), повесть « Путешествие в неизвестный край » (Изд. « Дом книги »,

1946) и первый том воспоминаний « Встречи » (Изд. им. Чехова, 1953). В 1960 году, в издательстве « Посев » вышла под моей редакцией антология зарубежной поэзии « Муза Диаспоры ». С 1945 по 1955 год помещал критические обзоры в газете « Новое Русское Слово » в Нью-Иорке, а с 1955 года веду критический отдел в парижской газете « Русская Мысль ».

Ю. Терапиано

ТРОЦКАЯ, Зинаида Самеевна.

Родилась я в Вильне в 1902 г. Годы Первой мировой войны провела в Петрограде, где и окончила гимназию. С 1921 по 1933 г. жила в Германии, затем в Париже, а в 1941 г. приехала в Соединенные Штаты.
Печаталась в виленской и варшавской русских газетах, в « Иллюстрированной России », в сан-францискской « Русской Жизни » и в выходившем там же короткое время журнале « Дело », в « Новом Русском Слове », в « Новом Журнале » и в торонтском « Современнике ».
Выпустила три сборника : в 1928 году — « Безголосые песни » (Берлин), в 1944 г. — « Отголоски » (Нью Иорк) и в 1961 г. — « Вполголоса » (Париж). Участвовала также в сборнике « Четырнадцать », выпущенном в 1944 г. Кружком русских поэтов в Нью Иорке.

Зинаида Троцкая

ТРУБЕЦКОЙ, Юрий Павлович.

Родился в 1902 г. в г. Риге, но вывезен оттуда ребенком в Петербург. Начал писать сознательно в 13 лет. В 14 лет познакомился с поэзией символистов, акмеистов.
Незабываемое впечатление произвело личное знакомство с А. А. Блоком. Его стихи всегда и до сих пор являются для меня светочем. Кроме Блока был знаком с Гумилевым, Ахматовой, Мандельштамом. В Петербурге кончил гимназию. Высшее образование закончил уже после. В 1916 г. в журнале « Лукоморье » были напечатаны мои стихи. Одно время жил в г. Баку, где входил действительным членом в Бакинский Цех поэтов, председателем которого был Вячеслав Иванов. После этого жил на Украине, где писал, но не печатался.
Сейчас готовлю повесть « Смута » из времен Годунова и царевича Дмитрия. Печатался за рубежом : « Новое Русское Слово » и « Русская Мысль » (постоянно). Печатался и в некоторых других русских газетах, как « Голос Народа », « За Свободу » и т. д. В журналах « Возрождение », « Новый Журнал », « Современник » (Канада). Изданы две книжки стихов (Париж, Рифма). Напечатаны стихи в антологиях « На Западе » и « Муза Диаспоры ». Повесть печаталась из № в № в « Нов. Рус. Слове ». Одно время (во время гражданской войны) жил у поэта Максимиллиана Волошина. Его облик для меня незабываем и как поэта и как художника и как рыцарски-благородного человека.

Юрий Трубецкой

ТУРОВЕРОВ, Николай Николаевич.

Родился в 1899 году. Донской казак. Захватил Первую великую, всю гражданскую и Вторую (в иностранном легионе) войны. Рубил лес и был мукомолом в Сербии. Грузил вагоны (одновре-

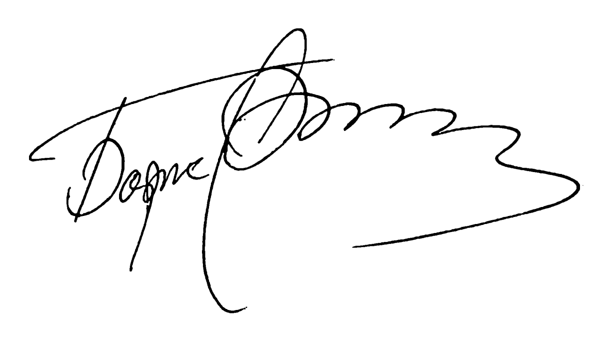
менно посещая Сорбонну) в Париже. Потом — 37 лет в банке. Сейчас в отставке, на пенсии. Собрал большую библиотеку с отделом гравюр, главным образом на русском языке. Участвовал во многих русских периодических изданиях за рубежом.
Выпущено 5 книг стихов : 1928, 1937, 1939, 1942 и 1965 гг. Устраивал выставки : 1812 год, Суворов, Казаки.

Николай Туроверов

ФИЛИППОВ, Борис Андреевич.

Родился в 1905. Книги : стихи : « Град Невидимый », 1944, « Ветер Скифии », 1959, « Непогодь », 1960, « Бремя времени », 1961, « Рубежи », 1962, « Стынущая вечность », 1964 ; проза : « Кресты и перекрестки », 1957, « Сквозь тучи », 1960, « Пыльное солнце », 1961, « Полустанки », 1962, « Музыкальная шкатулка », 1963, « Кочевья » 1964 ; литературные очерки — « Живое прошлое », 1965.
Редактор и автор вступительных статей собрания сочинений Н. Клюева (два тома, 1954), повестей (1954) и « Моей литературной судьбы » К. Леонтьева (1966), « Записок из подполья » (1946) и « У Тихона » Достоевского (1964), « Советской потаенной музы » (1961), « Сумасшедшего корабля » Ольги Форш (1964), книг М. Зощенко (1946), Н. Аржака (1962, 1963, 1964), А. Терца (1964), А. Ставара (1964), Л. Богданова (1964) и др. ; совместно с Г. П. Струве — собраний сочинений О. Мандельштама (1955, второе издание — 1964), Б. Пастернака (три тома, 1961), Н. Гумилева (1962, 1964, 1966), Н. Заболоцкого (1965), А. Ахматовой (1965) и др.
Публикации в альманахах « Литературный Современник » (1954), « Литературное Зарубежье », « Мосты », « Воздушные Пути », сборнике Славянского института Итальянской Академии

в честь профессоров Мавера и Этторе Ло Гатто, в журналах « Грани », « Новый Журнал », « Возрождение », « Дело », в газетах « Посев », « Эхо », « Единение », « Русская Мысль », « Новое Русское Слово » и др.

ХАЛАФОВ, Константин Константинович.

По профессии инженер-строитель.
Печатался до войны в « Перекрестке » (Париж) ; после войны в « Возрождении », в « Гранях », иногда и в русских газетах за рубежом. Опубликовал в « Мостах » музыкальный анализ стихов Пастернака. Подобно ему всегда интересовался музыкой наравне с поэзией, и последние годы работал совместно с профессором Дональдом Боррором (Ohio State University) над анализом музыкального содержания птичьих песен, о чем опубликовал ряд статей на английском языке. Среди анализированного материала имеются песни многих птиц из США, также как и австралийской птицы-лиры, часть песни которой была положена мной на ноты со звуковой ленты и сделанных с нее проф. Боррором электронных диаграмм. В настоящее время работаю над анализом гармоний (музыкальных интервалов и аккордов, консонансов и диссонансов) и тональной шкалы, употребляемой птицами в их песнях. Из собственных записанных композиций для рояля первое публичное исполнение имело место в Мельбурне в конце прошлого года.
Из любимых авторов могу назвать Бунина и Пастернака, но

писать «в их духе» не пытался: со способностью Пастернака определять словами подсознательное надо родиться, а дотянуться до Бунинского стандарта простоты и лаконизма невозможно; кроме того, мои идеи о патетике стиха совсем иные, чем у них. Но к краткости и точности надо стремиться: «...и не будьте как язычники, которые думают, что в многословии своем будут услышаны».

ЧИННОВ, Игорь Владимирович.

Родился в Латвии, отец юрист, библиофил, полиглот, мать из рода (Корвин-) Косаговских, двоюродная сестра поэта П. Ф. Якубовича-Мельшина, потомка декабриста. Окончил Латвийский университет.
1947-53 — Париж, посещал Сорбонну, читал публичные лекции по русской литературе при РСХД. 1953-62 — Мюнхен, радио ники: «Эстафета», «На Западе» и «Ковчег».
Свобода: редактор, автор передач о советской и современной французской и немецкой литературе и искусстве. С 1962 профессор русской литературы Канзасского университета.
Книги: «Монолог», Париж, Рифма, 1950; «Линии», там же, 1960; «Мелодия», Нью-Йорк, изд. «Нового Журнала», 1966. Готовится английское издание в переводах В. Терраса.
Представлен в антологиях «Эстафета», «На Западе», «Чтец-Декламатор», «Муза Диаспоры», в журналах «Числа,», «Новоселье», «Новый Журнал, «Грани», «Опыты», «Мосты», «Воздушные Пути» и др.

ШИМАНСКАЯ, Аглаида Сергеевна.

Выросла я в Швейцарии, где получила образование, перед войной вышла замуж и переехала в Париж.
Печататься начала в 1947 году в « Новом Русском Слове ».
Помещала стихи и прозу, кроме « Нового Русского Слова » в « Русской Мысли », в « Возрождении », в « Новом Журнале », в « Гранях », в « Современнике », в « Единении ».
Участвовала в антологиях « Эстафета » и « Муза Диаспоры ».
Автор сборников стихов : « Капля в море » (1950), « Новолунье » (1955) и « Я вам прочту » (1963).

ШИШКОВА, Аглая.

Псевдоним Агнии Сергеевны Ржевской.
С конца сороковых годов печатала стихи в журналах « Грани », « Литературный Современник » и др. Сборник « Чужедаль » — в 1953 г. С 1963 г. — в США. Слушает курсы по русскому языку и литературе в аспирантском отделе Нью-Иоркского университета.

ЭЛЛИС, Владислав Валентинович.

Из всех моих увлечений самым долголетним оказалась поэзия. Первый раз мои стихи были напечатаны в газете в 1926 г. и сейчас, через сорок лет, в Сайгоне, после поездки на постройку порта и дискуссий с чертежниками, вечерами занимаюсь в гостинице тем же, чем и в Харькове, будучи учеником 6-й трудовой школы.

В пятьдесят два года то же отношение к стихам, какое было и в тринадцать лет — тот же путь мышления и то же удовольствие передумывать, приводить в систему пережитое и виденное, только пересматривая свои детские стихи, чувствую большую разницу в тематике и очень незаметную в качестве. Напрасно взрослые недооценивают детский ум — творческого воображения у детей гораздо больше, чем у взрослых.

В 30-х годах стихи писать перестал, если не считать того, что несколько раз в печати появлялись стихи, созданные « бригадно-лабораторным » способом (коллективное творчество) при участии 4-5 авторов. Из этой бригады один я попал в Америку. Во время Второй войны жил три месяца в лесу и много писал ; все забрали немцы при аресте.

В Америке больше всего печатался в « Новом Русском Слове ». Сборника своих стихов сам не издавал и не собираюсь этого делать. Моя профессия — инженер-строитель, а стихи только для отдыха и изоляции, на время, от скучной действительности. Я член лос-анжелосского общества « ГОШЭ », где можно больше набраться творческой зарядки, чем в Институте журналистики, где я был на семинаре без отрыва от производства.

ЭРИСТОВ, Георгий Захарьевич.

Родился 6-го Мая 1902 г. в городе Батуме (Грузия). Детство провел между Грузией и Петербургом (мать моя была русская). Окончил классическую гимназию и два факультета : инженерный (химия) и экономический. После долгих лет скитаний по Европе, обосновался в Италии, где живу уже почти три десятка лет.

В настоящее время занимаюсь литературной и педагогической деятельностью. Уже ряд лет состою профессором русской литературы и языка в Миланском институте « Internat. Transl.

Centre ». Кроме того часто в различных городах Италии выступаю с публичными лекциями на итальянском языке по « русскому комплексу » (литература, культура, история). Некоторые из этих лекций вышли на итальянском языке отдельными брошюрами. Печатаюсь в журналах : « Современник » (Канада) и « Грани ». Начал писать стихи с 13 лет, сначало испытывал влияние символистов (А. Белый), а затем акмеистов, пока не нашел свой « особый путь ». Моими любимыми поэтами являются : из 19-го века : Пушкин, Баратынский, Тютчев, Фет, из текущего столетия : Гумилев, Мандельштам, Ахматова, Владимир Хлебников, Николай Заболоцкий.
В Италии впервые выпустил первые два сборника стихотворений : « Сонеты » в 1955 г. и « Синий Вечер » в 1956 г. ; в текущем году должна быть опубликована третья книга стихов — « Ладья » в Париже (в которую войдут стихи, написанные за последние десять лет). Лучший итальянский славист, римский профессор Ло Гатто в своем капитальном труде « Современная русская литература » (на итальянском языке) с большой похвалой отозвался о моих книгах.

Георгий Эристов.

ЯНКОВСКАЯ, Виктория Юрьевна.

Родилась в семье пионеров Дальнего Востока и до 13 лет жила в имении Сидеми близ Владивостока.
Отец мой — Ю. М. Янковский, известный спортсмен и охотник, долго не имея сыновей, воспитывал меня, как мальчика : всегда помню себя верхом на пони или в горах на охоте. Так, на конях, мы и покинули родину с партизанской дружиной отца : из Приморья — в Северную Корею.

Богатая девственная природа этой красивейшей — ныне истерзанной — страны пленила навсегда : водопады, хребты Кореи, таежная глушь, скалы, ярчайшие цветы — все воспевалось мной. Рано начала печататься во всех периодических изданиях Дальнего Востока : в журнале « Рубеж » и в Шанхае, в журналах « Парус » и « Прожектор ». Сотрудничала в газете « Слово » в Шанхае и там же участвовала в двух конкурсах прозы и поэзии, получив звание « Первого поэта Дальнего Востока ». Мои рассказы были переведены на японский язык и шли в газете « Осака-Маиничи » в Японии, а сама я переводила стихи и песни с японского.

В 1935 г. вышла моя книга « Это было в Корее ». Второй, подготовленный к печати роман из японской жизни утерян во время захвата Маньчжурии и Северной Кореи.

Судьба забросила меня на десять лет в глухую маньчжурскую тайгу в совершенно первобытные условия жизни, а затем в Южную Америку на такой же срок. С тех пор пишу только для себя и если читаю стихи, то лишь « водопадам да облакам » . . .

Виктория Янковская

ИЗДАТЕЛЬ : **КАМКИН, Виктор Петрович.**

Родился в С.-Петербурге 26 января 1902 г. После окончания шести классов реального училища в 1918 году, выехал с родителями в Омск. Участник Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Дважды разоружался с частями Белой Армии при переходе китайской границы в гор. Маньжурии и в поселке Хунчуне на стыке корейско-китайско-русской границы. Участник Волочаевских боев и боев при обороне Приморья в 1922 г.

Зарабатывая деньги тяжелым трудом (был лодочником на реке Сунгари, кочегаром, мотористом, рулевым) окончил в 1924 г. гимназию, а в 1928 г. Юридический факультет.

С 1929 г. в городах Шанхае, Тяньцзине и Циндао занимался книжной тороговлей, книгоиздательством и типографским делом. Издал книги А. Амфитеатрова, кап. А. Капрелева, Л. Арнольдова, Н. Байкова, А. Аверченко, баронессы Л. Врангель, А. Гефтера, Бориса Суворина, д-ра В. П. Петрова, есаула Макеева, Е. Глуховцовой, лейт. Льдовского, А. Несмелова, Павла Северного, А. Пантелеева, Н. Н. Брешко-Брешковского, Лаппо-Данилевской, Уварова и др. дальневосточных и европейских авторов.

Последний председатель Российской эмигрантской ассоциации в гор. Циндао.

В критический момент в феврале 1949 г., когда гор. Циндао был отрезан от других городов и с суши, и с моря и когда, казалось бы, эмигрантская колония будет брошена на произвол судьбы из-за отстуствия средств передвижения, обратился к командующему американским военно-морским флотом в водах Северного Китая с просьбой помочь вывезти русских эмигрантов в безопасное место. В ответ на эту просьбу американский флот выслал из Шанхая в Циндао два военных корабля, на которых были вывезены все русские эмигранты и лица других национальностей, не пожелавшие оставаться в Китае.

Вместе с женой, Еленой Андреевной, верной помощницей во всех делах, оставался еще две недели в городе, как поручитель за всех выехавших, так как без этой формальности никому нельзя было получить заграничный паспорт.

В том же 1949 году на американском военном траспорте прибыл в США.

В 1953 году организовал русское книжное дело, имеющее теперь отделения и контрагенства в Сан-Франциско, Рочестере (штат

Нью-Йорк), Чикаго, Лос Анжелосе, Хартфорде (штат Коннектикут), Филадельфии и других городах.

В Америке продолжает заниматься издательской деятельностью, выпустив ряд книг (среди них два тома произведений Гумилева, стихи Ю. Терапиано и Г. Лахман, романы Н. Федоровой и Г. Альтшуллера, исторический очерк Н. Ульянова, и др.).

СОСТАВИТЕЛЬ: **ФЕСЕНКО, Татьяна Павловна.**

Родилась в Киеве, в городе, который невозможно забыть. По образованию — филолог, весной 1941 года окончила аспирантуру Киевского университета, где преподавала английский язык с осени 1939 года.

Работать начала рано, сперва в библиотеке, затем, еще студенткой, в Институте языкознания Академии наук Украинской ССР. По окончании высшего образования три года была литературным редактором Медико-биологического издательства, затем вернулась в университет.

Прошла страдный путь « перемещенного лица », в 1950 г. попала в США. Двенадцать лет проработала в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, где, в частности, составила и научно описала коллекцию русских редких книг XVIII века. Эта работа была издана Библиотекой в 1961 году.

Вместе с мужем, А. В. Фесенко, является автором книги о русском языке советского периода, вышедшей в Нью-Йорке в 1955 г. По приглашению журнала « Osteuropa » авторы продолжили работу в этом направлении: обзор состояния русского языка в СССР за последние десять лет помещен в № 1/2 этого журнала за 1965 год.

В 1963 г. в издании « Нового Русского Слова », сотрудницей которого Т. Фесенко стала с первых месяцев жизни в Америке, вышла ее книга « Повесть кривых лет ». Статьи и очерки Т. Фесенко печатались также в « Новом Журнале » и « Мостах ».

Книга « Глазами туриста », составленная из очерков, печатавшихся в « Новом Русском Слове » в 1963 - 64 гг. в ближайшее время выйдет из печати.

В книжном деле В. П. Камкина занимается составлением очередных каталогов, дает обзор новых книг и принимает участие в работе Издательского отдела.

ОГЛАВЛЕНИЕ

*) Сперва указана страница, с которой начинается отдел того или иного поэта, затем страница, на которой помещена био-библиографическая справка.

»	Изгнанник. Историч. роман в 2 кн. 251 + 244 стр.	6.00
»	Последние Горбатовы. Историч. роман в двух книгах. 174 + 276 стр. . . .	5.50
Столетняя годовщина прихода русских эскадр в США. Статьи : В. П. Петрова, А. Г. Тарсаидзе и А. Долгополова. 84 стр. и иллюстр.		1.50
ТЕРАПИАНО, Ю. — Избранные стихи. 10 стр. . .		1.50
УЛЬЯНОВ, Н. И. — Северный Тальма. К 150 летию взятия русскими войсками Парижа в 1814 г. (Доклад, прочитанный в нашем магазине. 32 стр. . .		1.00
ФЕДОРОВА, НИНА — Жизнь. Роман в трех книгах. 204 + 217 + 243 стр.		7.50
ФИЛЛИППОВ, Б. А. — Кресты и перекрестки. Очерки и рассказы. 160 стр.		1.50
ШПАКОВСКИЙ, А. — На путях жизни и мысли. Стихи		1.00

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ИВАСК, Ю. — Хвала. Сборник стихов.

ОДОЕВЦЕВА, ИРИНА — На берегах Невы ; воспоминания.

ФЕСЕНКО, Т. — Глазами туриста ; европейские впечатления.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ГАЛИЧ, ЮРИЙ — Когда малиновки звенят. Повесть.

ГРИГОРЬЕВ, Д. Д. — Ф. М. Достоевский.

КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ, В. — Стихи и драматические поэмы в двух томах.

МИНЦЛОВ, С. — Святые озера. Повести и рассказы.

ПЕТРОВ, В. П., — Российская духовная миссия в Китае. Расширенный доклад, прочитанный в нашем мага-. зине.

ЭБЕРШТЕЙН, И. Г. — Русская идея. Расширенный доклад, прочитанный в нашем магазине.

A. ROSSEELS PRINTING Co
70, rue du Canal — Louvain
☏ (016) 219.62 — Belgium